

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. КОЖЕВНИКОВ

ВЕЛИКАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
В ГЕРМАНИИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

В. КОЖЕВНИКОВ

9(43)1355

58 год

К - 582

ВЕЛИКАЯ
КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА
В ГЕРМАНИИ

(1524 — 1525 г.г.)

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ

БИБЛИОТЕКА УЗ.Г.У.
116580
Л.С. АРМ

48

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА ☆ 1925 ☆ ЛЕНИНГРАД

Главлит 40.606.

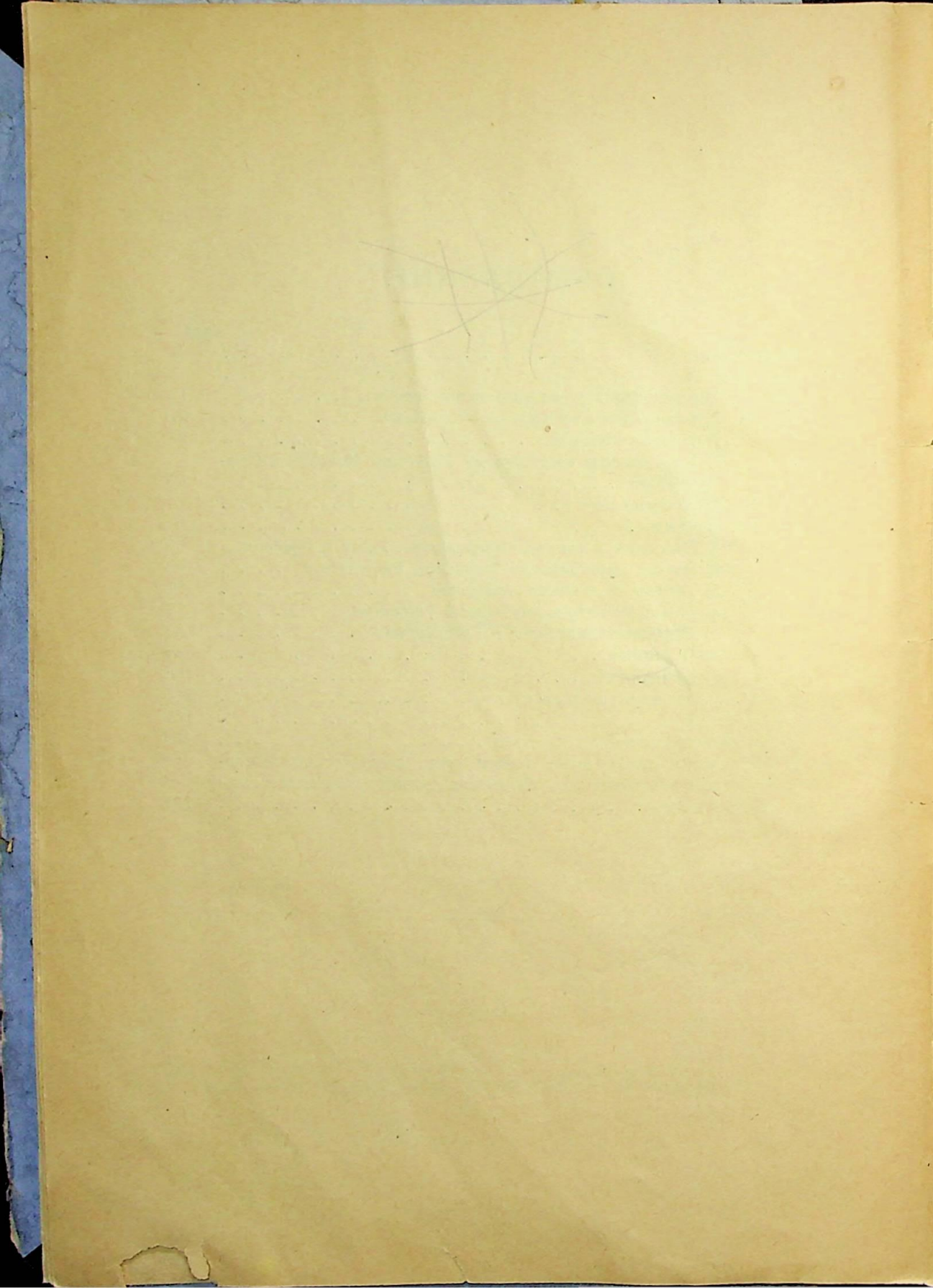
Гиз. № 14.037.

Тираж 7.000 экз.

Типография Госиздата „Красный Пролетарий“. Москва, Пименовская, 1/16.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От издательства	V
Введение	1
Глава I. Причины крестьянской войны	12
„ II. Предвестники революции	27
1) Тайные общества	27
2) Крестьянские восстания до 1524 года. Кемптен и Вюртемберг	35
„ III. Реформация	44
„ IV. Война	62
1) Восстание в Альгее, Шварцвальде, Гегау и Брейсгау	62
2) Эльзас, маркграфство Баденское, Вюртемберг	69
3) „Ясное“ и „Черное“ ополчения	71
4) Томас Мюнцер и восстание в Тюрингии	77
5) Народная канцелярия в Гейльбронне	83
6) Поражение	86
7) Победители	98
„ V. Причины поражения	103
Приложения	130
1) Тезисы шварцвальдских крестьян	130
2) „Истинные и справедливые тезисы всего крестьянского сословия и всех захребетников, обиженных своими духовными и светскими властями“	131

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Не только история определяет понимание современности, но и современность—понимание истории. Иногда современное событие новым светом освещает событие, уже давно отошедшее в область истории, или заставляет заняться исследованием того, что прежде оставалось в тени или иногда даже игнорировалось.

Несомненно, одним из важнейших вопросов, выдвинутых перед историей русской революции, является вопрос об истории крестьянства и истории крестьянского движения.

Крестьянство играло исключительную роль в истории русской революции: только в союзе с крестьянством пролетариат и мог совершить октябрьскую революцию, только в союзе с крестьянством пролетариат может осуществлять социалистическое строительство. Для того, чтобы понять современное положение крестьянства и его роль в русской революции, нужно изучать не только современное крестьянство, но и его историю.

Несомненно, интереснейшими моментами в истории крестьянства являются и его революции. Историю крестьянских революций можно разделить на следующие три основные исторические фазы: первая фаза — революции эпохи развития торгового капитала, эпохи крепостничества, вторая—эпохи промышленного капитала (так называемые буржуазные революции) и, наконец, крестьянское движение эпохи финансового капитала и империализма — эпохи социалистической революции.

Конечно, изучение крестьянских революций представляет также известный самодовлеющий интерес. Постольку, поскольку мы изучаем крестьянство, мы вырабатываем методы исследования его истории. Однако крестьянское движение интересно не только с этой стороны; оно имеет отчасти и современное значение.

География современного крестьянства представляет исключительную пестроту. Мы здесь имеем крестьянство стран капиталистически высоко развитых, уже давно перешедших через этап своей буржуазной революции и стоящих накануне социалистической революции,—мы имеем в виду крестьянство, например, таких стран, как Германия, Франция или Голландия, Швейцария, Дания и пр.,—стран высоко развитого капитализма, однако, еще со значительным наличием крестьянства.

Вместе с тем мы имеем страны, только что вступающие в фазу своих буржуазных революций, правда, не тех буржуазных революций, которые пережила Европа в течение XVII—XIX веков. Своеобразие этих буржуазно-демократических революций заключается в том, что они совершаются уже в эпоху империализма, когда назрели основные противоречия между капиталом и трудом и когда пролетариат уже выступает в борьбу за социалистическую революцию. В этих условиях буржуазно-демократическая революция совершается уже не буржуазией, а под гегемонией пролетариата против буржуазии. К таким странам в настоящее время относятся главным образом колониальные страны, где еще господствуют остатки феодального крепостного строя, остатки, не только не уничтоженные капитализмом, но и весьма своеобразно приспособившиеся даже к высшей ступени его развития, как финансовый капитал и империализм.

Постольку, поскольку в настоящее время во всю широту встал вопрос о революции в полуколониальных и колониальных странах, т.-е. странах мелкого крестьянского хозяйства, постольку изучение всех предшествовавших крестьянских революций приобретает исключительный интерес. В последнем отношении для нас важно изучение истории крестьянства в тех странах, которые прошли уже эти этапы, хотя и в совершенно иной обстановке.

Современную, чрезвычайно пеструю географию крестьянства мы можем значительно легче понять, если мы географию сопоставим с историей. Изучение истории крестьянства в разные эпохи, в разные моменты его развития, несомненно, представит интересный в методологическом отношении материал для понимания современного движения и современной истории крестьянства. Последним и объясняет-

ся то, что нам приходится в настоящее время такое большое внимание уделять, например, истории русского крестьянства; как раз в 1925 году исполнилась полуторасталетняя годовщина со времени русской крестьянской революции XVIII века—пугачевщины.

Исключительный интерес представляют для нас сейчас и истории европейских революций XIV—XVI веков: движение итальянских крестьян в начале XIV века, крестьянская война во Франции, так называемая Жакерия в том же веке; восстание крестьян в Англии (восстание Уота Тайлера), движение богемских крестьян и, наконец, крестьянская война в Германии, четырехсотлетие которой только что исполнилось. Эти движения отделены от нас не только столетиями, но и целой новой эпохой, но все же они представляют большое значение для изучения крестьянства и его революций.

Поэтому издательство приняло на себя переиздание работы В. Кожевникова «Великая Крестьянская Война в Германии» (1524—1525 г.г.). Правда, книга Кожевникова не вполне может удовлетворить современного читателя: написана она около 20 лет назад во время первой русской революции. Вообще-то говоря, срок в 20 лет для обычных эпох не особенно большой, но для нашей эпохи революции это срок колоссальный, так что и в отношении постановки вопроса, и в отношении его трактовки, даже и в отношении самого стиля современный читатель мог бы потребовать несколько иного.

Бесспорно, современный популяризатор истории крестьянской войны несколько иначе поставил бы вопрос о крестьянстве, может быть, несколько иначе обрисовал бы его борьбу. Недостатком работы, объясняемым исключительно временем ее написания, является и то, что она недостаточно внимания уделяет проблеме смычки крестьянской революции с городской, крестьянского движения с движением городской мелкой буржуазии и городской бедноты. Хотя соответствующие факты и приведены в работе, но они недостаточно подчеркнуты.

Также по-иному подошел бы современный популяризатор к характеристике тайных обществ: он бы более широко мог поставить вопрос о руководстве крестьянским движением и о роли партийных организаций в момент восстания. Более смело теперь можно было бы набросать и характери-

стику церкви и ее торгово-капиталистического значения. Несомненно, нужно было бы уделить больше внимания и выяснению идеологии движения, именно его религиозной идеологической оболочке. Редакция пересмотрела работу, устранила наиболее яркие несоответствия, но переделать работу, разумеется, не могла. Несмотря на свои недостатки, при современном отсутствии литературы по истории крестьянства, несомненно, и книга Кожевникова может сослужить свою пользу для первоначального ознакомления с историей крестьянской войны в Германии. Современный читатель, неизмеримо выросший за годы революции, сумеет разобраться в предлагаемом в работе материале и на основании опыта революции восполнит некоторые недостатки того освещения и того анализа, какой дается автором.

ВВЕДЕНИЕ.

Германская империя XV—XVI в.в. была несравненно обширнее Германии наших дней. Помимо территории довоенной Германии, она включала в себя Австрию без Венгрии и польских владений, часть Франции, Швейцарии и северной Италии. Она считалась самым большим государством Западной Европы, а некогда и самым могущественным.

Это громадное государство явилось, конечно, не сразу таким, каким мы его находим на исходе XV столетия. Прошли века кровавых войн и упорного труда, долгие века брожения, прежде чем из неустойчивых масс первобытных поселенцев Западной Европы начали слагаться первые «варварские» государства. Чтобы достигнуть дальнейшей, высшей ступени культуры и государственности, народам Европы пришлось пережить ряд катастроф и переворотов, все значение которых нам теперь трудно даже себе представить.

Первобытные германцы—первые сведения о них мы имеем от 330 г. до нашего летосчисления—занимали лишь незначительную площадь земель по берегу Балтийского моря, по низовьям Везера, Одера и Эльбы. Они делились на множество нередко враждовавших между собою отдельных родов и племен. Главный источник их существования составляли охота и война. Лишь постепенно с этих мест первобытного поселения, в поисках новых охотничьих угодий, а быть-может и угрожаемые на восточных границах более сильным врагом, они распространяются дальше на юг, юго-восток и запад, истребляя, покоряя или изгоняя из занимаемых ими новых стран прежних владельцев—кельтов. Это движение с большими или меньшими перерывами продолжается в течение почти трех столетий, когда, в конце первой половины первого столетия до нашего летосчисления, оно наталкивается на непреодолимое препятствие—ле-

гионы Великой Римской империи, достигшей к тому времени полного расцвета своего могущества. Рейн и Дунай становятся почти на четыре столетия заповедной гранью, за которую не осмеливаются безнаказанно переступить дикие полчища переселенцев.

Но эти века не прошли бесплодно для германского народа. Под влиянием как внутренних войн, так и особенно непрекращающейся борьбы с могущественной Римской империей, намечается теперь стремление к объединению разрозненных племен. Возникают обширные междуплеменные союзы, слагаются первые, еще непрочные и быстро распадающиеся государственные образования под главенством наиболее прославившихся военачальников — «герцогов», вроде Ариовиста в первой половине первого века до начала нашего летосчисления, Марбода и Арминия в начале первого века после него.

Натиска этих новых сплоченных сил Римская империя, разлагающаяся вследствие внутренних причин, уже не выдерживает и гибнет. На ее развалинах возникает целый ряд молодых королевств: Вестготское в нынешней южной Франции и Вандальское в Африке в начале V века и в конце этого века Остготское в Италии. Тогда же под властью рода Меровингов объединяется франкское племя, обитавшее по Маасу и Шельде, и с короля Хлодвига (481—511 г.г.), принявшего христианство, получает все большее и большее значение среди других государств. Наконец, Карл Великий (771—814 г.г.) превращает его в мировую державу. Все народы Запада склоняются перед победоносным мечом великого завоевателя, а римский епископ венчает его императорской короной римских цезарей.

Но достигнув высшей ступени величия и славы, Франкская монархия быстро пошла к упадку и разложению. В народной жизни совершился перелом, она перестроилась на новых началах, не укладывавшихся в рамки старого государственного строя.

Государство франков сложилось на основе древних родовых общин, приспособленных к постоянным передвижениям, к войне и охоте. Каждый германец был прежде всего воин, каждая община (сотня) являлась отдельным военным отрядом со своим собственным главою. В поход шли всем

племенем вместе с женами и детьми и домашним скарбом, преследуя не только чисто военные, но и переселенческие цели; король являлся лишь первым военачальником, руководителем. Война была делом всего племени, а король исполнителем общей воли, власть которого была ограничена советом начальников общин.

С завоеванием этими бродячими воинами новой страны сравнительно высокой культуры—положение дел коренным образом изменилось. Осевши на местах прежних земледельческих поселений кельтов, новые пришельцы сами начинают мало-по-малу привыкать к земледельческому труду, пока он не становится, наконец, главным источником существования народных масс. Воин превращается в мирного хлебопашца, мечи перековываются на плуги. Теперь война теряет прежний смысл для населения; военные обязанности начинают тяготить его, потому что отрывают от полевых работ, от домашнего очага, разоряют хозяйство.

Переход от полукочевому военного быта к земледелию—один из величайших социальных переворотов, пережитых народами Западной Европы—завершился приблизительно в VI в. С изменением материальных условий жизни происходит коренная ломка древних, веками слагавшихся мировоззрений, обычаев, права. На место прежнего расслоения нации выступает новая группировка общественных элементов, основой которой служит земля, ставшая нервом всей народной жизни, единственным источником власти и почета.

Получив теперь возможность применять труд рабов в сельскохозяйственном производстве, древняя знать захватывает в свои руки громадные площади незанятых земель¹⁾ и превращается в крупную земельную аристократию—сеньоров. Труд рабов обеспечивает им и их челяди удовольствие вечного безделья и тунеядства; их ремеслом становится война, а в промежутках между войнами распри с соседями и грабежи окрестных мелких собственников—бывших простых свободных. Так как пустующие земли не приносили ни-

¹⁾ Часть общинных земель, особенно леса, с переходом населения от занятий исключительно охотой и рыбной ловлей теряет прежнее значение для общин, и последние не обращают большого внимания на захваты их сеньорами.

чего, а сила и значение сеньора всецело зависели от количества работающих на него рук, то за недостатком рабов владельцы старались привлечь к себе в качестве свободных арендаторов поселенцев из числа простых свободных, почему-либо не получивших земельных участков, и беглых рабов. За небольшой оброк продуктами хозяйства им обещалась земля, защита и правосудие. Подобные обещания были весьма заманчивыми, и толпы охотников стекались в поместья владельцев. Скоро к «помощи» последних вынуждены были обратиться и земледельцы, сидевшие на собственной земле. Одних принуждали к этому не прекращающиеся грабежи окрестных сеньоров и их челяди, других—желание избежать тягостей военной службы, которые обязан был нести, притом же еще на свой собственный счет, каждый свободный германец. Они уступали свои земельные участки аристократу и, становясь по отношению к нему в определенное зависимое положение, первое время подобное положению свободных арендаторов, находили у него защиту и против всех знатных разбойников и против королевских вербсзчиков.

Владельцам сеньорам оставалось только потирать руки от удовольствия, подсчитывая число своих подданных и свои доходы. Их военное могущество непрерывно росло. Пользуясь последним, они могли теперь распространить свою власть и на тех свободных хлебопашцев, которых не могла побудить отказаться от древней свободы ни одна из указанных причин. Упрощенные домашние средства «вразумления» быстро приводили к покорности даже самых упрямых. Благородные усилия высоких господ давали самые блестящие результаты. Число свободных германцев неизменно уменьшалось, и на место их создавался новый класс зависимых земледельцев. Дело сводилось теперь к дальнейшему укреплению и усилению этой зависимости.

В совершенно ином направлении изменялось положение рабов. С того времени, как последние, подобно всем другим мелким земледельцам, поселяются на отдельных участках, их личные отношения с господином прекращаются и заменяются определенным оброком, вносимым в хозяйство владельца. Разница между ними и свободными заключается лишь в размерах уплачиваемых оброков и барщины. Размер

и характер их обязанностей и прав по отношению к владельцу, не изменяясь в течение веков вследствие медленного хода общественного развития того времени, закрепляется обычаем, приобретает силу закона. С ростом зависимости бывших свободных поселенцев положение обеих групп земледельческого населения в значительной мере уравнивается и из них, в конце концов, складывается единое сословие—крепостных крестьян.

С исчезновением свободного сельского населения положение королевской власти сильно меняется. Военное ремесло окончательно обособляется и становится привилегией знатных, тем более, что в войсках к тому времени главную роль начинает играть конница. Единственными свободными в стране остаются владельцы громадных поместий; только они одни обязаны являться со своею челядью в королевские войска, только им по силам нести военные расходы. Но гордые магнаты не всегда оказывались достаточно внимательными к королевским требованиям, и военное могущество королей в значительной мере становится в зависимость от воли и доброго желанья земельной аристократии.

Правда, пока в руках короля сосредоточивались еще обширные королевские владения (домены), ему нетрудно было привести к послушанию того или другого из своих зазнавшихся сеньоров. Но, при отсутствии почти всяких денежных доходов в те века, земля составляла единственное богатство королевской казны. Землею приходилось дарить за заслуги своих придворных, своих военачальников, землей уплачивалось жалованье королевским чиновникам (графы, ландграфы и маркграфы), посылаемым в провинции. Хотя земля и давалась всем этим лицам, как феодал, т.-е. лишь в пожизненное пользование или на время службы, но с землей передавалась и часть власти. Фактически они были полными господами в пожалованных владениях, а как представители короны пользовались даже особым значением. Вместо ревностных исполнителей королевской воли, рядом с древней родовой аристократией создавалась новая, чиновная, не менее чем первая проникнутая стремлением упрочить свое положение, сделать его наименее зависимым от произвола монарха. Раздача королями громадных поместий церквям и монастырям привела к дальнейшему сокращению основного земельного фонда королевства и к образованию духовной

аристократии в лице магнатов—епископов, с меньшей энергией, чем представители светской знати, стремившихся к полной независимости от верховного главы государства.

Стремление к полной самостоятельности становится лозунгом того времени. Борьба разгорается по всему фронту. Грызутся между собою равные из-за лакомых кусков; духовная знать подкапывается под могущество светской, светская под могущество духовной, и те и другие под власть короны. Общее недоверие и взаимная вражда, подозрительность и коварство господствуют в рядах высших сословий этого «золотого века», как называют его любители старины.

Изображенный нами процесс разложения центральной власти не ограничивался одним перемещением ее с короля на представителей высшей светской и духовной знати. Владения последних, в свою очередь, испытывали на себе его разрушающее действие. Крупным сеньорам, подобно королям, приходилось, в целях заселения имеющихся пустошей или в вознаграждение за оказанные услуги, раздавать отдельным лицам крупные поместья в лен, т.-е. в пожизненное пользование, сохраняя за собой верховные права на землю. Новые владельцы, вассалы (т.-е. зависимые) сеньора, дают ему присягу в вечной верности, обязуясь по первому зову итти с вооруженными людьми на помощь своему ленному господину. Военная сила сеньора растет, но вместе с тем образуется новая земельная знать второго ранга, бароны, на истинную верность и преданность которой далеко не всегда можно рассчитывать. Бароны, в свою очередь, раздают часть своих все еще обширных поместий на тех же условиях в ленное владение третьим лицам, полагая начало знати третьего ранга, и т. д. Наконец, мелкие управляющие и конные воины (многие из числа рабов), имевшие для своего содержания небольшие участки земель, получают их от своих ближайших господ в лен и превращаются в вассалов. Они образуют слой низшего дворянства и рыцарства.

Создается целая лестница зависимостей всех степеней, представляющая характерную особенность средневекового феодального строя, покоящегося на владении землей, как главной основы тогдашнего производства. Эта система проникает все поры общества сверху и донизу, накладывая свою печать на все стороны экономической и духовной жизни

нации. К IX в. можно считать феодальный строй вполне сложившимся в своих общих чертах. Весь ход исторического развития сводится теперь к дальнейшему раздроблению государства, к дальнейшей децентрализации высшей власти в пользу поместной.

По мере укрепления позиции поместных владельцев, положение королевской власти становится все более и более безнадежным. Стараясь сломить могущество земельных магнатов, она в поисках союзников беспомощно мечется от одних представителей этой знати к другим. То она борется вместе с епископами против светских владельцев, жалуя их за помощь землями и льготами, то, устрешенная возросшим значением своих недавних друзей, бросается в объятия их противников, способствуя возвышению последних. В накладе остается, в конце концов, только сама королевская власть. Разделение империи со смертью Карла Великого между его наследниками и возникшая между ними, а с прекращением Каролингского дома между другими претендентами на королевскую корону, борьба за главенство еще больше поднимают значение знати. Она умело торгуется и за поддержку той или иной династии выговаривает себе одно за другим новые права и привилегии. Уже при последних Каролингах вновь выдвигается на первый план власть племенных герцогов, уничтоженная Карлом Великим. Во время господства членов саксонской линии (919 — 1024 г.г.), обладавших значительным военным могуществом, признается наследственность графских должностей; бывшим чиновникам уступается не только часть королевских земель, но и часть верховных прав. Скоро права неограниченной собственности на землю приобретают и более мелкие вассалы короля. Попытки для борьбы с магнатами опереться на слои среднего и низшего дворянства, особенно рыцарства, приобретавшего с IX в. все большее и большее значение¹⁾, и города приводят лишь к укреплению положения последних. Те и другие добиваются права наследственной собственности на свои лены, освобождаются от власти местных магнатов и становятся в непосредственную зависимость от императоров. Возни-

¹⁾ Со времени короля Генриха I (919—936) военная служба исправляется почти исключительно всадниками.

кают мелкие, почти независимые владельцы, имперское рыцарство, не обязанное никому подчиняться. Помощь городов, особенно денежная, покупается также путем дарования им разных жалованных грамот, освобождающих их от власти поместных владельцев. Из зависимых торговых и ремесленных общин они превращаются в маленькие, совершенно самостоятельные республики, имперские города с собственным войском, собственной монетой и часто собственными крепостными.

От монархии, обнимавшей почти всю Западную Европу, отпадают одна за другой старые, наиболее культурные земли. При Каролингах отделяется государство западных франков, как совершенно независимое французское королевство; за ним следуют Фрисландия, Бургундия, Швейцария, итальянские владения. Площадь королевских доменов тает, как снег. Еще Генриху III, одному из могущественных императоров франконской династии, пришлось в минуту жизни трудную заложить даже свою корону—символ власти. При Рудольфе Габсбургском (1273) императорских доходов «едва хватало на содержание и одного монарха», а император Рупрехт (1407 г.) завещает наследникам продать его корону и другие драгоценности для уплаты аптекарю, кузнецу, сапожнику и живописцу в Гейдельберге и нескольким бедным людям в Амберге. И хотя Конрад IV Гогенштауфен (1250—1254 г.г.) для доказательства своего всевластия надевал узду на статую коня, стоящую на городской площади Неаполя и почитавшуюся, как эмблема политической свободы города, но сам император к тому времени давно уже был основательно взнуздан своими собственными вассалами. Последние постепенно приобретают все большее и большее влияние на избрание главы государства, используя это влияние в целях дальнейшего ослабления императорской власти, присваивая себе одну за другой ее верховные прерогативы. Уже ко времени Генриха V все феоды становятся наследственными, при чем вакантные из них могут быть жалуемы лишь с согласия чинов, т.-е. представителей высшей знати. Фридрих II Гогенштауфен, в борьбе с папой особенно нуждавшийся в поддержке феодалов, закрепляет все фактические завоевания последних изданием в 1220 и 1232 г.г. так называемых прагматических санкций, предоставлявших зе-

мельной аристократии привилегии в вопросе опалы и суда, в праве возводить укрепления, облагать налогами и превращавших их в почти независимых территориальных монархов. Совет знатных, от вмешательства которого в дела государства удалось освободиться Карлу Великому, при Генрихе II (1002—1024 г.г.) вновь играет уже значительную роль и к XII в. преобразуется в совет выдвинувшихся на первый план представителей высшей аристократии—князей, фактически забравших в свои руки и право избрания императора и управление страной. В XIII веке создается особая курия князей-избирателей (курфюрстов) из семи лиц (в том числе трех духовных князей-епископов и четырех светских), окончательно отодвигающих личность и волю императора на второй план. На императорский престол попадают теперь чаще и чаще самые ничтожные личности, благо недостатка в таковых никогда не бывает. Императорская мантия превращается в шутовской наряд, в размалеванную ширму для княжеских интриг.

К концу XV века развитие феодального средневекового государства заканчивается. Процесс децентрализации государственной власти достигает крайних пределов. Единой Германия остается только по названию. На деле она представляет из себя подобие старого бабушкина одеяла, сшитого из разноцветных кусочков и расплзающегося по всем швам. Каждый кусочек является отдельным государством со своим собственным государем, обладающим правом издавать законы, привилегией чеканить монету, взимать подати и налоги, т.е. всеми прерогативами монархов. Единая императорская власть делится между сотнями духовных и светских князей, графов, епископов, аббатов, имперских городов, рыцарей и т. д., и т. д. Они ведут между собой войны, заключают союзы, нередко против самого императора, вступают в сношения с иноземцами, т.е. живут в свое собственное удовольствие, как полагается независимым повелителям, совершенно не считаясь с желаниями, повелениями и указами императоров.

Но независимыми все эти государи были только по отношению к императору, но не по отношению к своим собственным подданным. Каждое княжество (графство, епископство) в своем внутреннем устройстве представляло из себя копию

той же империи. Во главе его стоял князь, но главенство его оказывалось весьма и весьма относительным; он был лишь самым крупным помещиком среди других, и свой полный произвол мог упражнять лишь в собственных имениях. Общие дела княжества управлялись сеймами (ландтагами), собранием земских чинов—более крупных духовных и светских владельцев и представителей городов. Сейм издавал законы, раскладывал налоги, определял пошлины, давал войско; нередко по требованию сеймов князь удалял от себя советников, неугодных депутатам. В случае разногласия с сеймом князь оставался без денег и военных сил. Сейм зорко ограждал себя от самодержавных поползновений своих князей; он пользовался всяким затруднением князя, чтобы еще больше ограничить его власть ¹⁾ и в крайнем случае даже прогонял его и отдавал престол другому князю.

В своих собственных поместьях каждый из княжеских вассалов был полным хозяином, маленьким князьком. Только подданные его не щеголяли громкими титулами и «старинными» родовитыми фамилиями: то были «сермяжные дворяне», «мужицкие животы», состоявшие в различной степени зависимости от господ.

Крестьянин один выносил на своих плечах весь феодальный строй; он один оплачивал это сложное, дорогое управление. Он в поте лица своего трудился на своих полях и на полях своего господина, он кормил, одевал и обувал эти тысячи тунеядцев, предоставляя им, как людям «высшей культуры», досуг для «благородных» занятий: охоты и разбоев, пьянства и распутства. Народ уплачивал все подати и налоги, но все права принадлежали не ему, а господам из замков и монастырей. Он должен был только платить,

¹⁾ В 1471 г. Фридрих Брауншвейг Лимбургский, очевидно, припертый к стене, принужден был сделать такое торжественное заявление: «Если мы, наши наследники или потомки будем, вопреки праву и обещанию, отягощать наших прелатов, мужей (дворян) и города, то мы разрешаем и позволяем им действовать всем вместе или каждому порознь и защищаться от нас, наших наследников или потомков, пока их не удовлетворят по праву без всяких проволочек и возражений». Эти торжественные заявления забываются, конечно, при первом удобном случае. Клятва и присяга обязательны только для слабых.

больше у него ничего не спрашивали. Так продолжалось много долгих лет; крестьянин молчал и терпел. И вот в 1525 г. его «укусила какая-то муха», как уверяет «святой» Лютер. Половину Германии охватило восстание, в вихре которого погибли слава и могущество многих князьков и городов и десятки тысяч из рядов восставшего на борьбу народа. К изложению истории этой борьбы, ее возникновения и ее исхода мы и приступим на следующих страницах.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПРИЧИНЫ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ.

Восстание 1525 года получило свое название великой крестьянской войны только у позднейших писателей. Современники, конечно, из лагеря господствующих классов, давали ему клички «бунта», «беспорядков» и т. п. Известно, что только победоносные революции украшаются лавровыми венками; они сами диктуют свои законы и заставляют склоняться перед ними своих противников. От кар земных по отношению к счастливому противнику волей-неволей приходится отказаться, а надежда на кары небесные является малым утешением даже для самых «набожных» правителей. Другое дело революция неудавшаяся. В глазах победителей это бунт неблагодарных подданных против установленных чуть ли не самим богом властей, одним словом, неслыханное преступление, подлежащее наказанию по всей строгости законов, а то и вне закона. Всю вину с большим удобством сваливают на «крамолу», на «подпольную деятельность злонамеренных элементов». Все громы небесные посылаются на головы нежданных и незванных нарушителей государственного «мира и порядка», и в помощь небесам действуют целые легионы сыщиков и сотни застенков.

К счастью, ход исторических событий не зависит от воли отдельных лиц. Исторические катастрофы и перевороты подготовляются медленно, нередко веками, и падают неожиданным снегом только на глупые головы. Вспышка негодования отдельного человека и взрыв народного гнева—не одно и то же; ему должны предшествовать глубокие внутренние изменения в жизни целой нации. Ни прихоть и ни каприз, ни даже самые высокие речи о свободе и справедливости не способны сами по себе оторвать мирных граждан, отцов

семейств, от родных очагов и выгнать их на кровавую дорогу революции.

Правда, на первый взгляд может показаться совершенно непонятным, с чего это вздумали бунтовать немецкие крестьяне. Жилось им вовсе уж не так худо. Известный католический историк Янсен наполнил целые страницы своего труда отрывками разных контрактов и хозяйственных уставов ¹⁾, из которых следует, что мужика будто бы не только не обременяли работой, но нянчились с ним, как с писаной торбой; в хозяйских хорамах его кормили доотвала мясом и допьяна поили вином; нередко наделяли всякой одеждой. Одним словом, такая благодать, что и умирать бы не надо.

К сожалению, в истории того времени попадаются и несколько иные факты. До нас дошел, например, рассказ про одного крестьянина в 1525 году, воскликнувшего перед казнью: «Увы, приходится умирать, не поевши и два раза досыта хлеба». Не думаем, чтобы он произнес эту неприятную фразу с единственной целью насолить почтенному ученому. Не станем, однако, следовать методу Янсена и загромождать страницы историческими свидетельствами о всеобщем крестьянском разорении и нищете: Если не сгущать красок в ту или другую сторону и оставить крайние случаи, то все же придется признать, что благосостояние большей части крестьянства было довольно высоко. Получается явная историческая несообразность: с одной стороны, сравнительная материальная обеспеченность и, с другой—упорное нежелание «мирно наслаждаться им». Вглядевшись в условия

¹⁾ Сельскохозяйственные уставы, выкопанные из архивов трудолюбивым историком, скорее всего можно рассматривать как остатки прежнего величия: они составлялись на основании древних обычаев, существовавших лет сто тому назад и уже переставших исполняться; часто же в них нельзя ничего видеть, кроме добрых пожеланий добрых господ, благих намерений, никогда не проводившихся в жизнь. В законодательствах различных государств встречается немало подобных пережитков старины. В царских законах, например, имелась статья, строго запрещающая всем подданным пьянство; она насчитывала более ста лет жизни. Рассуждая по способу Янсена, будущий историк необходимо придет к заключению, что царское правительство в продолжение целого века неустанно боролось против употребления населением спиртных напитков, и что в России господствовала общая трезвость. Но будет ли это согласно с истиной?

жизни немецкого крестьянства в его прошлом, мы найдем разгадку событий.

Процесс закрепощения крестьян, затянувшийся на несколько столетий, окончательно и повсеместно устанавливается в IX—X веках. К этому времени в Германии почти не остается мелких свободных собственников. Земледельческое население лишается права менять своих владельцев, «прикрепляется» к земле. Мало-по-малу начинает практиковаться продажа крестьянских душ, правда, пока еще только с землей. Однако пока что эксплуатация крестьян помещиками ввиду полунатурального хозяйства была не столь велика, как в последующий период. Торговля была мало развита, удобных дорог почти не существовало. Продуктов сельского хозяйства некуда было возить на продажу. Несложные потребности помещичьего хозяйства удовлетворялись оброками, натурою, т.-е. работой и продуктами крестьянского двора; все, получаемое сверх этих потребностей, без пользы гнило бы в обширных господских амбарах и кладовых: излишек нельзя было превратить в деньги, а съесть в сто раз больше, чем полагается человеку от природы, не в силах даже и самый важный барин. При существовании такой системы—натурального хозяйства—помещику не представляло никакой выгоды обременять крестьян непосильными тяготами, тем более, что слишком наглый грабеж был и не безопасен: община умела тоже показать зубы. По тому времени она представляла силу, с которой приходилось считаться, и крестьяне еще сохраняли из поколения в поколение свое старое оружие ¹⁾).

Итак, в германских государствах господствовало натуральное хозяйство и, по уверению некоторых любителей старины, патриархальные отношения, т.-е. особенно «любобное согласие» между строгим и милостивым отцом-помещиком и обожающими его мужичками. Последующее развитие

¹⁾ Лишь в новейшее время угнетенные классы были разоружены и лишены права носить оружие. Напротив, в рассматриваемую эпоху крестьяне привыкли ходить вооруженными. Лишение оружия означало полное подчинение вооруженному до зубов правительству, невозможность противодействовать бесцеремонным посягательствам на права и имущество населения.

денежного хозяйства все «испортило», перевернуло кверху дном весь этот «земной рай».

В империи стали развиваться торговля и промыслы. Они сосредоточивались в городах, как наиболее укрепленных и безопасных местах, и тем способствовали их росту. Сношения между городами становятся более постоянны и правильны, что заставляет заботиться об улучшении дорог, об их безопасности. Улучшение путей сообщения, в свою очередь, способствовало дальнейшим успехам торговли. Повсюду возникают базары и ярмарки. Купцы начали разъезжать по всей стране, выменивая на чужеземные товары, главным образом, предметы роскоши и на золото продукты сельского хозяйства: шерсть, кожи, сало, хлеб для вывоза их за границу. Города и сами явились также немаловажными потребителями их. Деньги проникают в самое сердце деревни. Помещик неожиданно увидел, что даже кожа чумной скотины может чудесным образом превратиться в полноценный целковый. А золото, как известно, не ржавеет. Золотом можно украсить себя, свою жену и детей, своих лошадей и собак; за деньги можно купить все. Натуральное хозяйство переходит в денежное. Отныне помещичья душа начинает жаждать, помимо «хлеба, вина и женщин», еще денег, больше денег. Но лишь крестьянская работишка и крестьянская худобишка обладали ценной способностью превращаться в золото, ибо свои дворянские титулы и достоинства господ могли пустить в оборот только много позднее. Поэтому среди землевладельцев начинает господствовать одно непреодолимое стремление: выжать возможно больше соку из своих крепостных, содрать с них все семь шкур и все это выменять на звонкую монету.

Но и крестьяне, со своей стороны, также не остались равнодушны к золоту. Они почувствовали теперь цену свободы, так как она давала право свободно распоряжаться избытками своего хозяйства, право выменивать их на деньги, а последние класть в свой собственный карман. Крестьяне всюду поднимают борьбу за свободу и на этот раз успешно: они не только не были окончательно поработаны, но лет за 150—200 до начала крестьянской войны, приблизительно в XIII и отчасти в XIV в.в., смогли даже значительно улучшить свое положение, приобрести многие льготы и вольности,

часть же крестьянства, правда небольшая, успела совершенно освободиться от всякой зависимости.

Как мы знаем, Германия вся была разделена между тысячами мелких владельцев, живших между собою далеко не в ладах: по обыкновению правителей, каждый зарился на земли своих ближних. Маленькие войны между этими крошечными повелителями происходили постоянно. Все это крайне облегчало крестьянам борьбу. С более слабыми они справлялись собственными силами. От могущественных владельцев они просто уходили к враждовавшим с ними соседям. Но больше всего успеху борьбы крестьян с помещичьей властью помогли города.

Вследствие развития торговли, города приобретали все большее значение и скоро стали чувствовать себя на равной ноге даже с самыми могущественными владельцами. Помимо крепких городских стен и готового на защиту их населения, города, благодаря развитию ремесл и торговли, обладали одним всеильным талисманом—золотом. К ним стали обращаться за помощью сами князья: непрерывные войны то с соседними державами, то с собственными непокорными вассалами требовали постоянных расходов. Но торговля, как видно, портит нравы; города, привыкшие к купле и продаже, не хотели ничего делать даром, например, хотя бы из «верноподданнической любви» к своему «законному государю». За услугу они выторговывали себе разные льготные грамоты и при удобном случае добивались полной независимости, становились вольными имперскими городами. Ставши свободными, они мужественно отражали всякие попытки князей вновь отобрать у них завоеванные права и, как водится, воспользоваться и их золотом для «государственных нужд».

В эти-то города и бежали крестьяне от крайних притеснений. Города принимали их с распростертыми объятиями, потому что в их лице являлись новые работники в области ремесла, новые «делатели золота»; с увеличением народонаселения росло богатство и могущество городов. И в этих видах многие города добились даже особой привилегии, согласно которой каждый крепостной в их стенах становился свободным гражданином.

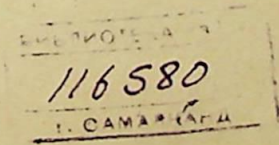
Рядом с этим развивается институт «приписных» граждан;

в граждане начинают записываться лица окрестных селений, никогда не проживающие в городе. В конце концов, это движение охватывает целые деревни и округа, так что мощь городов еще более возрастает.

Другим важным убежищем от притеснителей служил север Германии, где как раз в то время происходила усиленная колонизация земель, отнятых немцами у славянских племен. Немецкие колонизаторы, огнем и мечом истреблявшие коренное славянское население, радовались каждому новому поселенцу-соотечественнику, не скупясь обещали всевозможные милости и не спрашивали, откуда он пришел.

Но богатство владельцев коренной Германии также всецело зависело от труда принадлежавших им крестьян; побег последних оскорбляли их в самых лучших чувствах. Как ни дороги были старые, «богом установленные» «патриархальные» отношения, приходилось от них отказываться. Лучше пожертвовать отеческой опекой над крестьянами и продать свои родительские чувства за небольшой денежный оброк, чем лишиться и опеки и непокорных подданных вместе с их мужицкими рублями.

Впрочем, во многих местах, особенно по близости городов, где влияние рынка сказывалось особенно сильно, помещики с большой охотой «шли навстречу» освободительному движению крестьян и нередко принуждали их даже силой откупаться на волю. Только, увы, побуждали их к тому не высокие чувства справедливости и милосердия, а простой расчет. Дело в том, что с увеличением спроса на сельскохозяйственные продукты со стороны городов, цена на землю стала быстро расти. Для помещика являлось теперь прямой выгодой превратить прежнего крепостного в свободного арендатора. Размер крепостных оброков и барщины, существовавшие не изменяясь в продолжение веков, закреплялись обычаем, отступление от которого рассматривалось, как нарушение древних прав; напротив, аренда являлась временным договором, и повышать ее можно было хоть каждый год. Притом же и самый выкуп на волю непосредственно давал владельцу некоторую сумму. Нужно отметить, что здесь города шли впереди. Переход от барщины к оброкам и аренде наблюдается раньше всего среди крестьян, осевших на городских землях.

В XV веке положение дел сильно меняется и не в пользу крестьян.

Среди возросшего ремесленного населения городов очень рано стало обнаруживаться вполне естественное движение в пользу объединения для совместной защиты интересов своего сословия. Результатом этого движения было образование ремесленных обществ—цехов, особых для каждого отдельного ремесла. В течение XV столетия цехи, благодаря своей численности, становятся могущественными организациями и, конечно, стараются извлечь выгоду из своей силы. В одних городах они овладевают магистратами, или выгоняя оттуда старые аристократические роды, или вступая с ними в соглашения. В других городах они вынуждают у магистратов всевозможные льготы для своего ремесла. Прежде всего они добиваются запрещения заниматься каким-либо ремеслом, не вступая в соответствующий цех.

Кроме того, цехи далеко не с прежним сочувствием относятся к притоку новых работников из деревень. Громадный наплыв в города крестьян стал угрожать существованию замкнутых цехов. Дело объясняется самым характером производства того времени. Крупной промышленности еще не было, и господствовало ручное ремесло. Каждый мастер с двумя-тремя подмастерьями и столькими же учениками работали, главным образом, на свой городской рынок, преимущественно на-заказ. Покупателями являлись свои же горожане или жители ближайших окрестностей. Таким образом круг покупателей был крайне ограничен. Достигнув известной численности, цех уже вполне удовлетворял всю местную потребность в данном продукте. Дальнейшее увеличение привело бы лишь к распределению тех же самых покупателей между большим числом мастеров и уменьшило бы заработок каждого в отдельности. Мастерам, конечно, ничуть не улыбалась такая перспектива, и они принялись за изобретение всевозможных ремесленных регламентов, правил, донельзя затрудняющих поступление в цех. А так как в цеховом управлении, заведывавшем приемом новых членов, заседали те же мастера, то, понятно, к правилам присоединилось и бесправие, полный произвол. Сила создает законы для других, самой же ей трудно бывает удержаться в рамках законности. Город не только забыл прежнее радушие и спря-

тал руки за спину, но и стал сильно коситься на ищущих у него убежища крестьян: оставаясь за дверями цехов, они служили материалом для образования той полуголодной, беспокойной «черни», городского пролетариата¹⁾, который не имеет ни привычки ни желания особенно заботиться о благополучии и спокойствии состоятельных классов и который является самым революционным классом.

Город потерял для крестьянина всякую заманчивость: в лучшем случае его ожидало там жалкое полунищенское существование; в худшем—тюрьма, пытка и всегда готовый «услужить» своему ближнему палач. Найти себе другого господина, к которому можно было бы уйти от притеснений, становилось далеко не легким делом, потому что владельцы стали понимать общие невыгоды, происходящие от постоянных скитаний крестьян с места на место, и начали заключать между собою союзы для обоюдной выдачи и преследования беглых. Принятие к себе беглецов нередко грозило владельцу войной с союзниками. Впрочем, теперь и для помещиков беглые крестьяне не являлись, как в старину, дорогими гостями, ради которых благородному человеку стоило бы разыграть роль защитника угнетенных: земля была в значительной мере уже заселена, пустошей, требующих рабочих рук, оставалось мало. Вместе с тем принимаются энергичные меры против укрывательства крестьян в тех городах, где они еще могут рассчитывать найти приют. Крестьян перестают отпускать на городские ярмарки и базары, чем основательно бьют по карману почтенных бюргеров. Это средство оказывается столь действительным, что уже в 1255 г. союз городов уступает князьям и обещает отказываться в приписном гражданстве всем, проживающим большую часть времени вне города.

¹⁾ В Ульме для получения права гражданства требовался уже в 1417 году имущественный ценз в размере до 1.500 рублей на довоенные деньги. Несмотря на весь ужас, испытываемый капиталистами перед немощными классами, погоня за барышами заставляет их всячески способствовать дальнейшему росту численности своих естественных врагов. Для средневековых бюргеров большой соблазн представляли ближайшие к городу поля. Они сгоняли с них крестьян, действуя силой или убеждая звуком золота, и на освободившихся участках разводили сады, виноградники и плодовые растения, дававшие громадные доходы. А прежние хозяева пополняли собой ряды городского пролетариата.

Общины, в свою очередь, далеко не охотно принимали теперь к себе новых пришельцев: земля, под влиянием развивающейся промышленности и торговли, приобрела довольно значительную ценность, и делиться ею с другими стало невыгодным. Чувствовалось поэтому даже некоторое стеснение в земле. Установление неделимости наделных участков (гуф) приводит к образованию, с одной стороны, среднего, сравнительно зажиточного крестьянства и безземельной гольтыбы, так называемого сельского пролетариата. Количество его еще сильнее возросло, когда дворяне, ради сокращения расходов, стали распускать значительную часть своей челяди. Она оказалась теперь для дворян слишком «прожорливой», как только в дворянских карманах зазвенели денюжки.

Из сельского пролетариата вербовались целые армии нищих и бродяг, наводнявших империю; из его среды выходили шайки разбойников, грабивших по дорогам. Он же поставлял князьям солдат для их наемных войск (современных постоянных армий тогда еще не существовало). С этими солдатами, или ландскнехтами, как они назывались, князья нередко ходили усмирять и собственных мятежных подданных. Ландскнехты, сделавшие своею специальностью военное ремесло, были несравненно опытнее крестьян в военном деле, и потому для последних борьба с князьями стала несравненно труднее. Еще более трудной сделало ее изобретение пороха и огнестрельного оружия. Это новое вооружение было слишком дорого для крестьян, а со старыми алебардами и самострелами мудрено было противостоять огню ружей и пушек. Деньги дали князьям солдат и пушки, а крестьянам—новые налоги и оброки.

✦ Денег требовалось все больше ходов на новое дорогое вооружение. Поглощала распространявшаяся скошь. Тон всему задавали горчичники, развитию внешней торговли, главным образом добычи рудников, стекали в горы. Тогда империю е. контор, гоняющихся по всей империи, предлагая «верный» процент. Торговые дома вели

Помимо рас-
ные средства
дельцев ро-
даря могу-
ой промыш-
ребря-
ал-
ких

льнской ко-

свои предприятия, главным образом, на собственные капиталы. Делались только еще первые неудачные опыты ведения дел на средства посторонних вкладчиков. Жадность к накоплению денег ради денег, ради процентов была еще чужда тогдашнему обществу. Деньги шли на удовольствия, на предметы роскоши. Строились великолепные дома; посуда, одежда господ и слуг, сбруя—все это блесело золотом и серебром. Носились самые дорогие ткани. Чтобы придать одежде еще больше ценности, ее шили из мелких кусочков различных тканей, так что работа стоила вдвое и втрое дороже материала. Как и всегда, больше всех на этом поприще отличались дамы. Обыкновенное женское платье стоило 9—10 флоринов, почти столько же, сколько десятина земли. Городские франты и франтихи старались перещеголять друг друга, тратя немало труда и времени все на новые и новые выдумки.

За горожанами пришлось потянуться и землевладельцам. Они не могли допустить, чтобы сыновья и дочери торговцев перещеголяли их в мотовстве: это было бы слишком унижительно для дворянской чести. Но у них не имелось тех средств, какими располагали горожане. Для сельского дворянства такая роскошь была прямо обременительна. Рыцарство жаловалось, что чрезмерная роскошь нарядов дочерей горожан подрывает уважение к благородным девицам и даже лишает их возможности найти себе женихов, когда по праву они не должны уступать горожанкам. Пытались издать закон против горожанок, запрещая им одеваться лучше, чем одеваются «благородные» дамы. Но женское кокетство оказалось сильнее всяких законов и всяких прав. Горожанки остались победительницами. Та же страсть охватила и другие сословия. «Даже попы отпустили себе хвосты!» восклицает один возмущенный современник. Известное произведение того времени «Христианское увещание» обращается к населению с таким назидательным словом: «Знай, ремесленник и подмастерье, что излишнее украшение платья золотом и серебром тебе неприлично. Полезно и удобно тебе в свободное время (для упражнения тела) гимнастические игры, посещение бань». С подобными увещаниями обращались и к крестьянам. Но крестьяне отвечали, что они такие же господа, и что не существовало двух Ада-

мов, одного лапотного, мужицкого, а другого серебряного, дворянского. Что же касается гимнастики, то им было довольно для упражнения тела и своей работы. Господа слишком щеголяли своими нарядами и богатством. Все это по тогдашнему обычаю выносилось на-показ, на улицу, в церкви. Низшие следовали лишь «облагораживающему» примеру высших.

Папский нунций (посланник) (и сам выдавший-таки виды при римском дворе), посетивший в начале XVI столетия Германию, назвал ее «сплошным большим вертепом разбойников». Мы можем поверить высокому сановнику. Поняв беспомощное положение крестьян, немецкие владельцы окончательно перестали церемониться. Повсюду начали раздаваться общие «жалобы на своекорыстие, алчность, злобу, жадность, любостяжание и грабежи князей». «Как князья уничтожают империю, так простые люди из народа уничтожат князей», пророчествовал Николай Кребс еще задолго до начала революции. Низшее дворянство и духовенство отличались теми же качествами. «Жадность, самый глубокий порок того времени, проявлялась среди клира всех степеней и положений», свидетельствует один из новейших защитников католической церкви. Сильная задолженность, которая неизменно сопутствует развитию денежного хозяйства, побуждала владельцев больше и больше увеличивать крестьянскую кабалу. Дворянство залезло в долги, а подданным приходилось расплачиваться. В конце концов, на крестьянских плечах оказалось страшное, по тому времени, бремя налогов: большая (предназначавшаяся, «согласно писанию», в пользу церкви, хотя нередко попадавшая и в карманы князей, что, впрочем, для плательщиков довольно безразлично) и малая десятина (десятая часть с дохода) со скота, ручная и конная барщина, налоги на дымовые трубы, на имущество и потребление, поголовные налоги, особенно ненавистное посмертное отобрание, согласно которому после смерти крестьянина лучшая часть его имущества переходила в пользу господина, и еще множество других ¹⁾.

¹⁾ Одной из самых гнусных дворянских привилегий было так называемое «право первой ночи», отдававшее в распоряжение господина новобрачную в первую ночь свадьбы. И дворянство осмеливалось

Но этого мало. Князья и другие владельцы начали присваивать себе оставшиеся еще во владении общин леса, воды, луга и пастбища. При возросших ценах на землю, князьям был прямой расчет воспользоваться имуществом своих подданных. Вместе с тем налагались запрещения на рыбную ловлю и охоту. Крестьянин под страхом тяжкого наказания не смел стрелять даже ту дичь, которая опустошала его собственные поля. В одной хронике рассказывается, как владелец казнил крестьянина за то, что тот поймал в ручье несколько раков ¹⁾).

Ради увеличения доходов дворянство пустилось даже в торговлю. Многие благородные рыцари пооткрывали собственные кабаки, из которых подданные обязаны были покупать вино и пиво, строили мельницы и печи, на которых заставляли крестьян молоть и печь хлеб, взимая за это плату по собственному усмотрению. Только на господских весах можно было взвешивать, только господской мерой мерить свой хлеб. Наконец, крестьянам запрещалось в продолжение некоторого времени после уборки продавать хлеб, чтоб помещик, не боясь конкуренции, успел выгодно сбыть свой.

Так обстояло дело по отношению к крепостным. Крестьянам-арендаторам, сидевшим на княжеских землях, грозила та же участь. Установленные оброки постепенно увеличивались, временные, чрезвычайные налоги превращались в постоянные. Арендаторы лишались одного за другим своих прав и вольностей и, наконец, переводились на положение крепостных. Для этой цели владельцы ни перед чем не останавливались: нарушение присяги, ложная клятва, подделка документов были обычным делом. Суды, разбиравшие споры между крестьянами и их господами, состояли из тех же господ... Дворянские заседатели открыто утверждали, что в сомнительных случаях тяжбу крестьян с помещиками всегда должно решать в пользу последних. Но признать всякое дело сомнительным ничего не стоит. Высшие имперские су-

еще издеваться над крестьянскими женами и, намекая на эту господскую привилегию, называть крестьянок распутными женщинами!

¹⁾ По отношению к другому рода охоте князья были милостивее: крестьян нередко вызывали в господские хоромы для вылавливания блох из княжеских постелей.

дебные учреждения отличались от низших только тем, что требовали более крупных взяток. «В комитете императора», писали уполномоченные ходоки одного города своим доверителям, «заседают столь праведные люди, что да избавит бог всякого от подобного судилища на том свете» ¹⁾. Цепкие руки владельцев протягивались уже и за свободой и имуществом вольных крестьян—собственников.

Чтобы превратить этот дневной грабеж в законное дело, князья и другие крупные землевладельцы призвали к себе на службу юристов. Юристы откопали римское право и объявили его самым совершенным человеческим правом. Дело в том, что законы Римского государства создавались при господстве там рабства. Статьи законов трактовали о правах господ по отношению к рабам, а так как раб признавался полной собственностью господина, то и власть последнего оказалась безграничной. Вот эти-то рабские законы и хотели пересадить на сравнительно более свободную немецкую почву. Народ превращался в рабов. Все права и привилегии его объявлялись, как особая милость государя, который всегда может взять их обратно. У народа отныне не оказывалось никаких прав; для государя существовал лишь один закон: «хочу с кашей ем, хочу масло пахтаю» ²⁾. Такое учение как нельзя более выражало интересы князей, стремившихся к неограниченной власти и неограниченным доходам. Теперь оставалось только найти подходящее изречение из посланий ап. Павла, римского гражданина, подкрепить его пушками—и дело было в шляпе. «Самый умный из немецких князей», маркграф Альбрехт, дал краткое и точное определение этой теории о священнейших самодержавных верховных правах князя: «Кто не стыдится, тому и не стыдно».

Крестьяне стали волноваться. Перед ними встал призрак грядущего разорения. У них отнимали их древние права.

¹⁾ Рыцарство откровенно называло эти имперские суды оружием сильных против слабых.

²⁾ «По авторитетному учению новых юристов,—жалуется один из писателей того времени,—государство в стране все, народ же ничто. Народ должен повиноваться и платить подати». Понятно, почему в одном летучем листке 1493 г. высказывается угроза, что ученые правоведы будут изгнаны из страны, «как карманщики и кровопийцы».

Права не так легко уступаются. Спина только после долгой практики привыкает к побоям. Немцы смеялись над французским королем, называя его «королем скотов», потому что он довел свой народ до положения бессловесных, покорных скотов. К тому же счастливому положению стремились и немецкие князья. Но народ еще не потерял воспоминаний о своей древней свободе и чувства человеческого достоинства; он не имел никакого желания превращаться в верно-подданнических скотов.

Недовольство не ограничивалось одними крестьянскими массами. Переворот в условиях хозяйственной жизни страны неудержимо вел к разорению не только деревню, но и некоторые слои городского населения и сельское дворянство. С изобретением пороха и введением наемной пехоты конница потеряла прежнее свое значение, и рыцарство лишилось главного своего дохода — жалованья на службе в императорских и княжеских войсках. Вместе с тем установлением «вечного земского мира» на Вормсском сейме в 1495 г., которым запрещались междоусобицы между мелкими владельцами, рыцарство лишилось и другого прибыльного и благородного ремесла — разбоя по большим дорогам¹⁾. Теперь на такое «невинное занятие» смотрели, как на нарушение общего мира, и виновному грозили большие неприятности. Рыцарей возмущало, что самоуправство запрещалось низшему дворянству и разрешалось князьям.

«Мы считали, что все, что попадаетея нам в чистом поле, подлежит нашему захвату», говорится от лица рыцарей в одном старинном стихотворении. Теперь воинственному рыцарству приходилось сидеть дома за печкой и петь с голоду о прежних подвигах или делать долги. Между тем, по городам расплодился масса ростовщиков, услужливо ссужавших и обедневшее сельское дворянство и крестьян необходимыми денежными средствами. Задолженность дворянского и крестьянского землевладения росла с невероятной быстротой (и как раз особенно в тех местах, где впоследствии

1) «Если хочешь быть сытым, о благородный дворянин,—поучает одна рыцарская песенка,—то последуй моему совету: седлай коня и выезжай на большую дорогу». «Грабеж—не позор», гласила дворянская пословица того времени.

вспыхнуло восстание)¹⁾. Пробовали бороться с этим явлением обычными средствами: выгоняли из страны евреев-ростовщиков. Но места последних немедленно занимали самые истинные христиане и, не опасаясь больше еврейской конкуренции, драли с живого и с мертвого. «Прибыль купцов в семь раз больше еврейского роста», жалуется один из писателей того времени.

Сильное измельчание земельных участков²⁾ вследствие разделов и падение цены денег, с ростом добычи серебра из местных рудников, вносило еще большую неурядицу в экономическую жизнь. Воздорожание продуктов, вследствие обилия денег, поставило городскую чернь в совершенно невозможные условия; во многих городах их обычного заработка не хватало даже на самые необходимые потребности. Самодержавные вождения князей, дававшие себя чувствовать и другим сословиям, еще более усиливали и питали общее недовольство. Князья стремились стать самодержцами не только по отношению к крестьянам, но по отношению ко всем подданным. Еще в 1388 г. это вызвало войну городов с князьями, окончившуюся поражением городов. В 1523 г., всего за два года до крестьянского восстания, поднялось и дворянство, но тоже было разбито.

¹⁾ Переход от натуральных повинностей к денежным и от примитивных способов ведения сельского хозяйства к высшим формам земледельческой культуры требовал сравнительно больших расходов. Приходилось прибегать к займам на самых невыгодных условиях. 10% за долгосрочный кредит считалось нормальным, а за краткосрочный брали 30—40 и даже 80%.

²⁾ В густо населенных местностях в XV в. $\frac{1}{4}$ гуфы (надела) составляет уже норму крестьянского владения. Стремление воспрепятствовать дальнейшему дроблению земли и приводит к установлению неделимости гуф.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ПРЕДВОЗВЕСТНИКИ РЕВОЛЮЦИИ.

1. ТАЙНЫЕ ОБЩЕСТВА.

Как мы выяснили в предыдущей главе, по мере развития торгового капитализма и разложения им натурального хозяйства, все более и более обостряется классовая борьба. Обостряется борьба среди князей против императора и католической церкви; нарастает недовольство среди городской буржуазии, но самое главное—грабеж крестьян, усиление их закрепощения толкают их на революцию. Предреволюционная обстановка сказывается и на идеологии, на росте общего недовольства и на росте организованности угнетенных классов, лучшие не-рядовые представители которых начинают создавать нелегальные партийные организации, как они тогда назывались—«тайные общества». Даже сами господствующие классы начинают сознавать, что «так дальше жить нельзя», и среди них растет оппозиционность.

С каждым годом положение дел в империи становилось все более угрожающим. «Ничем не прикрашенное осуждение существующего порядка на глазах у всех и призыв божьего гнева, в особенности на забывших свои обязанности правителей, были явлениями совершенно повседневными», пишет Бецольд. «В банях сидят франты и еретически говорят против бога и императора», с печалью в душе сообщает летописец. Люди, обладающие некоторою проницательностью, видели, что ход вещей принимает дурной оборот. Чаше и чаше слышались предостерегающие голоса. Правители мало обращали на них внимания: они вошли во вкус своих грабежей, и оттащить их от добычи можно было разве только за шиворот. Но не все способны плакаться о бедствиях народных, сидя у себя дома за сытным завтраком. Среди городской

буржуазии выделяются идеологи революционного движения. В борьбе против правительства, от которого им нечего было ждать, кроме новых насилий и притеснений, они обращаются к народу. Народ сам сумеет помочь себе, если ему растолковать причины существующей неурядицы и те средства и способы, какими он может добиться своих прав. Нужно открыть глаза народу. Одно за другим появляются сочинения, которые задаются этою целью. «Реформация императора Сигизмунда», книга, вышедшая под этим заглавием в 1438 году и пользовавшаяся большим распространением, требовала коренного преобразования империи. Автор высказывался за уничтожение цехового устройства и предоставления прав управления городскими делами всему населению города, за уничтожение крепостного права и облегчение экономического положения крестьян. «Дошло до того,—воскликает он,— что хотели бы наложить запрещение на весь земной шар». И он приглашает всех «благородных, свободных христиан» взяться за меч, ибо сам «Иисус Христос своею отеческою мудростью даровал людям свободу». Люди науки взывали к разуму, поэты—к чувству народа.

„О господи, помоги нам освободиться
От этой шайки тиранов!“—

пел цырюльник и поэт Ганс Фольц. Проповедники учили тому же с церковной кафедры. В голодный 1481 год даже в большом Страсбурге раздалась с амвона гневная речь священника Гейлера к молящимся: «бегите в дома богачей, у которых есть хлеб; если они заперты, вламывайтесь с топором в руки и забирайте в долг зерно».)

Для правильной доставки в деревню и распространения среди населения всех этих поучающих и призывающих к борьбе книг и вообще для агитации нужна была сплоченная, конспиративная организация. Так возникают тайные общества, по-нашему партийные организации. Они берут в свои руки всю пропаганду и агитацию среди масс, стараются навербовать себе новых членов, потому что, чем большим количеством людей располагают они, чем больше у них средств, тем сильнее они, тем увереннее могут рассчитывать на успех.

Как бы в противовес изобретению пороха, давшему

князьям громадное преимущество в силе против подданных, тайные общества получают могучее орудие против правителей: печатный станок. Это великое изобретение Гуттенберга получило широкое распространение и окрепло благодаря трудам гонимых религиозных сект, понявших раньше всех его мировое значение; у них оно получило и свое первое революционное крещение, и с тех пор печатный станок стал верным товарищем всякой борьбы против тирании и насилия, внося больше замешательства и ужаса в ряды врагов, чем гром самых смертоносных орудий. Недаром господствующие классы так тщательно оберегали и оберегают монополию печати и ведут борьбу с революционной агитацией через печать.

Немецкие тайные общества широко пользовались печатью. Тысячи листов наводняют страну, призывая народ к защите своей свободы. Вот как передает Циммерман содержание одного из таких листов: «С ними (князьями), право, всякое терпение лопнет! Долго морочили они людей, чванились, рядились и обезьянили. Если взглянуть поближе, так это просто соломенные чучела. Они все кричат о своем величии и могуществе, но, видно, делишки их плохи, если они взваливают на бедный люд бремя за бременем; ведь известно, как произошли их древние права: нынче выпрашивали подачку, а через год уже требовали ее, как должного. Откуда они взяли, что бог дал им право требовать от нас барщины? Они кладут оценку на мозги костей наших, выжимают их да еще заставляют платить проценты. А что делают турнирщики (дворяне), игроки и обжоры, которые сытее псов, наевшихся до рвоты? За жир их платим мы, наши жены и малые ребята; оттого нет у нас ни хлеба, ни соли, ни сала. Где они? Надо добраться до них с их ленами и правами. Да будут прокляты они со своим распутством и грабежами. Где тираны и изверги, позволяющие им брать налоги, пошлины и поборы, которые они преступно и позорно проматывают, уверяя, что все идет на пользу страны? И попробуй-ка не послушайся их! Они поступят с тобой, как с изменником; начнется вешание, резание, четвертование: убьют, как бешеную собаку. В какой главе вычитали они, что бог дал им подобную власть? Какая тут воля божья? Они дьявола слуги, и сатана командир

их. А богу будет приятно, когда вытурят этого Моава и Бегемота!».

Громадную роль в революционном движении играют революционные партии, или, как их тогда называли, «тайные общества». Тайные общества не создают революции; способствуя и помогая ей, они сами являются продуктом того движения, которое заканчивается революционным взрывом, но ни одно революционное движение не обходится без партийного руководства, без «тайных обществ», объединяющих передовый авангард революционного класса.

Первое тайное политическое общество, о котором у нас имеются сведения, возникло в Германии в 1493 году, именно в Эльзасе. Во главе его стоял бургомистр Ганс Ульман. Собрания общества происходили с большой таинственностью, по ночам. Прием в члены был обставлен всякими страшными обрядами и клятвами. В видах сохранения тайны исповедь безусловно запрещалась. Общество получило довольно большое распространение и в числе своих членов насчитывало не только крестьян, но и жителей многих городов.

Целью союза были церковные и политические реформы—главным образом, ограничение прав духовенства, отмена специальных правительственных судов и введение на их место суда присяжных, права самообложения податями. Дела общества шли очень успешно; оно почувствовало себя настолько сильным, что даже уже назначило день восстания и изготовило знамена.

Об этих знаменах стоит поговорить: на них был изображен крестьянский башмак. Немецкий башмак представляет такую же обычную принадлежность крестьянского костюма, как у нас лапоть. Существенная разница была в том, что наш крестьянин может носить эту обувь по собственной воле, а немецкий щеголял в башмаках по принуждению. Закон о бязывал немецких крестьян носить башмаки, чтобы их можно было отличить от дворян, ходивших в сапогах. Каждый должен был сразу видеть, с кем имеет дело, с благородным или неблагородным... по сапогам.

Но крестьяне это специально для них выдуманное унижение обратили против самих же изобретателей. Скоро господы стали вздрагивать и бледнеть от одного слова «башмак», потому что теперь башмак красовался на знаменах

восставших подданных; башмак, посаженный на высокий шест, собирал около себя недовольных. Крестьяне замечательно остроумно выбрали свое знамя: оно являлось насмешкой и протестом против нелепого закона и давало наглядное изображение общности интересов всех крестьян и полную противоположность их желаний с желаниями и намерениями притеснителей. Тяжелый крестьянский башмак поднимался,

Прием в „Союз башмака“.

чтобы растоптать все сословные преимущества и привилегии дворянства, во имя равенства против насилия. Восстание, однако, не удалось эльзасцам. Об их планах и замыслах правительство узнало раньше времени через предателей.

В 1502 году организуется тайное общество в Брухрайне, в Унтергрумбахе (епископство Шпейерское). Оно распространилось по всем рейнским округам, по Майну и Неккару,

и скоро насчитывало членов семь тысяч мужчин и до четырехсот женщин. Это общество, подобно эльзасскому, называлось «Башмаком», и цели его были те же. Все нити заговора держались в строгой тайне, и он был открыт только случайно. Один из членов, очевидно, слишком недогадливый человек, доверил свою тайну священнику на исповеди. Добрый пастырь поспешил, конечно, донести куда следует. Начались пытки и казни. Главные вожди успели бежать, но общество было разбито.

После нескольких лет затишья Башмак снова возрождается. На этот раз центром деятельности союза служит деревня Леэн, близ Фрейбурга, а главой—Иосс Фриц, один из главных руководителей брухрайнского общества, спасшийся бегством.

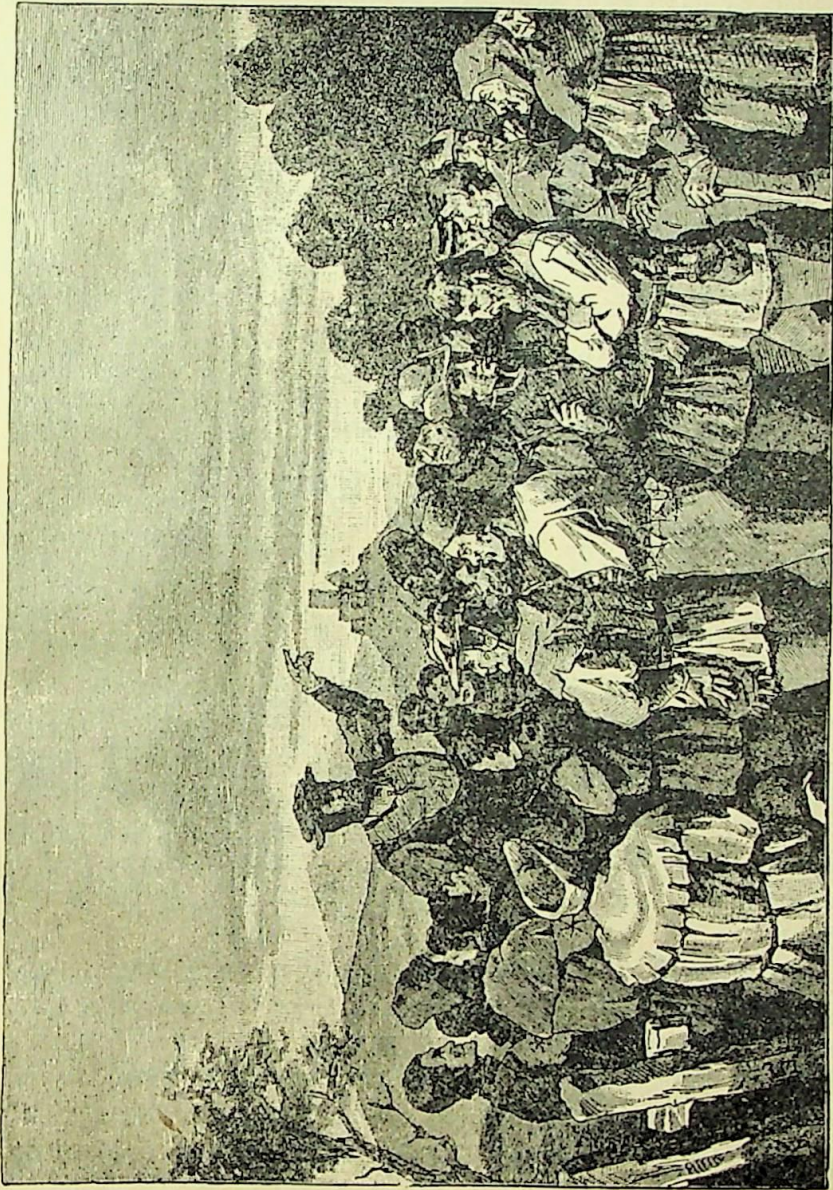
По свидетельствам современников, Иосс был человеком с железной волей и с непоколебимой верой в правоту народного дела, служению которого он отдался всей душой. Ни поражения ни годы скитаний и бедствий не могли сломить его неутомимую энергию, заставить отказаться от своих надежд; он сделался только осторожнее.

В 1512 году он поселился в Леэне, где был даже выбран в старосты. Он действовал медленно, но верно. Он заводил с крестьянами речи об окружающих беспорядках, о бедственном положении народа и беззакониях господ. Все это была сама правда. Однодеревенцы охотно слушали его, потому что он говорил об их горе, об их печалях; он только помогал им ясней понимать жизнь и пробуждал в них желание как-нибудь облегчить, улучшить свое положение.

Когда Иосс видел, что его агитация оказывала необходимое воздействие на крестьян, он начинал действовать смелей. Взяв с собеседника обещание молчать, он открывал ему, что организуется тайное общество для борьбы с духовенством и дворянами за старинные права народа. Желающих он записывал в члены общества. Каждый член обязывался, в свою очередь, вербовать новых сторонников. Общество было организовано очень искусно: члены знали лишь своих ближайших товарищей, и даже в случае предательства общий провал был невозможен. О положении дел целого союза имели сведения только главные вожаки.

Скоро общество, отчасти благодаря и старым связям и

знакомствам Иосса, получило громадное распространение. Оно имело сторонников по всему Шварцвальду (где распо-

Фриц Иосс выступает среди крестьян.

ложен и Леэн), в Бадене, в Брейсгау, в Эльзасе и частью в Вюртемберге. Членами общества состояли, помимо крестьян, также горожане. Для сношений членов и в качестве разведчиков пользовались нищими.

В своей программе общество выставляло такие требования: отмена всякой власти, «кроме бога, императора и папы»; местные суды; свободное пользование для всех охотой, рыбной ловлей, сенокосами и лесом; отобрание лишнего имущества монастырей для пополнения кассы общества; прекращение всех несправедливых налогов и платежей; вечный мир для всего христианства.

На знамени общества опять красовался башмак! Долго Иоссу пришлось попутешествовать, немало потерпеть неудач, прежде чем ему удалось, и то посредством обмана, найти живописца, согласившегося нарисовать страшный башмак.

Но общество и на этот раз было предано изменой почти накануне восстания. Опять пытки, казни, отрубание пальцев, тяжелые штрафы. В Эльзасе была казнена такая масса людей, что народ заволновался.

Иосс успел бежать. То там, то здесь показывался он опять, нагоняя ужас и страх на правителей. Быть может, им казалось, что дух революции бродит в образе Иосса по горам Шварцвальда и готовится низринуться в долины.

Рядом с леэнским Башмаком образовался в Вюртембергском герцогстве тайный союз, именованный «Бедным Конрадом»; но о нем мы расскажем на следующих страницах. Несомненно, что тайные общества играли видную роль и во время великой войны; одновременность восстания 2 апреля во многих отдельных концах Германии, указывает на силу и организованность общества. Есть также положительные указания на существование оживленных сношений между его членами.

Несомненно громадную роль в подготовке крестьянского движения играли города — революционная городская мелкая буржуазия, ремесленники-мастера и подмастерья. Некоторые авторы утверждают даже, что все крестьянские движения выходили из городов. Тайные общества даже не могли бы развернуться без помощи города. Здесь они находили литераторов для писания своих листков, здесь же были и типографии. Помимо всего этого, горожане были более опытными в деле организации тайных союзов. Тайные и явные общества издавна существовали среди городских ремесленников и городского пролетариата, в городах же ютились и многочислен-

ные религиозные секты, которые создавались в борьбе против власти церкви.

Одно за другим гибли тайные общества от жестоких преследований и возникали снова и снова еще более грозными, точно в своей гибели черпали новые силы. Это указывает, до чего широко и глубоко распространились, всеобщее недовольство и брожение, до чего много было горючего материала. Но были и другие условия, способствовавшие росту и развитию тайных союзов: они действительно могли быть тайными. Сношения между различными местностями были все же сравнительно слабо развиты, сословия мало смешивались между собой. Каждая община, каждая деревня, каждый цех, в силу условий тогдашнего производства, отличались крайней замкнутостью. Таким образом тайна легче могла оставаться замкнутой в их среде. Кроме того, и средства, которыми располагают современные капиталистические правительства для борьбы с тайными обществами — нелегальными партиями, еще не достигали такого пышного развития, как ныне. Полчища шпионов еще не наводняли всю страну, не подслушивали под каждым окном. Доходов самых богатых правительств того времени нехватило бы на покрытие расходов на одну полицию в современных капиталистических странах. Не было также и нынешней почты с ее двустороннею деятельностью. Люди сносились между собою еще первобытным способом, через особых гонцов или бродячих ремесленников и странников. Все это и обеспечивало, несмотря на страшнейший террор феодалов, быстрое и сильное развитие революционных тайных обществ, которые и явились организаторами и руководителями крестьянской революции.

2. КРЕСТЬЯНСКИЕ ВОССТАНИЯ ДО 1524 ГОДА. КЕМПТЕН И ВЮРТЕМБЕРГ.

Еще яснее и определеннее, чем развитие тайных обществ, на разгоравшийся пожар указывали непрекращающиеся с конца XV века местные крестьянские восстания, или беспорядки, как предпочитают их называть власти. Крупные восстания происходили уже в 1476, 1491, 1498, 1503 годах на Майне, на Рейне, в Южной Германии и в Нидерландах

(Голландия). В соседних с Германией: Венгрии, Каринтии и Виндской земле сильные волнения наблюдались в 1502 году. Так как господа продолжали «ежедневно грабить и обижать» народ, то Виндская земля восстала в 1513 году. Дворянству снова удалось «взнуздать мужиков», как выражается повествующий об этом благородный господин, но восстание повторилось в следующем году и стоило крестьянам не менее 60.000 погибших в битвах и на эшафотах. Обозленное дворянство заявляло, что надо перебить жен и детей и истребить самые семьи крестьянства.

Чем дальше, тем короче становятся промежутки между восстаниями; они захватывают все большие пространства. Крестьянское движение идет вместе с революционным движением городской мелкой буржуазии и предпролетариата. Рядом с крестьянскими восстаниями происходит целый ряд местных революций в городах. Городская община отгоняет старые привилегированные магистраты и ведет с ними революционную борьбу против подчиненного положения. Когда один из членов аристократического магистрата города Эрфурта, Кельнер, в 1508 году по старой привычке гордо объявил перед гражданами: «Община, это—я!»,—то с ним поступили не совсем деликатно—его повесили.

В дальнейшем нам поневоле придется обрисовать ход революции лишь в общих чертах: более подробное описание слишком увеличило бы объем книги, да и внимание читателя разбилося бы, запуталось бы в мелочах. Но чтобы ближе ввести читателя в самую внутреннюю жизнь восстаний, дать ему хотя некоторые представления о том, как они слагаются в глубине спокойной на вид обыденщины, мы расскажем на следующих страницах историю двух наиболее характерных восстаний: кемптенского и вюртембергского; первое произошло, повидимому, без всякого влияния особых тайных обществ, второе—при сильном участии подпольной организации; одно имело место во владениях духовного государя, другое—во владениях светского.

История о «благочестивых князьях» — аббатах Кемптенских и об их «неблагодарных подданных». Город Кемптен лежит в верхнем Альгее и издавна находился вместе со своим округом во владении Кемптенского монастыря. Правил им аббат со своим капитулом (ду-

ховным советом) на правах князя. Власть его не была наследственной, так как католическое духовенство живет в безбрачии. Аббат назначался папою или, вернее, покупал место за хорошие деньги у Римской Курии (папское управление).

Значительная часть кемптенских крестьян не знала крепостного права. Крестьяне могли по желанию переселяться к другим владельцам, свободно располагали своим имуществом, и все их отношения к монастырю ограничивались небольшою податью, ежегодно выплачиваемую ему, да судебными делами; суд находился в руках аббатства.

Святая обитель жила далеко не одними только молитвами. Независимость крестьян, не позволявших чересчур глубоко залезать в свой карман, была совсем не по душе духовным отцам. Монастырь стал подбираться к их вольностям. Он нападал не сразу, а умненько, исподволь то на одного, то на другого из этих «свободных ленников» (как гордо называли они себя), пользуясь затруднительным случаем домохозяина, смертью, словом, всяким удобным случаем. Разными подвохами ему удалось присвоить себе и большую часть общинных земель и обложить многих из подданных новыми налогами и поборами, обязать их барщиной. Так продолжалось десятки лет, а затем эти мошенничества закреплялись за аббатством по «праву давности», обращались в «древнее право».

Наконец, в начале XV века аббатство решило окончательно сравнять ленников с крепостными. Ленники заволновались. Так как молитвы святых отцов, очевидно, не помогали против «бунтовщиков», то князь-аббат решил обратиться к обычным земным средствам, зная отлично, что для таких высоких персон, как он, еще не построено подходящих тюрем: он подделал старинную грамоту императора Карла Великого, якобы дарующую монастырю все права на крестьян. Обман удался, как нельзя лучше. Крестьяне и не подумали, чтобы такой благочестивый муж мог пуститься на подобные штуки.

Теперь крестьяне решили воспользоваться своим древним правом и перейти к другому владельцу, не останавливаясь даже в случае крайности и перед вооруженным сопротивлением. Аббат поднял вопли о нарушении своих «священных прав». Герцог Баварский назначил суд для решения распри между монастырем и крестьянами. Аббат, по требо-

ванию суда, поклялся над евангелием, что он и предшественники его пользовались налогами и повинностями с ленников, как со своих крепостных. Его клятву подтвердили два знатнейших члена капитула. Одной ложной клятвы князю-аббату показалось мало, и он повторил ее в своем письме к папе; несколько прелатов, для которых дело аббата было их собственным делом, скрепили эту ложь своими печатями. Крестьяне проиграли дело.

Но аббат был до-нельзя богобоязненный человек. К концу жизни его стали мучить угрызения совести. Он обратился к папе, и тот разрешил его от всех грехов: святейший престол был весьма снисходителен к высоким особам, доставлявшим ему хороший доход. Наш князь стал сразу чист, как в первый день рожденья! Однако крестьяне от этого мало выиграли. Аббат снял с себя грех ложной клятвы, но не снял с подданных несправедливых налогов. Он сохранил и святость души и крупные барыши, вместе с поддельной грамотой. Ловкому человеку везде хорошо: и на земле и на небе.

Но пришла опять беда: крестьянам удалось найти свои древние грамоты на вольности. Благочестивые плутни обнаружались, и монастырю пришлось уступить.

Настоящее восстание в Кемптене произошло собственно в 1491 г. Новый князь-аббат Иоанн II, прикидывавшийся кротким агнцем, продолжал усиленно проводить излюбленную политику аббатства и прибег с этой целью к новым преследованиям: он сажал непокорных в тюрьмы и держал там до тех пор, пока они не отказывались от своих прав. Вместе с тем он непомерно возвысил оброки и налоги, несмотря на страшную дороговизну¹⁾, наступившую в 1489 г., и голод, разразившийся в 1490 г. Крестьяне восстали.

Аббат обратился за помощью к Швабскому союзу²⁾. Союз заготовил войско и вступил в переговоры с крестьянами. В продолжение нескольких месяцев он ждал, пока крестьяне, уверившись в безопасности, не разошлись по домам. Тут-то и появилось союзное войско; оно окружило деревни и пре-

1) Вследствие падения цены серебра, о котором мы говорили выше.

2) Этот союз был заключен в 1487 г. между несколькими южно-германскими князьями для совместных действий против внешних и внутренних врагов.

далось грабёжам и убийствам. После такой «кровавой бани» крестьянских депутатов вызвали на сейм и просто приказали им покориться. Ограбленному, лишённому своих вождей населению больше ничего не оставалось делать. С подобной политикой доблестных князей и рыцарства мы ещё не раз встретимся на страницах нашей книги.

Кемптенским крестьянам везло на правителей. Аббат Себастьян, княживший накануне революции, превзошел всех своих предшественников как умением грабить, так и вероломством: он ухитрился ровно четырнадцать раз надуть своих подданных и только на пятнадцатом потерпел неудачу. Крестьяне в третий раз взяли за оружие. Эти события у нас изложены в главе, посвященной общим крестьянским движениям 1524—25 г.г.

Восстание в Вюртемберге. В Вюртембергском герцогстве «крамола» свила себе прочное гнездо в 1503 году; Ремская долина служила главным «очагом заразы». Как мы уже выше говорили, вюртембергское тайное общество носило название «Бедный Конрад»¹⁾; оно имело особую военную организацию, устраивало собрания, на которых происходило обучение военному искусству. Начальник, вышучивая княжеские обычаи, принимал в члены ударом по плечу и раздавал своим «вассалам» владения «на луне», в «нетовой земле», «на нищем Рейне», «в пустом округе» и т. п. В несколько лет общество распространилось по всем селам и городам герцогства. Лучше всякой подпольной проповеди успехам его содействовали, как всегда, сами правители.

На герцогском престоле в то время восседал шестнадцатилетний развратный мальчишка Ульрих. Главными его занятиями были празднества, пиры и игры; в число последних входили и грабежи по большим дорогам в собственных владениях. Что другое, а кутить он умел. На его свадьбе присутствовало до семи тысяч гостей; по свидетельству современников, это торжество было куплено ценою разорения всей страны.

При столь великих государственных «трудах», его светлости некогда было подумать о подданных. Он вспоминал

¹⁾ Конрад—очень распространенное среди простонародья имя, ставшее потому кличкой мужика, как у нас Иван.

о них только тогда, когда ему нужны были деньги; впрочем, это случалось довольно часто. Для добычи денег двор пукался на всякие выдумки. Все должности, даже назначаемые по выбору самим населением, от бургомистра до самого последнего сторожа, стали продавать герцогским ставленникам; без церемонии прикарманивались общественные доходы, даже доходы богаделен. Все налоги были сильно повышены. Но всего этого не хватало. Бедный герцог влез в долги. Приходилось изобретать новые источники. Решили попробовать обложить каждый гульден (монета), получаемый населением. Этот необыкновенный опыт не удался. Тогда решили прямо обложить определенным налогом ежедневное потребление мяса, муки и вина каждого подданного. Этот налог упал всей тяжестью на несостоятельные классы населения, и в городе поднялся ропот против такого открытого грабежа. Герцог избежал бы многих неприятностей, если бы только знал современное государственное изобретение — акциз. Чашей, переполнившей меру, оказалось введение герцогом в 1514 г. фальшивых мер и весов, с целью увеличить доходы с нового налога. Двор ликовал по поводу своей «забавной выдумки».

Народ по-своему ответил на это. Ему тоже хотелось позабавиться. Во многих селениях крестьяне устроили целые процессии: с музыкой, при свете факелов они направлялись к реке для «проверки» весов; здесь они бросали их в воду со словами: «если крестьяне правы — утони, если герцог прав — всплыви». Железные весы, конечно, камнем падали на дно, а население, в свою очередь, ликовало от своей забавы.

Впрочем, тут пахло далеко не одной забавой. Всю эту проделку устроило общество «Бедного Конрада», чтобы испытать свои силы. Опыт удался. Народ сочувствовал ему и шел на его призыв. Еще усиленной и энергичнее повелись пропаганда и агитация: общество готовило восстание.

Первыми заволновались жители Ремской долины, но их скоро удалось успокоить. Испуганный герцог обещал созвать ландтаг, которого ни разу не созывал, боясь упреков депутатов в мотовстве. Представители народа являются только помехой в «управлении» страной! Конечно, герцог дал свое обещание только для проволочки времени, пока он соберет наемное иностранное войско для покорения собственной страны.

Светлейший герцог, помимо пороков, приличных (вспомните поучение ремесленнику!) его высокому сану, обладал еще одним недостойным—болтливостью. Скоро слух о его намерении призвать иностранное войско распространился по стране, и «Бедный Конрад» решил этим воспользоваться, как предлогом к восстанию. Члены его стали разъезжать по всей стране, агитируя за восстание. Всюду собирались вооруженные сходки. «Лучше ничего нельзя придумать,—говорили крестьяне,—как чтобы господа перестали хозяйничать». «Какой в господах прок? Они только богатеют». Слышались и такие речи: «Должно наступить равенство, и богатые подлецы должны поделиться с бедняками».

Тогда герцог созвал ландтаг... из собственных чиновников. Плутня не удалась. Требования созыва ландтага стали еще настойчивее. Ульриху пришлось уступить.

24 депутата от дворянства, городов и духовенства съехались в Штуттгарте; сюда же наехало самовольно много крестьянских депутатов, не имевших права участвовать в ландтаге. Под влиянием последних ландтаг высказался очень резко против герцогского управления. Тогда Ульрих уехал в Тюбинген и вызвал туда депутатов, запретив являться крестьянам. Здесь на свободе он быстро поладил с дворянством, горожанами и прелатами. Они даже согласились уплатить громадные герцогские долги, конечно, не из собственных средств, «ибо горожан нельзя так обирать, как сельских людей простого звания, и так грабить именитых людей, как простолюдинов». В старину умели говорить без обиняков!

Без крестьян оказалось куда спокойнее, а потому им и впредь запрещено было посылать своих депутатов на сейм. Впрочем, им даны были некоторые облегчения: позволено было выгонять (но отнюдь не убивать) диких животных, опустошавших их поля, и обещано не удерживать в пользу правительства крестьянские подаяния, предназначенные нищим.

Счастливые крестьяне! Милостивое правительство разрешило им даже защищать их собственные поля. Бедное правительство, принужденное запускать свою руку даже в суму нищего!

Крестьяне не оценили столь великих «благодеяний». «Сейм только тогда может помочь нам,—говорили они,—когда на

нем будут участвовать наши представители, потому что духовенство, дворянство и горожане не станут заботиться о нас». Жители Ремской долины вооружились и устроили лагерь. Но сдвинуть их с места, чтобы поднять все население герцогства, вожакам «Бедного Конрада» не удалось, несмотря на все увещания. Крестьяне боялись уходить далеко от родных сел, а, может быть, думали, что правительство испугается одного их вооружения и пойдет на уступки.

Герцог действительно послал к ним для переговоров своих советников. Когда договор был выработан, герцог объявил, что принимает его. Крестьяне спокойно разошлись по деревням; по своей доверчивости они полагали, что правители, как и все люди, называемые на обыкновенном языке честными, должны исполнять свои договоры и обещания!

Теперь повторилась кемптенская история. Окружались и грабились деревни и города, причастные к движению, зачинщики подвергались пытке и вешались. «Зачинщиков» оказалось чрезвычайно много. Дело в том, что герцогу постоянно нужны были деньги, а имущество казненных поступало в его пользу. Это оказалось очень доходной статьей, и герцог стал направо и налево хватать людей, подвергать их пытке, чтобы вынудить ложное признание в вине и указание сообщников; несчастный называл первые попавшиеся имена своих знакомых, столь же невинных, как и он. Потеха продолжалась долго, и казна герцога прибывала.

Правительство разослало во все имперские города и в Швейцарский союз грамоты, в которых просило «не терпеть у себя и наказывать смертью и лишением имущества этих изменников, осужденных на казнь, из которых лишь немногие очень богаты, но которые все равно ненавидят, губят и оскорбляют святую веру и христианскую церковь, презирают власти и именитых людей, нарушают мир, преданы ереси, скрывают в себе зловерное стремление кощунствовать над святой верой и христианством, презирать и истреблять империю, королевства, герцогства, княжества, графства и господства, заражать духом мятежа города и деревни, уничтожить все обязанности и оподлить все»¹⁾.

Впоследствии сам герцог был выгнан из своего отечества

¹⁾ Подчеркнуто всюду нами.

собственным верным дворянством и соседними князьями. Он поселился в той же Швейцарии и сразу превратился в друга своих когда-то изгнанных подданных и в защитника народных прав. В своих воззваниях он подписывался: «крестьянин Унц» (уменьшительное от Ульриха). Непреклонный искоренитель крамолы, он обратился к этой самой крамоле с просьбой помочь ему вновь возвратить потерянный престол.

Вюртембергское восстание всполошило все швабское дворянство. Оно съехалось в Урахе и заключило тесный союз против своих подданных. «Мы будем всячески поддерживать друг друга против всех покушений простого народа,—гласил союзный акт,—так как в настоящее время происходят бунты и возмущения подданных и бедных людей, которые поднимают башмак и заключают незаконные союзы против своих законных естественных властей и господ, осмеливаются пытаться сбросить с себя власть высших классов, подавить и истребить дворянство и все высшие сословия, так что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось испытать того же, что уже потерпели государи, города и духовенство».

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

РЕФОРМАЦИЯ.

Восстания вспыхивали то здесь, то там, как беглый огонь перекидывались с одной местности на другую, почти не прекращаясь. Но все это были восстания, а не восстание, отдельные вспышки возмущения, а не объединенное движение целого народа, мощного своею численностью. Чтобы собрать эти разрозненные силы, нужно было общее знамя, народный стяг, который направил бы волны восстания к одной цели; нужен был общий клич, который был бы понятен крестьянству и в то же время привлек бы и другие угнетаемые слои, заставил бы растеряться правителей, и тем дал бы время революции набраться энергии, сделать первые шаги. Таким революционным знаменем и революционным кличем движения сделалось «чистое евангелие». Под этим знаменем выступали крестьяне прежде всего против господствующей католической церкви; беспощадную, непримиримую войну объявили они папству.

Не немецкие мужики выдумали «чистое евангелие». Поиски за истинным, «настоящим» «словом Божиим» и жалобы на порчу церкви начинаются с первых веков, вместе с христианством. Как только христианство превратилось в господствующую религию, как только закрылись амфитеатры, где раздавался рев зверей, стоны христианских мучеников и аплодисменты язычников, как только последние признали себя побежденными,—торжествующее христианство воздвигло свои костры для собственных «заблудшихся овец стада Христова».

Христианство выступает защитником интересов состоятельных классов, признает неприкосновенность частной собственности. Из религии бедных оно превращается в религию

богатых. Церковь становится в противоречие с основами собственного учения. Пример первой христианской общины в Иерусалиме, среди членов которой «никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее»,— был основательно забыт в позднейшее время.

Христианство стало государственной религией; оно открыто оперлось на насилие и признало его. Церковь из преследуемого тайного политического общества городской бедноты становится богатой и могущественной эксплуататорской организацией. Общины (прихожане) постепенно теряют право избирать епископов и распоряжаться церковным имуществом, которое раньше считалось собственностью бедных. Уже не церковь зависела от общины, а община от нее.

Власть и богатство стали главным стремлением церкви. Владение землей являлось в начале средних веков единственным источником могущества, и церковь принялась за «собрание» земли. В первые века, время непрерывных войн, в момент образования новых государств, церковь была единственной организованной силой, и потому государи непрерывно заискивали перед ней, прибегали к ее помощи, осыпая ее дарами и приношениями, главным образом, конечно, в виде земельных участков. Чтобы упрочить за церковью земельное имущество, духовенству навязали безбрачие, потому что «большие земли, большие поместья эти подлые отцы (женатые священники) приобретают для своих сыновей на средства церкви» (жалоба папы Бенедикта VIII). Захват церковной области в северной половине Апеннинского полуострова помог дальнейшему развитию этой политики, дал точку опоры тщеславным замыслам воинствующей церкви. В руках церкви находилась теперь столица мира—Рим, а на бритой макушке ее верховного вождя сияли две короны: царя земного и наместника царя небесного. Бесчисленная «черная армия» распространяет влияние пап повсюду; в руках святого престола сосредоточивается не менее четверти всех земель Западной Европы. Папы становятся повелителями мира: они возводят на престолы королей и низлагают их по собственному произволу.

Неслыханная пышность распространяется в Риме и вообще среди высшего духовенства. Развитие торговли, вытеснение натурального хозяйства денежным, начавшееся на

юге Европы с XII века, еще более увеличивают могущество церкви.

Однако, пока существует частная собственность, вслед за богатством всюду шагает нищета; чем больше растет состояние одних, тем больше беднеют другие. Бедность осталась и казалась еще сильнее рядом с пирующей церковью. И как некогда римская голытьба восстала против пышного и развратного языческого мира и, объединившись в тайные христианские союзы, свергла его, так и теперь нищета и бедность подняли руку против самой церкви.

Чаще и чаще раздаются мятежные речи против «римской блудницы». Поиски за праведностью, от которой отказалось изолгавшееся духовенство, становятся беспокойнее и упорнее. Появляются многочисленные секты—«лионские бедняки», «апостольские братья», «долларды», «беггары», «братья общей жизни» и т. п. Уже одни, подчеркнутые нами, названия сект указывают на их цели. Сектанты или оставались оседлыми и в своей собственной жизни проводили первохристианские заветы, или, подобно апостолам, бродили по стране, часто в апостольской одежде, подпоясанные «вервием», босые и с посохом в руках, поучая народ чистым евангельским истинам. Проповедь истинного христианства становится революционной агитацией.

В условиях общего недовольства население прислушивалось к речам свободных проповедников, хотя скорее не откровения святого учения, не призыв к евангельской чистоте привлекали его, а ядовитые насмешки и грозные бичевания пороков и сребролюбия служителей господствующей церкви. Нередко новые «апостолы» откладывали в сторону свои страннические посохи и, вооружившись мечами, становились во главе народного восстания против ненавистного Рима.

Церковь жестоко подавляет движение. Свободное выражение мнений было запрещено. По всей Западной Европе горели «святые» костры, на которых «во имя божие» в страшных муках гибли «проклятые» еретики. Восстания душились с невероятной жестокостью. Все эти народные волны разбились о пока неприступные твердыни церкви. Грозная и могучая, с окровавленным мечом в руках, католическая церковь чувствовала себя непобедимой, пока громадная волна, поднявшаяся с севера, из Германии, не потрясла ее до самого

основания, не нанесла ей страшного удара, от которого она уже никогда больше не могла оправиться.

Католическая церковь, при помощи зависимого от нее духовенства, запустила руку в карман нации по самый локоть.

Главными доходными статьями по божественному департаменту папы были: продажа духовных должностей и отпущение грехов. Все места архиепископов, епископов получали те, кто больше давал. Чем доходнее было место, тем дороже за него платилось. Все это делалось совершенно открыто, считалось в порядке вещей, и для удобства «покупателей», с конца XV века святой престол стал издавать настоящие прейскуранты цен на духовные должности, привилегии и милости. Таким образом, например, архиепископство Майнцкое, Кельнское, Трирское, Зальцбургское оценивалось от 10 до 15 тысяч гульденов ¹⁾. Наконец, чтобы избавиться от утомительной торговли церковными местами в розницу, папы стали сдавать их оптом на откуп торговым купеческим компаниям, которые, в свою очередь, перепродавали их желающим. Некоторым духовным удавалось добиваться такого же счастья. Так, настоятель одного из страсбургских монастырей раздобыл себе 100 приходов и великими прибыльную торговлю.

Присвоенное право разрешать людские грехи послужило папам вторым источником прибыли. Сперва были объявлены особые прощенные дни, в которые каждому, побывавшему в «святом» Риме, разрешались и малые, и великие прегрешения. Раз в сто лет случалось это радостное событие, и к этому дню сотни тысяч темных верующих стекались в Рим. Дело оказалось выгодным. Но так как даже папы не живут по сто лет, а золото требовалось каждому из них, то решили облагодетельствовать грешников, и дни всепрощения стали назначать почаще, через каждые 50 лет, а потом и через 25. Несмотря на столь великие льготы, не всякому позволяли дела и средства предпринять длинное и дорого стоящее путешествие. Чтобы не лишить и их

¹⁾ С 1505 по 1513 г. в Майнце три раза сменялись епископы, и каждый раз население облагалось в пользу папы налогом в 20.000 гульденов.

своего «благоденствия», папы стали выпускать особые грамоты на отпущение грехов (индульгенции). Папские чиновники связывали их в пачки, а особые духовные коробейники развозили этот святой товар по всем странам. Под звон колокольчиков торговля шла бойко, папские приказчики не скупались на прибаутки и зарабатывали своему хозяину хорошей барыш¹⁾.

Но не всегда торговец индульгенциями был под руками, и многим приходилось отправляться на тот свет без проходного свидетельства в рай, а уж если душа попала в ад, то оттуда ее никакими судьбами не выцарапаешь до окончания веков. Полные забот о своей пастве, папы вошли в сделку с высшим небесным начальством. По их святым молитвам по дороге к блаженству и к мукам была сооружена крылатыми плотниками особая небесная будка, названная чистилищем, в которой странствующие души подвергались предварительному допросу, возможно, что и с пристрастием, особенно, если попадался выгодный грешник. Это прибыльное место было взято на откуп уже самим папой. Так вот, если наследники покойника не имели причин желать зла своему родственнику, но могли опасаться, что он угодит в ад, то им стоило только обратиться к посредничеству папы. По мере того, как денежки переходили в широкие карманы святого отца, душа усопшего сбрасывала с себя, подобно грязному белью, один грех за другим и, ставши чище первого снега, отправлялась делать моцион в райские сады.

Понятно, что при таком направлении религиозного промысла ни папе ни, тем более, торговым компаниям не было никакого дела до качества лиц, назначаемых на духовные должности. Молодые люди, которым, по выражению писателя той эпохи Себастиана Брандта, вряд ли можно было доверить скот, все же казались еще достаточно хорошими, чтобы быть «духовными пастырями». Свое образование и свою карьеру будущие священники получали обыкновенно в качестве странствующих учеников, собирающих милостыню, или помощников учителей, в качестве торговцев мощами,

¹⁾ В продолжение восемнадцати лет один продавец индульгенций «заработал» папам 800.000 дукатов, — сумма по тому времени громадная.

а также поваров, конюхов, охотников, певцов и шутов какого-нибудь прелата. Невежество духовенства было прямо баснословно ¹⁾. Нелепости и отвратительное суеверие проповедывались народу с церковных кафедр на радость и на процветание духовенства. Единственная задача подобных пастырей состояла в том, чтобы выжать возможно больше из народа для себя, для своих покровителей и для святого престола. Высшее духовенство, конечно, было не лучшего достоинства. Как раз в это время сильно меняется его внутренний состав. Князья, стремясь избежать раздробления своих земельных имуществ, стали превращать их в майораты, т.е. в нераздельные владения, которые наследует старший в роде. Остальные наследники оставались при пиковом интересе, и устремились на единственные по тому времени выгодные места—в ряды духовенства. Должности архиепископов и епископов замещаются представителями княжеских фамилий, остальные дворянством. Дворянство отправляется и на вольное житье в монастыри, вытесняя оттуда простолюдинов.

Вся эта голодная, но «благородная» саранча, понятно, мало интересовалась молитвами; она переселилась на «новые места» единственно ради наживы, с твердым намерением продолжать здесь ту же веселую и беззаботную светскую жизнь. Иные епископы ни разу во всю жизнь не заглядывали в церковь и стыдились своего священнического облачения. Они предпочитали являться перед своей паствой в рыцарских доспехах, верхом на коне, нередко рядом со своими любовницами. Одного епископа, постоянно носившего рясу, «коллеги» поднимали на смех, уверяя, что он хочет сделаться папой. «Вот дело епископов,—восклицает летописец,—скакать на лошадях, добывать себе больше почестей, набивать карманы, есть хороших кур и бегать за публичными женщинами». Многие магистраты жаловались, что их горожанкам по ночам положительно не дают проходу монахи местных монастырей. В женских монастырях, обитательницы которых набирались также из среды благородных дворянских девиц, творились непонятные дела. Их одолевали бесы.

¹⁾ В 1291 г. в С.-Галлене ни аббат ни весь капитул не умели даже писать.

В одной женской обители, например, жители нередко со страхом видели, как нежданные гости из преисподней в «образе молодых людей проникали через окна в святую обитель и бегали по кельям». Летописец называет женские дворянские монастыри, с присущей тому времени прямо-той, «публичными домами знати». Высшее духовенство само участвовало в неистовом распутстве монастырской жизни, и многие женские монастыри покупали у своих епископов за деньги право свободного разврата.

Небесное предприятие было поставлено на чисто-коммерческую ногу, главная цель которого—давать доход. «Божественной благодатью» торговли распивочно и на-вынос. Отношения определялись крайне просто: за столько-то рублей тебе отпускается такое-то, точно определенное количество благодати. У нас товар, у вас деньги ¹⁾).

Бойче всего шла торговля мощами и обеднями. Некоторые монастыри составляли даже особые иллюстрированные каталоги своих сокровищ. Так, в перечне мощей в монастыре всех святых в Витенберге мы находим рядом с бесчисленными черепами, волосами и костями святых такие редкостные предметы, как вся кожа с лица св. Варфоломея, множество остатков Ааронова и Моисеева жезлов, кусок неопалимой купины (!!), куски яслей и люльки господя, два клочка сена и один соломы, на которых он лежал, остатки ниток, которыми шила дева Мария, немного ее молока, кусок свечки, которую она держала, когда умирала. Оказывающим всем этим предметам подобающее почтение обеспечивалось отпущение грехов, по крайней мере, на 500.000 лет. В Галле имелось «немножко вина», оставшегося со свадьбы в Канне, «земли с поля из-под Дамаска, той самой земли, из которой бог сотворил людей» и, наконец, даже мощи самого Христа, любезно подаренные городу! Эта коллекция в Галле содержала общим счетом 8.933 частицы и 42 целых мощей и обеспечивала отпущение сроком на 39.245.120 лет и 220 дней. Кроме мощей, делались еще усердием монахов запасы наперед обеден и молитв. В одной Кельнской церкви

¹⁾ Продавец индульгенций Тецель, расхваливая в проповедях свой товар, уверял, что за четверть гульдена можно купить себе пропускную грамоту в рай.

имелся такой запасец: 6.455 обеден, 3.539 целых псалтырей, 200.000 четок, 63.000 раз по 10.000 Отче наш и Ave Maria. Отмолившись за себя, монахи в свободное время, которого у них было «порядочно», молились, так сказать, не в счет, и этот излишек усердия перепродавали мирянам; первые получали деньги, а вторые отпущение грехов, и все слаживалось к обоюдному удовольствию. Для большего удобства все святые распределялись по степеням и рангам и по специальностям. Каждый цех имел своего собственного покровителя (патрона): у ткачей—св. Северин, у сапожников—св. Криспа и Криспиниан, у врачей—св. Козьма и Демьян, у кузнецов—св. Элогия; даже парижские проститутки имели для своего ночного ремесла покровительницу в лице св. Магдалины! В честь этих святых цехи строили церкви и часовни или сооружали собственные алтари в существующих храмах, устраивали кассы для поддержки этих алтарей, для покупки восковых свечей и т. п. Каждая болезнь тоже имела своего святого. Св. Антонию молились от воспаления, св. Роху—от чумы, св. Эразму—от резей в животе, св. Флориану—от страха и св. деве Марии—от... сифилиса!

Более 50 архиепископов и епископов, около 80 прелатов и аббатисс вместе со своим черным воинством орудовали в империи, собирая с населения большие и малые десятины, оброки и повинности, папские налоги и т. д., и т. д. В их руках сосредоточивалось около $\frac{1}{3}$ всех земель империи, и немецкая церковь считалась самой богатой в мире. Все это вместе взятое и было причиной начавшегося реформатского движения, которое захватывает не только крестьян и городских ремесленников, но и городскую буржуазию и дворянство, стремящихся к захвату церковных богатств. Начинает выработываться соответствующая идеология.

Экономический переворот, о котором мы говорили выше, стал подкапываться под это блаженное житие с двух сторон: сверху и снизу.

Крестовые походы дали толчок развитию торгового капитала в Европе, а вместе с тем дали толчок росту городов, росту городской буржуазии, ремесленников, которые и становятся носителями новой идеологии. Крестовые походы познакомили Западную Европу не только с восточною роскошью, но и с восточною наукою, или, правильнее сказать, с

греческою философию, усердно разрабатывавшеюся арабами. Это дало толчок европейской науке, мирно спавшей под отеческой опекою католицизма. Настала эпоха возрождения наук, движение в пользу освобождения европейской мысли от уз одряхлевшей церковщины, движение, получившее название гуманизма. Первые гуманисты появились в Италии в XIV в. Они, главным образом, занялись восстановлением древней философии и поэзии; они ополчились против мрачных лицемерных церковных учений, сжимавших в своих тисках мысль человека, ставивших под свой контроль поведение и даже самые чувства граждан; они восхваляли свободную любознательность, простоту нравов языческого мира, умение древних с искреннею беззаветностью отдаваться как наукам и искусствам, так и радостям и веселию жизни. Нападки их на церковь были нередко довольно ядовиты, но это мало кого смущало. Высшие классы Италии, в значительной мере под влиянием папского двора, мало-по-малу освобождались от стеснительных религиозных суеверий. «Мы, итальянцы,—пишет Маккиавелли,—обязаны церкви и священникам тем, что стали безбожными и злыми». Под влиянием гуманистов безверие распространилось еще быстрее. Ради блеска двора папы сами держали близ себя этих новых ученых и поэтов и, вместе с другими, от души смеялись над их ядовитыми остротами, направленными против церкви и ее учений. Это была забава высших сфер, невинная и безопасная, так как итальянский народ не тяготился церковью, а скорее извлекал из нее доход: в Италию, в Рим стекалось золото со всего мира.

В XV столетии гуманистическое движение добирается и до Германии. Здесь церковь играла совсем иную роль, чем на родине гуманизма, здесь она служила прессом для выжимания соков из страны. Поэтому церковная политика и нравы духовенства прежде всего останавливали на себе внимание мыслителя. Редкие нападки на Римскую церковь встречаются уже в сочинениях мистиков XIII и XIV века. Критика гуманистов отличается только большей прямолинейностью и резкостью. Подвергается сомнению не только католическое богословие, но и само священное писание. Великий ученый того времени Эразм Роттердамский оспаривает подлинность евангелия от Иоанна, Апокалипсиса и некоторых из апо-

стольких посланий. Он же в словах Христа: «Прости им, Отче, ибо не ведают, что творят», видит божественную рекомендацию глупости и отмечает внутреннее сродство христианской религии с глупостью. Высмеиваются основные догматы церкви о троичности божества, о воскресении, о таинствах, о страшном суде. «Люди», взывал Экгарт еще в XIV столетии: «чего вы ищете в мертвых костях? Почему вы не ищете живого спасения? Мертвец не в состоянии ничего ни дать, ни взять». «Если св. Петр установил пост, то он сделал это лишь затем, чтобы лучше сбывать свою рыбу», высмеивал церковь с ее постами в 1481 г. профессор эрфуртского университета Везель. «Видел ли кто-нибудь бога, святых или дьявола, возвратился ли кто-нибудь с неба или из ада, и уж не малюют ли попы так страшно чорта ради своего пропитания?» спрашивал поэт. Еще беспощаднее были нападки на духовенство и на его «жирную набожность» по выражению Эразма. «Брюхо, набитое рыбой», «сотни мер псалмов», «грязные побирушки», «истощенные постом животы», «чревоугодники», «пожиратели вдов», «собаки и злые звери» — были еще довольно любезными эпитетами. В «Письмах темных людей», сочинении, в свое время много на шумевшем, облачение трирского архиепископа называется «вшивым камзолом». А Везель даже самого «непогрешимого» папу рекомендует читателю, как «обезьяну, наряженную в пурпур».

Против этого града нападков и насмешек духовенство было бессильно. Во-первых, наиболее видные из ученых пользовались покровительством могущественных князей, а, во-вторых, лучшие из среды духовных лиц сами сознавали грехи католической церкви и требовали ее реформы. И справедливость этих требований подтверждалась даже с высоты самого римского престола. Так, папа Адриан в одном из своих первых распоряжений (в 1521 г.) делает такое ценное признание: «мы знаем, что в течение долгого времени на святом престоле совершалось много гнусного: были злоупотребления в духовных делах, все было обращено во зло. От главы испорченность распространилась на члены, от папы на кардиналов; все мы совратились; никто не делал добра, ни один человек». Эти добрые речи, конечно, не мешали всему оставаться по-старому, не останавливали ни грабежа ни распутства.

Однако нужно сказать, что грозные произведения гуманистов служили лишь острой приправой к жизни избранного общества. Народ их не понимал; гуманисты писали на чуждом ему латинском языке. Да большинство из них и не искало читателя из народа. Вот с какими словами они обращались к нему: «Не беритесь за опасную науку, которую ваш ум не может постичь»; иные же прямо высказывали опасенье, как бы простой народ не вкусил просвещения, которое вовсе на него не рассчитано. Даже пылкий Ульрих фон-Гуттен, революционер по душе и по темпераменту, лишь к самому концу своей жизни решился обратиться с своим призывом к народу. Вначале же он писал только по-латыни, желая «предостеречь» сановников церкви как бы с глазу на глаз, чтобы не привлекать к участию в этом простой народ».

Боязнь, чтобы народ не сделался «слишком умным», совершенно напрасно удручала просвещенные сердца гуманистов. Главная опасность подкрадывалась совершенно с другой стороны. В глубине народных масс началось смутное брожение, беспокойство, предвещавшее нечто более серьезное, чем латинские упражнения ученых и поэтов. Медный пятак проник в народные массы быстрее ядовитых острот гуманистов и сильнее «потряс умы». Не под влиянием их высокоученых произведений, а под влиянием «бескорыстных» трудов маклаков — скупщиков сельскохозяйственных продуктов и при благосклонном содействии ростовщиков стала перестраиваться государственная жизнь. На место добрых старых отношений стали купля и продажа. Народу приходилось делиться не от избытка своего, а давать все больше и больше, потому что вместе с ростом торговли, а пожалуй и быстрее его, росла и жадность владельцев и князей к плодам крестьянской работы. Старые обычаи, право, закон — все основные камни, фундамент всякого государства были расшатаны. Звено за звеном подтачивались вековые устои народной жизни и готовы были рухнуть. В деревне начинают быстро нарастать предпосылки революции.

Первое время влияние церкви даже увеличилось. Толпы молящихся наполняют церкви, ища заступничества святых. Не удовлетворяясь местными святыми, люди начинают бродить по стране, в поисках за новыми святыми, новыми чудо-

творцами. Народ жаждал чудес, потому что только от чуда ждал он себе тогда спасения. Слух о каждом новоявленном образе или мощах привлекал к себе тысячи верующих со всех концов империи. Самое дикое суеверие с непостижимой быстротой стало распространяться в массах. Духовенство старательно растило и поддерживало его, потому что оно приносило хороший доход. Церкви растут, как грибы ¹⁾. Монастыри взапуски открывают у себя все новые и новые чудотворные иконы, выкапывают новые чудотворные кости, отбивая друг у друга барыши от притока молящихся. Изобретаются новые святые. Так, в начале XVI века была сочинена «бабушка господа бога», св. Анна ²⁾, поклонение которой одно время чуть не вытеснило излюбленную «святую деву» Марию. Народ прямо с жадностью набрасывался на каждую новинку. Постоянные надувательства на этой почве, нередко доходившие до открытого скандала ³⁾, нимало не охлаждали пыла молящихся: они лишь перекочевывали в другое место.

Церковь старалась заглушить растущую тревогу, опьяняя народ паломничеством и чудесами, но под конец эти средства перестали действовать. Возбуждающие средства требуются все в более и более сильных дозах, чтобы производить прежнее действие, а изобретательность монахов оказалась не безграничной. Народ стал понимать, что церковь, в сущности, только грабила и ничего не давала взамен, что все ее обещания оказывались лживыми. Разочарование и охлаждение не заставили себя ждать. Народ стал искать на стороне удовлетворения своему томлению; он начал по-своему объяснять загадку происходящего. Пошли

¹⁾ В «святом» Кельне было 11 соборов, 19 приходских церквей, более 100 часовен, 22 монастыря, 12 госпиталей, 76 религиозных конвентов и 106 домов для бегиннок («монашек» на миру, не принявших пострижения).

²⁾ Курфюрст саксонский Фридрих Мудрый и кардинал Альберт, которые собирали собственные коллекции мощей, моментально купили себе каждый по большому пальцу этой новоявленной святой.

³⁾ Особенно много шума наделал явившийся в одном монастыре крест, источавший кровь. Десятки тысяч жаждущих исцеления стеклись к нему, и вдруг, на публичном освидетельствовании, которое из зависти предпринял соседний монастырь, крест оказался пустым внутри и наполненным красной жидкостью.

слухи о близком конце мира, светопреставлении. Само небо, казалось, подтверждало ожидания: появились кометы, «небесные знамения», приводившие темный люд в ужас, страшная моровая язва опустошала страну. Ожили и задвигались сектанты-мистики; новые пророки повыползли из своих нор, пугая слушателей грозными предсказаниями. Точно какая-то зараза охватила всех. Под влиянием непонятого, непреодолимого порыва люди вдруг бросали сохи и плуги в поле, веретена и станки и бежали прочь; дети бежали от родителей, жены от мужей, бежали целые семьи. Гонимые неведомой силой, в страхе и отчаянии толпами переходили они из города в город, обнаженные до пояса, окровавленные, бичуя друг друга, распевая молитвы и призывая жителей к покаянию: «Близок суд божий, покайтесь!» Они плакали, они молили торопиться, спешить с покаянием; они проклинали греховное богатство и роскошь, они проклинали церковь, обманувшую их, скрывшую от них истину, с такой грозной неожиданностью открывшуюся теперь их духовным очам. Они объявили храмы грудой камней и вертепами разбойников, пение обедни—собачьим лаем, а господствующую церковь—царством антихриста.

Чем резче, под влиянием денег, отграничивались друг от друга богатство и бедность, чем выше поднималось одно и чем ниже опускалась другая, чем откровеннее, бесстыднее практиковались грабежи и насилия духовными и светскими владельцами, тем определеннее становились чувства масс. Христос не приходил судить погрязший в пороках мир. Народ снова обратился к земле, здесь стал искать причины своих бед и увидел ее... Носители «чистого слова божия», «христовы апостолы» с громадным успехом проповедуют теперь о евангельской жизни на земле, о всеобщем равенстве и братстве. Народ у них учился ненавидеть гордых богачей и своекорыстную, алчную церковь. Тысячные толпы устремились в Голландию в 1476 году слушать Ганса Богемца ¹⁾. Долго он ходил с флейтой по крестьянским свадьбам и вот вдруг сжег свою флейту и заговорил о новых порядках. «Рыбы в реках и дичь в лесах должны

¹⁾ Многие проповедники—так же, как, вероятно, и Ганс Богемец—выходили из Чехии (Богемии); это были потомки воинственных таборитов.

мистиков. Вызванное потребностями времени развитие учебного дела (с 1348 по 1506 г. было основано в империи 17 университетов) создало обширный круг читателей их произведений, разносивших, в свою очередь, эти знания за двери университетов. Беспощадная критика гуманистами католической церкви пришлось как нельзя более кстати. Поднимается общий ропот против духовенства, против папы, против грабительства империи Римом. Встревоженное духовенство начало подумывать о введении в Германии инквизиции. Игумен Нейгаузенского монастыря в Швабии, услышав о начатых по этому поводу переговорах, воскликнул, радостно потирая руки: «Погодите, мы еще уговорим людей жрать сено». Радость благочестивого инока оказалась напрасной: было уж чересчур поздно. Движения теперь не остановили бы никакие казни. Голоса обличителей с каждым днем становились все смелее и смелее. И вот 31 октября 1517 года профессор теологии и монах картезианского монастыря Мартин Лютер открыто бросил вызов Риму, прибавив к дверям Виттенбергской церкви свои 95 тезисов против торговли индульгенциями. Это совершенно не входило в расчет при составлении бюджета святого престола. Но борьба папы с простым монахом превратилась в борьбу всей нации против папства.

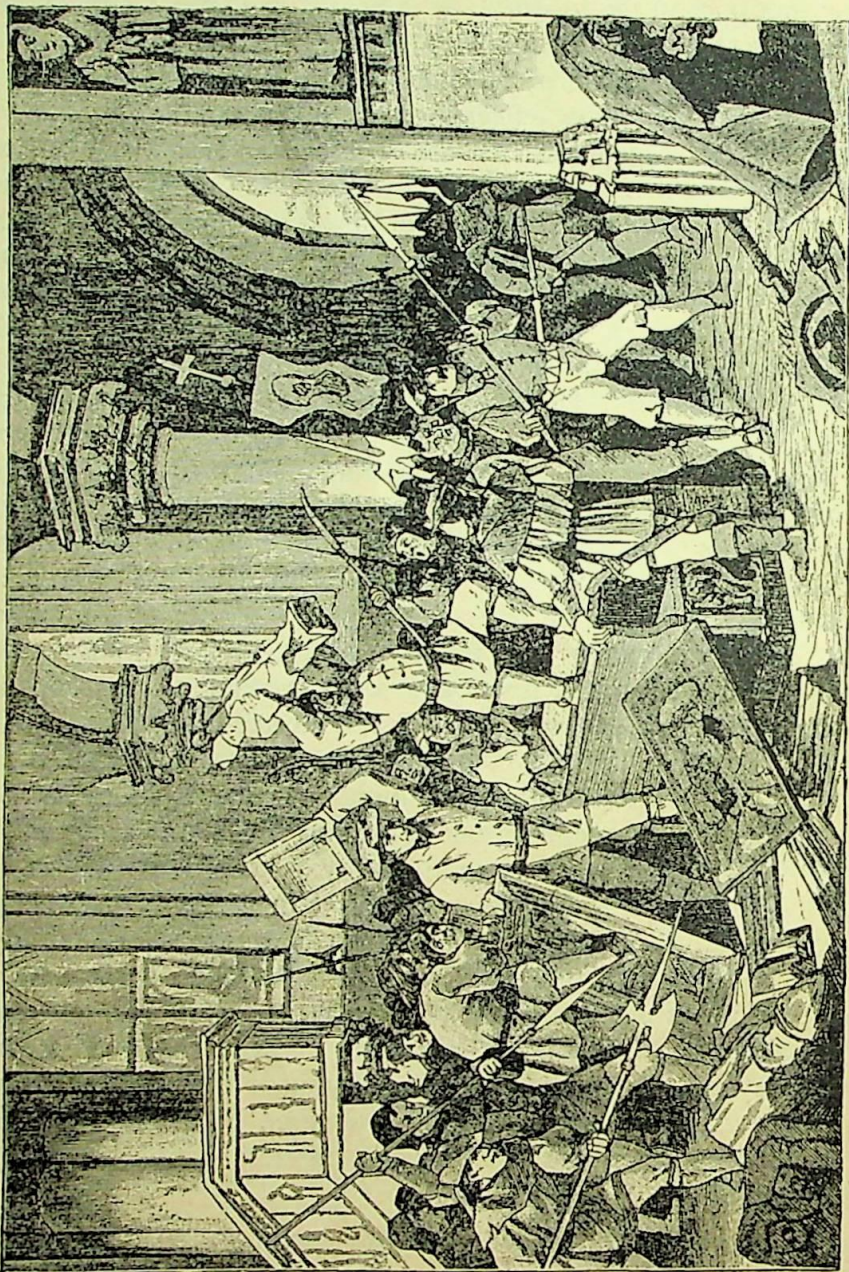
Начинается яростная чернильная война с защитниками католицизма и с самим папой и не только на латинском, но и на чистом немецком языке. За приличиями в то время не гонялись; самые забористые словечки так и сыпались из-под пера разгоряченных противников, и, пожалуй, никто не умел так крепко выругаться, как сам Лютер. Народ набросился на книги. С 1518 по 1523 г. число немецких книг возросло втрое, вчетверо, всемеро, и из них четыре пятых приходились на произведения противокатолические. Появляется целый ряд переводов священного писания на немецкий язык.

обязан считать все римское духовенство—от кардинала до последнего попа—орудием дьявола; каждому нищенствующему монаху, попросившему кусок сыра, дворянин обязан бросить камень и в свой дом не должен впускать ни одного монаха; если бы нечаянно случилось, что монах вошел в дом, то его следует немедленно выгнать и замести след метлою». Священники жаловались, что им нигде нельзя показаться в своей одежде.

И недаром один из сторонников папства меланхолически восклицает, что «мы сожгли бы много зла, если бы побольше книг побросали в огонь», а другой заявляет: «Это почти дурное дело, что библию печатают по-немецки, так как ее нужно понимать совсем иначе, чем там сказано, чтобы не ошибиться». По этим священным книгам народ учился ненавидеть и презирать духовенство; знакомясь сам с священным писанием, он открывал лицемерие и наглый обман в учениях католической церкви. Но еще сильнее действовало на массы живое слово проповедников. Сотни бедных сельских священников, у которых не было никаких причин любить богатое и заносчивое черное духовенство, громили развратный Рим и его жадных слуг. Голод гнал их на сторону крестьян. Их скудные доходы еще более сократились под влиянием распространившегося недовольства церковью. Панихиды по душам чистилища и по усопшим, чудотворные иконы и паломничества, свадебный колокольный звон и крестный ход рожениц потеряли значение доходных статей¹⁾. Монахи и монахини чуть не поголовно бежали из монастырей, венчались и превращались в мирян. Многие из них также шли проповедовать. К ним присоединялись тысячи светских проповедников, вышедших из средних классов и из простонародия. Под открытым небом, на площадях городов и сел или в полях и под сводами лесов раздавалась их свободная и бичующая речь. По свидетельству очевидцев, число проповедников было так велико, что по воскресеньям и в праздники, куда бы ни пойти, всюду встречались толпы горожан и крестьян, слушавших проповедников, по нашему—агитаторов. Содержание их проповедей постепенно меняется; от чисто-религиозных обличений они переходят на политические темы, говорят о насилиях и беззакониях князей, об отношении подданных к властям, о праве народа бороться против дурных правителей. Начинается настоящая политическая агитация. В 1522—1524 годах религиозные скопища во многих местах становятся угрожающими.

¹⁾ Впоследствии эти священники—из Швабии, Франконии и Тюрингии—взялись за оружие и в панцырях и с мечами в руках предводительствовали крестьянскими отрядами.

Движение принимает бурный, революционный характер. Возбужденные проповедниками толпы врываются в мона-

Восставшие крестьяне громят церковную утварь (в Мюльгаузене).

стыри, выгоняя оттуда последних монахов, ломают церковную утварь, разбивают «доски» (иконы), алтари, обрывают

дорогие украшения храмов, всю эту мишуру, при помощи которой духовенство одуряло и запугивало народ. В церквях революционным путем вводится новое богослужение на понятном народу немецком языке; службу очищают от нелепой обрядности: от всех выдумок, от грубого идолопоклонства, изобретенного католицизмом, стараясь приблизиться к простоте первых веков. «Папа и его стервятники» уже бессильны что-либо сделать. Даже высшие духовные сановники отпадают от церкви и превращаются в светских правителей (что для них являлось крайне выгодным: они становились независимыми от Рима и получали право передавать свои земли по наследству в собственный род).

За духовенством наступила очередь и светских владельцев. Озлобление против «святошествовавших мошенников», которых необходимо «перевешать всех как дурных, так и хороших», распространяется и на их товарищей по грабительству—светские власти. Ропот против господ и князей становится все грознее и грознее. Религиозное движение сливается с политическим в одно целое, в одну темную, зловеще рокошующую тучу.

Народ готовится к великой борьбе, и в это время, как набатный колокол, звучит из Виттенберга могучий голос Лютера: «Если мы вешали еретиков и разбойников, то почему не броситься с оружием в руках против этих главарей разврата, на этих кардиналов, на все это полчище римского Содома; отчего не обагрить рук их кровью?» «Князья ведут себя хуже воров и мошенников... Народ всюду возбужден и имеет глаза, чтобы видеть; он хочет и может не подчиниться насилью... мне кажется, будто я уже вижу Германию плавающей в крови». А могущественнейший князь Германии, защитник и охранитель Лютера, растерянно предается «на волю божию»: «Если бог захочет, то может случиться, что править станет народ».

«Всеобщий пожар», писали курфюрсты Майнцкий и Саксонский,—«какого еще никогда не видали, грозит охватить всю империю».

Да, разгорался великий пожар!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

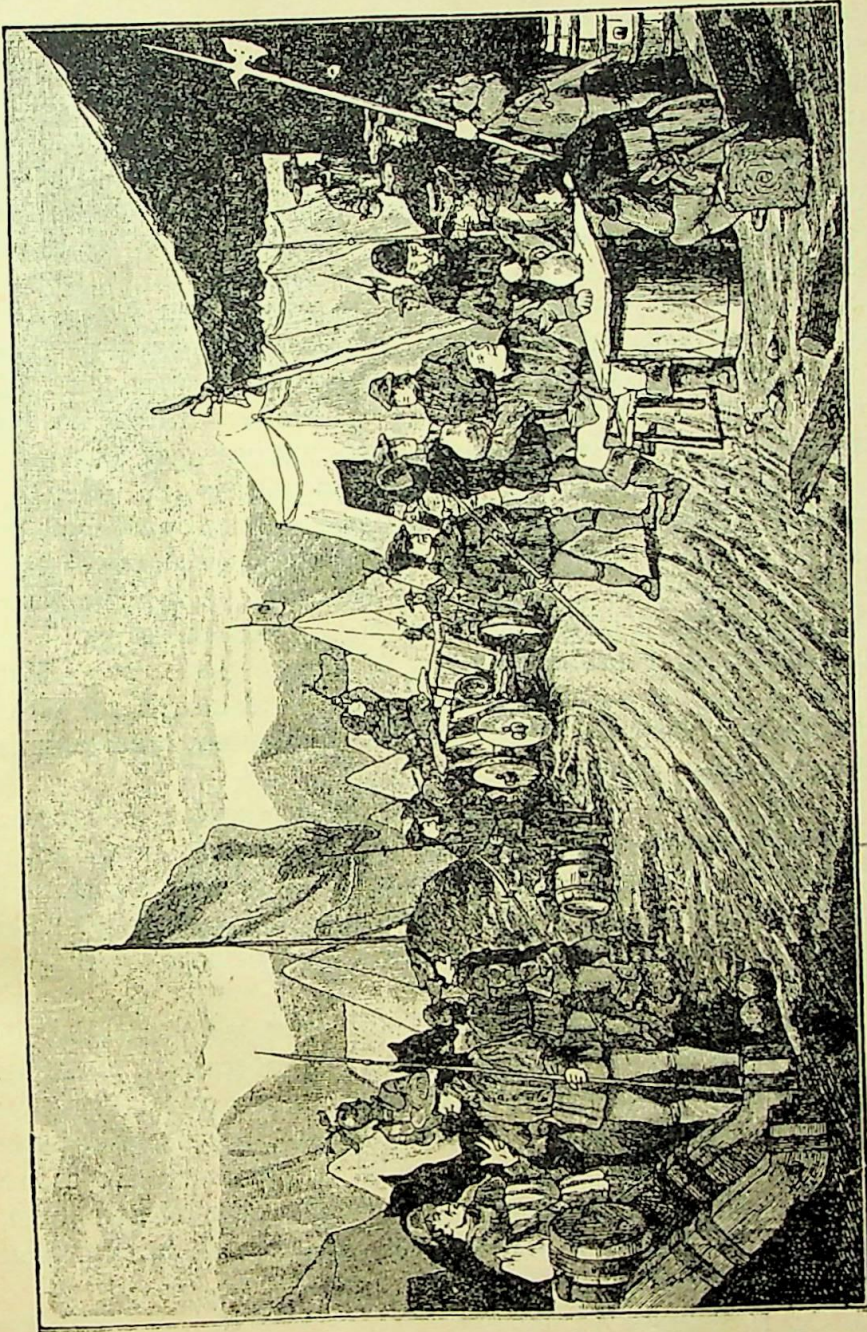
ВОЙНА.

1. ВОССТАНИЕ В АЛЬГЕЕ, ШВАРЦВАЛЬДЕ, ГЕГАУ И БРЕЙСГАУ.

С 25 января 1525 года во всем Альгее, в верхней Швабии, зловеще смолкли церковные колокола. Так решил общий сход альгейских крестьян, собравшийся в Луибасе, издревле служившем местом собраний кемптенских крестьян. Крестьяне полагали, что отец небесный на-время обойдется и без колокольной музыки, что церковный звон может послужить для земных целей, призывая на иную службу, службу крестьянскому делу, на защиту древних прав против притеснений властей.

За последние два года особенно усилилась деятельность тайных обществ. По городам и деревням распространяются тысячи летучих листов; в них предлагается выгнать из страны всех этих «Моавов, Агавов, Ахавов, Филарисов и Неронов»,—духовных и светских князей, и, как образец государственного устройства, выставляются Римская республика и Швейцарский союз, «основанный тремя простыми мужиками». По всей стране постоянно происходят тайные собрания крестьян, то в трактирах и кабаках, то ночью в лесах и полях при свете факелов. Нередко предлогом для политических сборищ служит освящение церквей и храмовые праздники, выдуманные духовенством для увеличения собственных доходов. Народ, где только мог, запасался оружием.

Еще в июне 1524 года поднялись соседние с Альгеем шварцвальдские крестьяне под предводительством опытного воина Ганса Мюллера из Бульгенбаха и, объединившись с храбрыми вальдсгутскими горожанами, заключили «христианское братство». Они образовали вооруженный лагерь и вниз и вверх по Рейну, во Франконию и Тюрингию, разослали гонцов, приглашая всех крестьян присоединиться к ним. «Евангельское братство,—писали они,—не хочет более по-

Лагерь восставших крестьян.

виноваться своим князьям и никому, кроме императора, согласен платить подати только ему; но он не должен вмешиваться в их дела и препятствовать разорению замков, монастырей и всего, что пахнет духовенством». Вместе с тем они выпустили манифест, в котором требуют уничтожения всех замков и монастырей и грозят всякому, не присоединившемуся к ним, мирской опалой¹⁾. К союзу скоро присоединились пограничные крестьяне Гегау, на востоке, и Брейсгау—на западе.

К концу февраля 1525 года и среди высоких Альгейских гор уже стояли лагерем пять крестьянских скопищ. Одно у Бальтрингена, совсем недалеко от Ульма, резиденции Швабского союза. Кузнец Ульрих, хороший оратор и знаток священного писания, собрал сюда до тридцати тысяч человек²⁾, и над этим лагерем, быть может, впервые в истории, развевалось красное знамя. Эйтель Ганс организовал свой лагерь у самого Боденского озера. Недалеко от «Бальтрингенского скопища», или, как его еще называли, «Сборища Красного Знамени», расположился нижнеальгейский лагерь. Близ Кемптена собрались верхнеальгейские крестьяне, ниже Ульма, по Дунаю, у Лейпгейма образовалось лейпгеймское ополчение, предводительствуемое самоотверженным священником Гансом Якобом Веэ.

5 марта в Кемптене, столице Кемптенского аббатства, духовный владетель которого благочестивый князь аббат Себастьян ухитрился четырнадцать раз надуть своих подданных, собрался первый сход крестьянских уполномоченных всех альгейских приходов. Здесь было решено присоединиться к евангельскому братству.

На первых порах крестьяне были очень мирно настроены и не чувствовали никакого желания прибегать к крайним мерам, начинать войну. Они жаловались, что к беспорядкам их принудили лишь несправедливости господ, и они думали напугать последних и принудить к уступкам одним своим сборищем. На втором совещании выборных в Меммингене, городе, преданном крестьянскому движению и ставшем

1) См. Приложение I.

2) Здесь в 'восстании' принимали участие не только мужчины, но и женщины.

главной квартирой всего верхнешвабского войска, были выработаны общие требования всего крестьянства ¹⁾. Изложенные впоследствии (в переработанном виде) в двенадцати статьях, они под названием «Двенадцати тезисов» были отпечатаны, быстро распространились по всей Германии и получили широкую известность. Они заключали в себе требование об уничтожении крепостного права, об облегчении налогов и податей, об улучшении судов, о возвращении несправедливо отобранных у них владельцами общинных полей и лесов, о предоставлении каждому права охоты и рыбной ловли на собственных землях, предоставлении общинам самим выбирать себе священников и свободной проповеди евангелия ²⁾.

В Меммингене же был выработан и устав «христианского союза». Устав предлагал всем владельцам вступить в христианский союз; отказывавшиеся вступить в него лишались права укреплять свои замки и держать в них оружие. Все недоразумения между владельцами и крестьянами разбирались выборными от союза. Всем запрещалось до дальнейшего решения бунтовать против своих господ и отказываться исполнять свои обязанности. Азартные игры, богохульство и пьянство запрещались.

Несмотря на всю крайнюю умеренность крестьянских требований, владельцы сильно перетрусили. Совсем недавно еще, при первых вестях о беспорядках, они посмеивались между собой: «комар задумал тягаться со львом!». Но теперь бесстрашные львы беспорядочно удирали из своих поместий в укрепленные города, в Ульм, под крылышко швабских союзников. Они лучше крестьян понимали, что беспорядки неминуемо перейдут в восстание; кому же, как не им, было знать, что среди их собратьев не замечается ни малейшей склонности отказаться от своих своеволий, сделать какие-либо уступки разоряющемуся крестьянству ³⁾.

¹⁾ Деятельное участие принимал в этом один из вожаков местного тайного общества—Шаппелер.

²⁾ Полный текст тезисов см. Приложение II. Возможно, что в основу как меммингенских, так и 12 тезисов легли советы Томаса Мюнцера.

³⁾ Швабское дворянство заявляло союзу: «надо прежде привести крестьян в покорность, а тогда уже будем разговаривать». Как будто с покорными когда-либо разговаривают!

Швабский союз оказался также не на высоте положения. Один из главарей его, австрийский эрцгерцог Фердинанд, всего два месяца тому назад в январе 1525 г. писал своим комиссарам: «Конница должна напасть на мятежных крестьян и подданных. Следует, где только можно, хватать их, поднимать на дыбу и пытаться иными способами, допрашивая об их начальниках и об их силах; после допроса их должно закалывать или удавливать или иначе строго наказывать, не давая никакой пощады». Но у союза не оказалось этой волшебной конницы. А тут еще бальтрингенцы грозятся итти на Ульм и пощупать самих высоких господ. Волей-неволей пришлось вести переговоры с мятежниками, как с равными. Высоким князьям вступать в сделки с простым мужичьем! Разве это не обидно?

Посланные Швабским союзом депутаты, в том числе один граф, предложили крестьянам войти в полюбовное соглашение со своими владельцами и в случае неудачи перенести дело в суд. Переговоры велись в продолжение второй половины февраля и всего марта. Наконец, крестьяне согласились заключить с Швабским союзом перемирие до 25 марта. Ко второму апреля крестьяне обещали дать ответ на предложение союза разобрать дело третейским судом, выбранным обеими сторонами.

Крестьяне отнеслись серьезно к предложению Швабского союза. Большинство из них было бы очень довольны кончить дело мирным путем. Они не знали, что вероломство составляет специальную добродетель правящих классов. Если за плутни по отношению к равным себе или высшим называют мошенником и сажают в тюрьмы, то за надувательство своих подданных правителям дают наименование спасителей отечества и миротворцев. Давая всякие обещания и посулы крестьянам, союз совершенно не рассчитывал исполнять их. Все дело было в том, чтобы затянуть подольше переговоры, пока не освободятся союзные войска, занятые войной с изгнанным союзом из своих владений герцогом Ульрихом Вюртембергским. «Приходится отложить расправу с крестьянами», писал баварский канцлер Экк во время ведения переговоров. «Если нам удастся покончить с герцогом, то по возвращении мы так отделаем мужичье, что они пожалеют, зачем затеяли дело». «Добрые люди благочести-

вого Эсслингенского правления вообразили, что мы на самом деле хотим уступить крестьянам», писал тот же канцлер в марте: «нет, этого чорта (т.-е. крестьянской непокорности) без палача не выгнать».

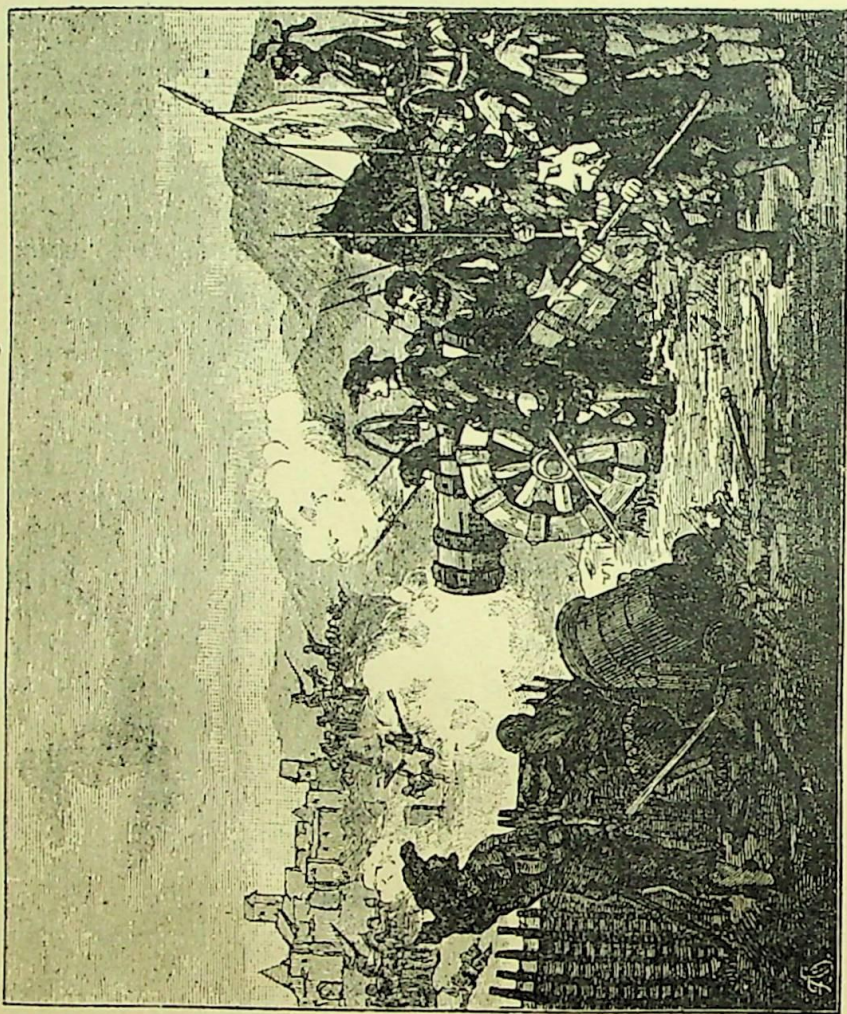
Итак, союзное правительство одну руку доброжелательно подавало крестьянам, а другой заготавливало плети и дыбу. К концу марта руки правительства оказались, наконец, развязаны: Ульрих был разбит и выгнан из страны. Теперь можно было заговорить с «мужичьем» иным тоном. Правительство потребовало от крестьян безусловной покорности, выдачи всех знамен и предводителей и контрибуции в 10 гульденов с каждого дома и в то же время распорядилось, чтобы главнокомандующий союзными войсками, маршал Георг Трухзес, немедленно выступил против крестьян. Правда, срок перемирия, заключенного с ними, еще не кончился,— но стоит ли благородным людям обращать внимание на такие мелочи!

Только узнав о военных приготовлениях союзного правительства, крестьяне поняли, что попались в ловушку и пропустили удобное время, когда союз был совершенно бессилен справиться с ними. Тем не менее, крестьяне решили сопротивляться. От Боденского озера до вершин Шварцвальда и до Дуная, по всему Альгею зазвонили церковные колокола. Один колокол будил другой, призывая крестьян к оружию. Со всех сторон потянулись люди к своим лагерям. Сперва был призван в войска каждый четвертый, а затем каждый третий человек. Зашумели, ожили лагеря, зашевелились, как громадные муравейники. «Мы поищем у барина вшей», грозили крестьяне словами одной народной песни того времени. Скоро дело показало, что это была не шутка, что крестьяне по-своему решили отплатить за вероломство господ: один за другим падали в развалинах крепкие монастыри, повсюду запылали суровые горные замки рыцарей, возвещая о наступившем дне мщения. При свете этих грозных факелов готовились крестьяне на кровавую борьбу.

Трухзес со своим войском направился на Бальтрингенский лагерь, где гордо развевался красный флаг.

Бальтрингенцы не были готовы к бою и отступили в горы. За невозможностью их преследовать, Трухзес напал на лейп-

геймское ополчение, напал с отчаянной храбростью, так как отлично знал, что у крестьян почти нет боевых припасов. Крестьяне были разбиты. Голова крестьянского предводителя священника Вез, а с ним и многих других начальников, пала под топором палача. На население была наложена столь

Сражение при Вурцахе.

тяжелая контрибуция, что опасались нового возмущения. Отсюда Трухзес двинулся против нижнеальгейского ополчения. Сражение произошло при Вурцахе. Крестьяне отступили, потеряв около 400 человек пленными. Эти пленные, повидимому, были все переколоты обозленными господами.

Хвастаясь столь доблестными деяниями, как избиение 400 безоружных людей, они в рассказах доводили эту цифру до 7.000 человек, чтобы еще более подчеркнуть свое изумительное военное мужество. Впоследствии им пришлось поплатиться за такую необузданность дворянского языка.

2. ЭЛЬЗАС, МАРКГРАФСТВО БАДЕНСКОЕ, ВЮРТЕМБЕРГ.

Пока, таким образом, маршал Трухзес праздновал свои блистательные победы над недисциплинированными, почти безоружными отрядами поселян, крестьянское движение развивалось вглубь и вширь. Весть о заключении всеобщего крестьянского братства, проникая дальше и дальше, всюду возбуждала сочувствие и готовность помочь начатому делу. Гонцы, посланные во все стороны из Меммингена, призывали население следовать примеру их альгейских братьев.

Из Шварцвальда и Брейсгау революция перешагнула на левый берег Рейна в Зундгау в верхнем Эльзасе. К началу мая ряд крестьянских лагерей тянется по Рейну вдоль всего Эльзаса и Пфальца, от Базеля почти до самого Майнца. Верхняя Лотарингия находилась также в брожении. «Повсюду раздавались неслыханные и необычайные крики дьявольских мужиков», рассказывает один очевидец, обладавший, повидимому, очень нежным слухом. Почти все города отворили свои ворота крестьянским отрядам; повстанцы чуть было не овладели даже большим и сильно укрепленным Страсбургом; курфюрст пфальцский и базельский магистрат во избежание худшего поспешили войти в соглашение со своими подданными.

Главной квартирой образовавшегося «Ясного ополчения из Эльзаса» сделался город Цаберн. Подобно альгейским крестьянам эльзасцы выработали свои собственные двенадцать тезисов, в которых излагались их требования. Эти тезисы отличались от альгейских большей определенностью и широтой. Помимо уничтожения крепостной зависимости и других пунктов, исполнение которых добивались и альгейские крестьяне, они требовали еще: полного уничтожения большой и малой десятины, права пользования для каждого всеми водами, лесами и дичью, устройства суда согласно древнему обычному праву, права смещать чиновников и замещать

их другими по собственному выбору и предоставления им права избирать себе государя по собственному желанию.

Матерн Фейербахер становится во главе Вюртембергского ополчения.

По правую сторону Рейна, к северу от Брейсгау, сильное движение началось в маркграфстве Баденском. Однако оно

скоро утихло, так как маркграфы баденские, и Филипп и Эрнст, заключили со своими крестьянами договор, приняв двенадцать тезисов.

Серьезнее обстояло дело в соседнем Вюртемберге. Волнения здесь наблюдались еще в декабре 1524 г., но австрийский эрцгерцог Фердинанд, который присвоил себе это герцогство после изгнания его настоящего повелителя, герцога Ульриха Вюртембергского, не выказывал ни малейшей склонности вступать в соглашение с подданными. На беду окруженный волнующимися крестьянами своих собственных наследственных владений, не имея ни средств ни войска, он принужден был сидеть в своем родовом замке в Тироле и не мог явиться на помощь Вюртембергским властям. «Я и прочие князья усердно молимся об отвращении от нас этой беды», сообщал он своему вюртембергскому правителю, требовавшему помощи; то же магическое средство он рекомендовал и ему: священникам и монахам было приказано творить особые молитвы о спасении святой церкви и властей, о даровании мира.

Очевидно, святые молитвы усердных молельщиков не помогали. За два месяца, март и апрель, вюртембергское ополчение, предводительствуемое бывшим содержателем гостиницы, осторожным Матерном Фейербахером, овладело почти всей страной. Большинство городов вошло с ними в союз; владельцы, не успевшие своевременно удрать, принуждены были последовать их примеру. 25 апреля крестьяне вступили в столицу государства Штуттгарт.

3. „ЯСНОЕ“ И „ЧЕРНОЕ“ ОПОЛЧЕНИЯ.

К северу и северо-востоку от Вюртемберга лежит Оденвальд и Франкония. Здесь, как и во многих других местах Германии, много лет действовало тайное общество. Почти во всех городах оно имело влиятельных членов. Теперь оно решило, что время пришло, и пора перейти к решительным действиям. Один из членов общества, содержатель гостиницы в Билленберге, недалеко от Краутгейма на Яхсте, Георг Мецлер, пользовавшийся большим доверием населения, первый поднял знамя крестьянского восстания—башмак,

насаженный на шест. Со всех сторон к нему стекались крестьяне «кучами, как пчелы». На берегах Яхста расположил он свой лагерь. К нему присоединился здесь неккарский отряд, составленный Яшкой Рорбахом, отчаянно смелым революционером, причинившим в свое время немало беспокойства своему господину викарию.

Сюда же привел свою «Черную шайку» и рыцарь из знатного дворянского рода Флориан Гейер (Коршун), один из немногих дворян, отдавших народному делу.

С берегов Яхста крестьянское войско, получившее название «Ясного (т.-е. всеобщего) ополчения», под главным начальством Георга Мецлера двинулось по направлению к Неккару. По дороге они заставили графов Гогенлоэ принять двенадцать тезисов. У бедных графов не было войска, чтобы ответить по-графски на справедливое требование крестьян, и им пришлось подписать ненавистные тезисы. «Их сиятельства, — говорит историк, — не знали, куда девать глаза со стыда».

Графы должны были убедиться, что поступили благо-разумно, уступив крестьянам (тем более, что свое согласие всегда можно взять обратно, раз снова почувствуешь свою силу): совсем недалеко от их владений разыгралось вскоре знаменитое кровавое Вейнсбергское дело.

Начальником гарнизона в Вейнсберге состоял граф Людовик фон-Гельфенштейн. «Ясное» ополчение находилось уже близко и требовало сдачи города; с незначительным гарнизоном, который имелся в распоряжении графа, трудно было противостоять шеститысячному крестьянскому войску. Тщетно он молил австрийское правительство; помощь не приходила. Тогда граф для проволочки времени завел переговоры с крестьянскими начальниками. Но, вопреки всем военным обычаям, он во время самых переговоров напал на передовые отряды крестьян, не ожидавших столь вероломного поступка от такого знатного господина. Действия графа возмутили все войско; тут же пришло известие об избиении Трухзесом 7.000 человек при Вурцахе. Взбешенные крестьяне бросились на приступ. «Черная женщина», крестьянка, из ненависти к господам и ради правды народного дела вступившая в ряды восставших, правая рука Яшки Рорбах, обходила войска, воодушевляя их на святую борьбу.

Напрасны были все усилия графа; враги находились не только за стенами города, но и внутри, среди осажденных; в большинстве городов крестьяне имели многочисленных союзников среди низших классов, угнетаемых магистратами.

Флориан Гейер.

Сочувствующие восстанию горожане не только не помогали обороняться, но всячески мешали укреплять город. Они громко требовали сдачи его. Флориан Гейер со своей «Черной шайкой» решил дело, заняв один из самых важных укрепленных пунктов. Город сдался. Граф со своими рыцарями не успел бежать. Крестьяне решили наказать вероломного начальника. Его с несколькими приближенными осудили на позорную казнь: их прогнали сквозь строй. Церквы,

монастыри, дома знатных горожан были отданы войску на разграбление.

Из Вейнсберга «Ясное» ополчение двинулось вниз по Неккару на Гейльброн. Отдельные отряды, рассылаемые по окрестностям, всюду уничтожали замки и монастыри. Злосчастным графам фон-Левенштейн пришлось не только вступить в союз с крестьянами, подобно графам Гогенлоэ, но их заставили следовать за «Ясным» ополчением в крестьянской одежде и с посохами в руках. Несмотря на все желание магистрата, Гейльброн не мог сопротивляться, так как община восстала и потребовала сдачи города. Пробыв несколько дней в Гейльбронне, ставшим с этого времени главной военной квартирой повстанцев, «Ясное» ополчение направилось к резиденции вюрцбургского епископа—Вюрцбургу, занимая без сопротивления все попутные города. Всюду повторялась одна и та же история: по мере приближения крестьянских войск городская беднота становилась все смелее и смелее и, наконец, переходя к открытому восстанию, захватывала власть в свои руки и открывала крестьянам ворота. Один замок за другим сдавались повстанцам, и свободные и имперские рыцари в полном вооружении присоединялись к войску. С более крупными владельцами заключались договоры. Даже могущественный курфюрст, архиепископ Майнцкий Альбрехт II, принужден был вступить в братство и принять 12 тезисов. Его наместник, преосвященный князь Вильгельм, епископ Страсбургский и ландрат Эльзасский, урожденный граф фон-Гоэнштейн присягал от имени архиепископа под 12 тезисами и скрепил договор печатями епископа и капитула.

Во время этого похода в организации «Ясного» ополчения произошли важные перемены. Стали брать верх более умеренные элементы. Главным начальником был выбран старый рубака, свирепый рыцарь Гец фон-Берлихинген, по прозвищу «Железная рука», хотя он согласился взять на себя начальство только под условием не нападать ни на один дворянский замок и изменить двенадцать тезисов. Яшка Рорбах и Флориан Гейер стояли за сохранение тезисов в полном их объеме и за уничтожение замков и всех дворянских привилегий; они полагали, что дело народной свободы только тогда станет твердо на ноги, когда не станет

ни бар ни мужиков, когда все будут равноправными гражданами своего отечества. Поэтому они отделились от «Ясного» ополчения: первый направился в Вюртемберг, а второй присоединился к франконской рати, о которой у нас пойдет речь ниже.

Двенадцать тезисов были изменены. Из них исключили пункты, требующие облегчения тяжелых поборов, уничтожения бесплатной работы на господ и возвращения несправедливо отобранных общинных земель; вместо них добавлены следующие пять пунктов: 1) никто не имеет права грабить без особого на то разрешения; 2) до имеющих совершиться государственных реформ подати и долги должны быть выплачены безо всяких отговорок; 3) все недвижимые имущества, принадлежащие светским и духовным властям, остаются неприкосновенными; 4) каждый должен подчиниться местному судопроизводству; 5) под страхом казни все обязаны повиноваться своим властям.

Вновь выработанные тезисы были приняты на совете крестьянских начальников. Принятие их объясняется желанием умеренных вожаков, вроде Вейганта и Гиплета, привлечь к делу восстания все местное рыцарство. Трудно было ожидать, чтобы масса дворянства примкнула к движению, которое стремится лишить их всех прав и преимуществ, какими они пользовались при старом порядке, а между тем превратить врагов в союзников представлялось крайне заманчивым. Дело казалось и не слишком трудным. Ненависть к духовенству и князьям одинаково испытывали и крестьяне и дворяне, и все разногласия сводились лишь к вопросу об отношениях между высшими и низшими условиями; стоило только несколько умерить в этом пункте крестьянские требования, уговорить дворян поступиться какими-нибудь пустяками, и узы дружбы и доверие свяжут сердца недавних врагов. Соглашатели одинаковы во все времена. Замазывая классовое противоречие, пристраиваясь между двух стульев, эти мягкотелые защитники интересов «всего народа» волею судеб везде и всюду становятся предателями народных масс.

Крестьянское войско далеко не было настроено так умеренно, как его начальники; недаром последние скрыли от него свои новые тезисы. Еще при избрании главнокомандую-

щим Геца раздавались голоса: «Мы ведем крестьянскую войну, какая нужда нам в дворянстве?» «На что нам Гец? Он не желает нам ничего хорошего». Теперь, когда до войск случайно дошла весть о постановлении военного совета, крестьяне чуть не разорвали Геца. Но дело как-то удалось уладить, ополчение продолжало поход, и 7 мая оно расположилось под стенами Вюрцбурга. Вечером того же дня туда прибыла и великая франконская рать, передовой отряд которой, под начальством Флориана Гейера, подступил к городу еще за сутки раньше.

Франконская рать, или, как она еще называла себя, «Черное ополчение» (в противоположность «Ясному»), образовалась в верховьях Таубера, в окрестностях Ротенбурга. К ней впоследствии примкнул и вышедший из-под Галля на Неккаре победоносный Гайльдорфский отряд, взявший штурмом грозный имперский замок Гогенштауфен. Старая королевская крепость со своими стенами, толщиной в сажень, расположенная на вершине высокой горы, казалась неприступной. Но гайльдорфцы неожиданным ночным нападением овладели ею, и скоро огненный столб, видный на много десятков верст, возвестил населению о падении этой вековой твердыни насилия и гнета; много веков противостоявшая нападениям закованных в сталь иноземных рыцарей и князей, она пала от одного прикосновения тяжелого крестьянского башмака.

Недаром прямодушный Флориан Гейер перешел на сторону франконского войска. Здесь совсем не было той умеренности и снисходительности к «городским слабостям», какая замечалась среди начальников «Ясного» ополчения. Цели восстания были точны и определены; черные ополченцы требовали свободной проповеди чистого, неискаженного попами евангелия, уничтожения всех десятин, оброков господ, уничтожения всех укреплений—замков и монастырей, одни права и один закон для всех, благородных и неблагородных, духовных и светских лиц, отобрание имущества у владельцев, враждебных крестьянскому братству.

И франконцы строго держались своих постановлений. Повсюду они отбирали у крестьян клятву не исполнять никаких обязательств и повинностей, не платить податей господам; 292 замка и 52 монастыря, всего, стало быть, 344 «вредных места» были сожжены и обращены в развалины. Иму-

щество духовенства как в деревнях, так и в городах, переходивших по большей части на сторону крестьян, было разграблено; богатые винные погреба опустошены. Смирные монахи особенно славились умением покутить, и их погреба представляли целые сокровищницы для чревоугодников. Крестьяне доказали теперь, что и они умеют пить «благородные» напитки. После их посещений мало что оставалось для святых отцов. Не этим ли объясняется особенная горечь и негодование против «разнузданной черни» в писаниях иных из современников движения?

Ко франконскому войску также присоединялись дворяне с оружием и припасами, но это были люди, подобные Флориану Гейеру, заявлявшему, что в городских домах, как и в крестьянских, не должно быть больше одной двери, и никаких укреплений; эти рыцари сами помогали уничтожать свои замки.

Когда крестьянские войска подошли к Вюрцбургу, город с радостью передался на сторону крестьян. Епископ-князь благополучно успел удрать в Гейдельберг, а оставшийся верным ему гарнизон под начальством маркграфа Фридриха Бранденбургского заперся в замке Фрауенберг, расположенном близ Вюрцбурга. Крестьяне вместе с горожанами повели осаду крепости.

4. ТОМАС МЮНЦЕР И ВОССТАНИЕ В ТЮРИНГИИ.

К северу от гористой и плодородной Франконии лежит печальная Тюрингия со своей скудной песчаной почвой и смирным, непривычным обращаться с оружием населением. Здесь действовал Томас Мюнцер, самая замечательная личность всего движения.

Крестьянский сын, он, благодаря способностям, достиг степени доктора богословия, и перед ним открылась сокровищница тогдашнего знания. Он рано начал тяготиться несправедливостями и порочностью окружающей жизни. «Священное писание», по условиям того времени, было чуть ли не единственным источником умственной пищи, и в нем Мюнцер надеялся найти ответы на мучившие его вопросы. Он скоро понял, что господствующая католическая церковь, пышная, властолюбивая и порочная, удалилась от величе-

ственной простоты первохристианского учения, что милосердие и любовь, проповедуемые евангелием, уступили место погоне за наживой и властью, что религия превращалась в языческое поклонение бессмысленным нелепым обрядам, единственная цель которых, путем застрашиваний и угроз, держать запуганных верующих в повиновении и выманивать у них копейки и рубли за свое лицемерное заступничество перед «грозным судьей».

Но Томас Мюнцер был не из тех людей, что, сидя за печкой, льют крокодиловы слезы о печалях мира. Он был прежде всего человеком дела. Истина была важна для него не сама по себе, а тем, что он при помощи ее мог помочь своим страждущим братьям. Он обладал живой душой, страдающей и радующейся вместе с обездоленными и угнетенными. Еще в 1513 году, будучи всего двадцати лет от роду, он пытался основать тайное общество борьбы против дикой грубости нравов католического духовенства, против господствовавших в его среде безграничной алчности и бесстыдного разврата. Посвящение в сан священника открыло перед Мюнцером более широкое поле деятельности. Теперь с церковной кафедры он мог своим живым пламенным словом пробуждать сердца к лучшей жизни и клеймить порок. Его первые проповеди обратили на себя общее внимание. Скоро он примкнул к движению, объявившему войну католическому идолопоклонству.

Движение, направленное против обрядов, затрагивало лишь внешнюю сторону дела. Правдивый и искренний ум Мюнцера не мог остановиться на этом. Он старался проникнуть в самый дух христианского учения, старался очистить зерно истины от позднейших умышленных и неумышленных искажений. Он увидел, что не только духовенство, но вся жизнь так называемых христианских народов разошлась с заповедями основателя их религии.

Мюнцер тщательно изучал писание и был хорошим знатоком его, даже по признанию его врагов, для которых не было бы большего удовольствия, как выставить его невеждой. Больше всех полюбил Томас творение ветхозаветного пророка Иеремии; гневный и бичующий язык этого истрадавшегося о доле своего народа беспокойного сердца был сродни пылкой душе юноши. Он и сам выступал, как божий

воин, против высокомерия и своеволия власть имущих и рабской покорности бедняков, и в свои проповеди он умел вложить огонь высокого вдохновения.

В 1520—21 годах Мюнцер основался в Цвикау; сперва он выступал проповедником в церкви св. Марии, потом перешел в церковь св. Екатерины, посещаемой, главным об-

Томас Мюнцер.

разом, ткацкими подмастерьями. Пока Мюнцер громил одних попов, этих «жирных свиней» и «жрецов Вааловых», отцы города посмеивались себе в бороду и не без удовольствия. Но скоро перед лицом жадно слушающей бедноты полилась пламенная речь против богачей и их господства. Городская знать всполошилась; молодой проповедник оказывался не особенно удобным. Воспользовавшись первым подходящим случаем, именно бунтом ткачей, возникшим помимо Мюнцера, хотя, может, и под влиянием его проповедей, город изгнал беспокойного священника вместе с его приверженцами.

Мюнцер отправился в столицу Чехии—Прагу, рассчитывая оживить воинственный пыл славянского населения, сто лет назад победоносно защищавшего свою свободу против целой Европы. Но суровый дух Ивана Жижки, талантливого предводителя чешских крестьян, давно уже был забыт на родине; от стоившей столько крови свободы не осталось и осколков. Мюнцер оказался здесь также не ко двору и был выгнан из страны. Тогда он отправился в Альштет, в Саксонии.

Сперва и здесь он занимался, главным образом, преобразованием (реформой) католической церковной службы. Тогда он еще надеялся привлечь к этому делу князей и посылал к ним красноречивые послания. Этот трус, по уверениям его врагов, не побоялся явиться один в замок к саксонским князьям Фридриху и Иоанну и грозить им, что в случае отказа принять участие в очищении веры, меч отнимется у них. Но князья оставались глухими к его словам: у них имелся под руками более покладистый реформатор—Лютер.

Теперь все свои надежды и упования Томас возложил на народ, на ту «презренную чернь», которая так жадно внимала его горячим речам, которая чувствовала евангельскую правду глубже и искреннее, чем пресыщенные сердца лицемерных правителей. Мюнцер основывает в Альштете тайное общество, цель которого уже не только восстановление чистого евангельского служения, но и евангельская жизнь. Не должно быть ни господ, ни рабов, ни богатых, ни бедных,—все должно стать общим, как у первых христиан.

Но у власти никогда нет недостатка в «истинных и верных подданных». Так и теперь нашелся достойный муж, предатель Николай Рукгерт, который донес на Мюнцера саксонским князьям. Как бы то ни было, а нашему проповеднику пришлось бежать из Альштета.

В соседнем имперском городе Мюльгаузене нашел он себе временное пристанище. Здесь тогда вел борьбу с аристократическим магистратом бывший монах Генрих Пфейфер. Он поднял против магистрата не участвующие в управлении городом состоятельные классы и цехи. В этой борьбе его поддерживал тот самый герцог Иоанн саксонский, который выгнал Мюнцера из Альштета. Дело в том, что гер-

цог мечтал завладеть богатым имперским городом, и всякие раздоры среди городского населения были ему на-руку. Ради «высших» политических соображений князь охотно становятся революционерами.

Прибывший Мюнцер привлек к движению городскую чернь и крестьян. Но это уже совсем не понравилось зажиточным классам. Вчерашние революционеры соединились со старым магистратом и изгнали из города обоих проповедников. Напрасно герцог Иоанн употреблял все средства своего высокого заступничества, чтобы вновь возвратить в Мюльгаузен милого его сердцу Пфейфера; впоследствии, когда город уже потерял свою самостоятельность, герцог обезглавил Пфейфера, как бунтовщика.

Отряхнув прах неблагоприятного города, Мюнцер направил свои стопы в южную Германию, где уже начиналось восстание. Там, близ швейцарской границы, он в продолжение всей зимы поучал народ, или, употребляя выражение прихвостней правительства, «сеял отравленное семя бунта».

Теперь, чувствуя, что пришло время деятельности, Мюнцер нашел лишним таиться со своими планами и заговорил открытым революционным языком. Речи свои, он, по обычаю всех проповедников того времени, обильно пересыпал выдержками из ветхозаветных пророков. «Целая община имеет власть поднять меч», пишет он в изданной в Нюрнберге брошюре: «князя не владыки, а слуги меча; они должны делать не так, как им хочется, но поступать по справедливости. Поэтому по старому, хорошему обычаю народ должен присутствовать, когда кого-либо судят... чтобы присутствующие христиане могли не допустить выполнения неправильного приговора, если бы власти захотели поставить таковой. Самое ужасное на земле, что никто не хочет помочь несчастной бедноте, сильные делают, что хотят... Посмотрите! главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки и князья. Они присвоили себе в собственность все живущее. Рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле—все принадлежит им. А потом они распространяют среди бедных заповедь господню и говорят: бог сказал: «не укради»; но сами не следуют этому. Таким образом они притесняют всех людей, они грабят всех живущих, бедных земледельцев и ремесленников. Но когда

человек возьмет самую ничтожную вещь, его вешают за это, а «доктор Враль» (Лютер) приговаривает при этом: аминь. Эти господа сами восстанавливают против себя бедных людей, они не хотят устранить причину возмущения, и поэтому продолжительное спокойствие невозможно. За эти слова меня называют бунтовщиком, и пусть».

Вести об общем возбуждении крестьян по всей Германии заставили нашего беспокойного агитатора поспешить в Тюрингию, чтобы докончить дело, начатое в предыдущие годы. 12 марта 1525 года мы уже снова находим его в Мюльгаузене. 18 марта, вместе с Пфейфером, ему удалось с помощью восставших предместий овладеть городом. Здесь устроил Мюнцер свою квартиру, готовясь к восстанию, отливая пушки и ядра, поддерживая самые оживленные сношения с Франконией и Швабией. Теперь уже не гневное слово божие, а гром орудий должен был потрясти сердца правителей, поддержать народное дело. Отсюда рассылал Мюнцер по окрестностям свои послания, призывая население на защиту слова божия и прав бедняков. «Беритесь за дело и выходите на борьбу. Время настало. Крестьяне Клейгау, Генау и Шварцвальда восстали в числе 30.000, и рать их прибывает с каждым днем. Я боюсь только, чтобы глупых людей не увлекли фальшивыми договорами, в которых они не разглядят злого умысла. Если вас будет хоть трое, твердо верующих в бога, вы не побоитесь и сотни тысяч человек. Итак, за дело, за дело! Пора, злодеи струсил, как псы. Не поддавайтесь, если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут молить вас и плакать перед вами, как дети, но не жалеете их. Сам бог приказал так через Моисея. Возбуждайте села и города, в особенности же горцев. За дело, за дело! Железо горячо, куйте его! Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови. Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда вами управляют». Из Мюльгаузена расходились по стране посланные Мюнцера, переодетые рудокопами; их видели в Ашенберге, в Мариенберге, в Цвикау, в шахтах и коях Рудных гор.

Как и всюду, движение в Тюрингии началось ранней весной. Опираясь на Мюльгаузен, оно широко разлилось по

всей стране, проникло в Гессен и Саксонию. Восстание охватило почти весь бассейн реки Заале, Фульды и Верры. Фульда, Фох, Геринген, Зальцунген и целый ряд других городов оказались в руках повстанцев. Город Ариштадт на Гере отнял у своих графов Гютнера XXXIX и его сына Генриха XXXVII все доходы. Шварцбургские крестьяне сами утвердили новые права и обязанности своих графов! Такого горя верно не испытывал еще ни один из 74-х Гютнеров и Генрихов, благополучно царствовавших предшественников наших злосчастных властителей. Скоро и столица Тюрингии—крупный торговый город Эрфурт—отворил ворота крестьянам. Отсюда восстание проникло дальше в Саксонию. В Роде и Лобде собралось около 3.000 человек, столько же в Нейштадте и Пезинке, в Заальфельде 2.000, около Гера и Ронненберга 4.000, около Плауэна 8.000. Они разорили почти все замки кавалеров, графов и дворян курфюрста саксонского, принудили их принять 12 пунктов и вступить в крестьянский союз. А там на юго-востоке поднялись и рудокопы Рудных гор. Их отряды доходили до Плауэна и Цвикау. На севере в Лейпциге тоже было неспокойно.

5. НАРОДНАЯ КАНЦЕЛЯРИЯ В ГЕЙЛЬБРОННЕ.

Революция охватила громадное пространство. Вся Швабия, Франкония и Тюрингия, Эльзас и Рейнский Пфальц были в открытом восстании. Пламя восстания перешло и за южную границу. Смирнейший клятвопреступник, архиепископ зальцбургский, кардинал Ланг, нарушивший торжественную присягу, данную своим подданным, был осажден последними в собственном замке. Его правая рука в деле насилий над населением, советник Гольд, был арестован возмущившимися гражданами; ему пришлось на себе испытать всю прелесть пытки, которую он не раз применял к попавшимся в его крепкие руки дорогим, но заблудшим подданным. Впрочем, этот ловкий государственный человек скоро выпутался из беды: он стал помогать повстанцам в их борьбе с архиепископом своими советами так же добросовестно, как раньше помогал своему господину угнетать народ. В австрийских землях тоже было далеко не благополучно. Волновалась Штирия и Каринтия. Самому эрцгер-

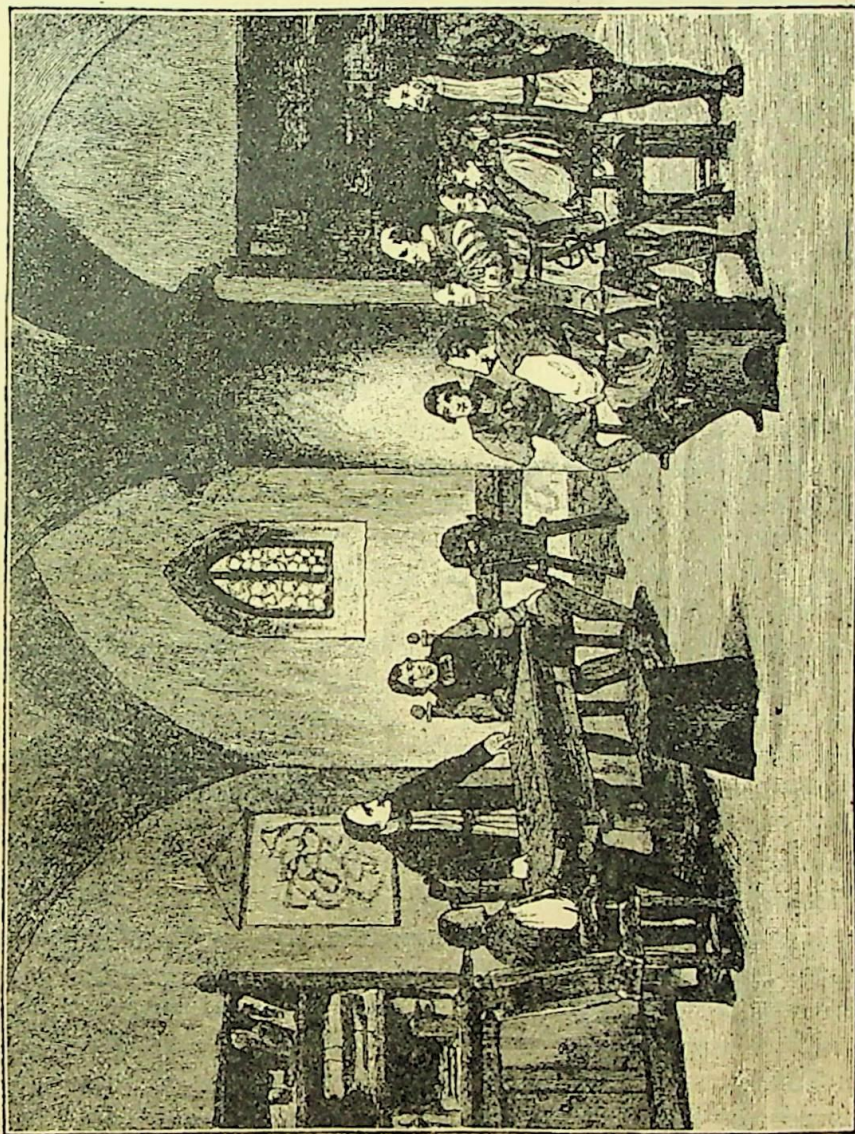
цогу Фердинанду пришлось отсиживаться в родовом замке Инсбруке. Его «горячо любимые» тирольцы стояли с распущенными знаменами чуть не под самым замком, несмотря на широкие и доброжелательнейшие обещания припертого к стене князя. Он спешил удовлетворить многие требования крестьян и созвать собрания из выборных страны (сеймы) для успокоения населения. О «железных розгах» он говорил пока только в своей частной переписке. Впрочем, он не без удовольствия глядел, как падали один за другим рыцарские замки: с падением гордого, могущественного дворянства он оставался один полновластным деспотом над своим народом, что является не только утешением для княжеской души, но приносит немалое удовольствие и княжескому карману в виде всевозможных податей и налогов, взимаемых согласно мудрому изречению: своя рука владыка.

Волнения на севере Германии также понемногу начали усиливаться. Движение замечалось почти во всех городах по Рейну, от истоков до устья. Архиепископу кельнскому пришлось пойти на уступки; в смертельном страхе пребывали магистраты городов Базеля, Страсбурга, Везеля, Кобленца, Дюссельдорфа, Клева. Трир и Франкфурт тоже находились в тревожном настроении.

Столь победоносное шествие революции заставило вождей движения подумать о будущем. Они решили озаботиться подготовкой проектов государственных реформ, чтобы победа не захватила их врасплох; закрепить и упрочить дело восстания можно было только выступив перед революционным народом с планом преобразований, который удовлетворил бы по крайней мере большинство населения.

Ко всем швабским, франконским и эльзасским отрядам были разсланы приглашения послать к 9 мая в Гейльбронн выборных для «обсуждения всеобщей государственной реформы». Представителя «Ясного» ополчения Вендель Гипнер и его советники Петр Лохер и Ганс Шикнер уже находились там. Поджидая остальных уполномоченных, они занялись составлением проекта предполагаемого переустройства; собранию оставалось бы, таким образом, только обсудить его, изменив и дополнив согласно желанию большинства. Проект этот включает в себе четырнадцать параграфов; мы приведем из него наиболее существенное.

Все имения отбираются у духовенства, и оно содержится на общественный счет. Все светские владельцы ставятся в такие условия, при которых они не могли бы отнимать у

Заседание уполномоченных в Гейльбронге.

простого человека его христианской свободы. Труд должен быть оплачиваем. В государстве учреждаются свободные суды с членами, выбранными от всех сословий, но с таким

расчетом, чтобы у крестьян всегда было лишних два голоса против других сословий. Никакой доктор римского права не должен быть допущен в суд или в княжеский совет; никто из духовных лиц не имеет права занимать светских должностей. Все дороги объявляются свободными и все заставные пошлины отменяются. Все поборы и налоги прекращаются, исключая необходимых на нужды общины и налога в пользу императора, взимаемого раз в десять лет. Единство монеты, меры и веса для всей Германии. Ограничение процента, взимаемого банкирскими домами. Отмена всяких союзов князей, владетелей и городов: везде только защита и закон императора.

6. ПОРАЖЕНИЕ.

Уполномоченные не успели собраться в Гейльбронне. Дело крестьян уже было проиграно. Народная свобода требует громадных жертв, и одной крестьянской крови для нее, очевидно, было мало. Должны были пройти еще века рабского гнета, кровавого насилия и произвола, чтобы народился в городах новый класс, который вынес дело народной свободы на своих плечах.

Мы оставили Трухзеса после Вурцахской победы, гром которой так печально отозвался в Вейнсберге. Насладившись в достаточной мере победой в виде грабежа беззащитных деревень, наш великий полководец двинулся по направлению к Боденскому озеру. Здесь при Вейнгартенди стоял Эйтель-Ганс с своим приозерным отрядом и остатками нижнеальгейского, всего в числе около 15.000 человек.

Грозный победитель не ожидал встретить такие силы и струсил. Первый пробный день сражения кончился не в пользу Трухзеса. Эйтель-Ганс оказался превосходным полководцем, а приозерные крестьяне считались лучшими воинами Германии; многие из них служили не раз в императорских войсках. Но если крестьяне превосходили главнокомандующего союзного правительства в военных познаниях и храбрости, то в низости и вероломстве они не способны были его превзойти; в этом Трухзес был совершенно уверен. И не ошибся. Он прибег к обычному приему: завязал с крестьянами переговоры, разыграл из себя отца, желающего спра-

ведливо и мирным путем разрешить все крестьянские недовольствия, а кстати пригрозил выжечь все окрестные села. Опасения Мюнцера оправдались. Крестьяне, как всегда, попались на удочку. Они не сообразили, что неистово свирепствовавший под Лейпгеймом и Вурцахом военачальник не стал бы с ними долго разговаривать, если бы только чувствовал свою силу. Так еще было сильно у них доверие к благородному дворянскому слову, так слабо понимание общности дела всего крестьянства.

Сперва Трухзес требовал от непослушных выдачи всего оружия и знамен. Но весть о приближении с тыла верхнеальгейского крестьянского отряда в 8.000 и гегауского в 4.000 сразу сделала его снисходительнее. Он удовольствовался теперь только несколькими знаменами, которые и разорвал перед лицом крестьянских начальников. 17 апреля был заключен договор, по которому недовольствия каждой общины против ее господина решались впредь третейским судом шести беспристрастных городов. Союз крестьянский должен быть распущен, и все отнятое возвращено владельцам. Все происшедшее предается забвению. Подошедшим вскоре верхнеальгейцам не оставалось ничего другого, как последовать примеру приозерных крестьян.

Трухзес был в руках крестьян, а вместе с ним и весь Швабский союз, так как у последнего не имелось больше войска. Победа крестьян могла бы иметь важные последствия для движения. Но Трухзесу удалось одурачить их. Впоследствии крестьянам пришлось убедиться, как исполняют правительства свои обещания, и как они предают все забвению. Но тогда было уж слишком поздно.

Покончив так удачно с самым сильным и организованным крестьянским войском, Трухзес направился в Вюртемберг, рассчитывая по одиночке разбить все остальные крестьянские отряды. Счастье и тут благоприятствовало ему. Шварцвальдцы, завладевшие к тому времени почти всей своей областью¹⁾, и шедшие на соединение с вюртембергцами, рассорились с последними и повернули назад в свои горы. Дело в том, что вюртембергские начальники соглашались принять в союз своего изгнанного герцога Ульриха и

1) Столица ее Фрейбург сдалась позже 17 мая.

помочь ему снова вскарабкаться на утлый трон; они соглашались даже поручить ему главное командование всем войском. Но предводитель шварцвальдского войска Ганс Мюллер не соглашался на это. Видимо, он понимал опального деспота лучше, чем сами его подданные, которых последний за время своего расточительного царствования, всего десять лет назад, довел до открытого восстания. Правда, герцог в своих воззваниях подписывался «крестьянин Унц», вступил в христианское братство, принял 12 тезисов, и дал присягу в геганском лагере; но все это ведь легче сделать, чем даже фальшивый паспорт. Своим приближенным он заявлял с достойной правителя наглостью: «Не все ли равно, как войти в свое герцогство—рыцарскими сапогами или крестьянскими башмаками».

Трухзес нашел вюртембергское ополчение у небольшого городка Герренбер, только что взятого крестьянами после жестокого приступа. При приближении союзных войск ополчение отступило к Беблингену, находившемуся в союзе с братством. Союзные войска значительно превосходили и числом и организацией нестройные крестьянские полчища. У последних почти не было конницы, игравшей при тогдашних способах вооружения весьма значительную роль; в числе орудий они тоже уступали союзникам. Однако Трухзес не торопился с началом сражения. Во-первых, его задерживали собственные ландскнехты и милиционеры союзных городов, которые очень неохотно сражались против крестьян и нередко устраивали бунты ¹⁾, а во-вторых, наш храбрец для большей полноты победы решил испробовать и здесь свою политику. Он завел переговоры, стараясь вселить раз-

¹⁾ Князя жаловались, что свои письма они могут пересылать только через самых доверенных лиц, «чтобы никто не узнал, как мало мы полагаемся на наших пехотинцев». Впрочем, при помощи подарков и угощений уговорить ландскнехтов удавалось обыкновенно довольно легко. Набираемые из разных концов империи, они ничем не были связаны с местным населением, против которого их вели; они были слишком малосознательны, чтобы видеть в нем представителя того самого народа, сынами которого являлись сами; они неспособны были проникнуться ясным сознанием общности интересов всей крестьянской массы и привыкли смотреть на жителей не своей деревни и округа, как на чужеземцев. Современные буржуазные правительства также высылают новобранцев подальше от их родных мест.

дор между разными партиями в крестьянском войске, и потратил немало денег на излюбленное правителями средство — подкуп. Последнее ему удалось: около трех рот оставило крестьянский лагерь; в крестьянском войске поднялись немалые раздоры. Одни хотели согласиться на предложение Трухзеса созвать всеобщий сейм для решения недоразумений, другие, более дальновидные, понимали истинную цену миролюбия врагов и потому восставали против всякого соглашения с ними.

После долгих распрей войско решило, наконец, созвать 12 мая общую сходку и окончательно вырешить дело. Но не успели крестьяне еще собраться, как загрохотали неприятельские орудия. Таким вероломным нападением на доверчивых крестьян знаменитый полководец рассчитывал одержать новую блистательную победу. Но не тут-то было. Крестьяне успели построиться в боевой порядок и, опираясь на Беблинген, встретили врага достойным образом. Трухзесу пришлось так неважно, что часть его войск стала уже отступать. Понадобилась еще измена, чтобы доставить торжество святому делу союзного правительства. Достойную роль изменников сыграл беблингенский магистрат, аристократическому сердцу которого вовсе не по душе было господство простого народа. Один из членов магистрата открыл ворота Трухзесу. С этого момента исход битвы был решен. Крестьяне были разбиты наголову. Целый день продолжалось преследование бегущих. В плен не брали; удар пика решал дело скорее и проще, а карманы сраженного давали награду победителю.

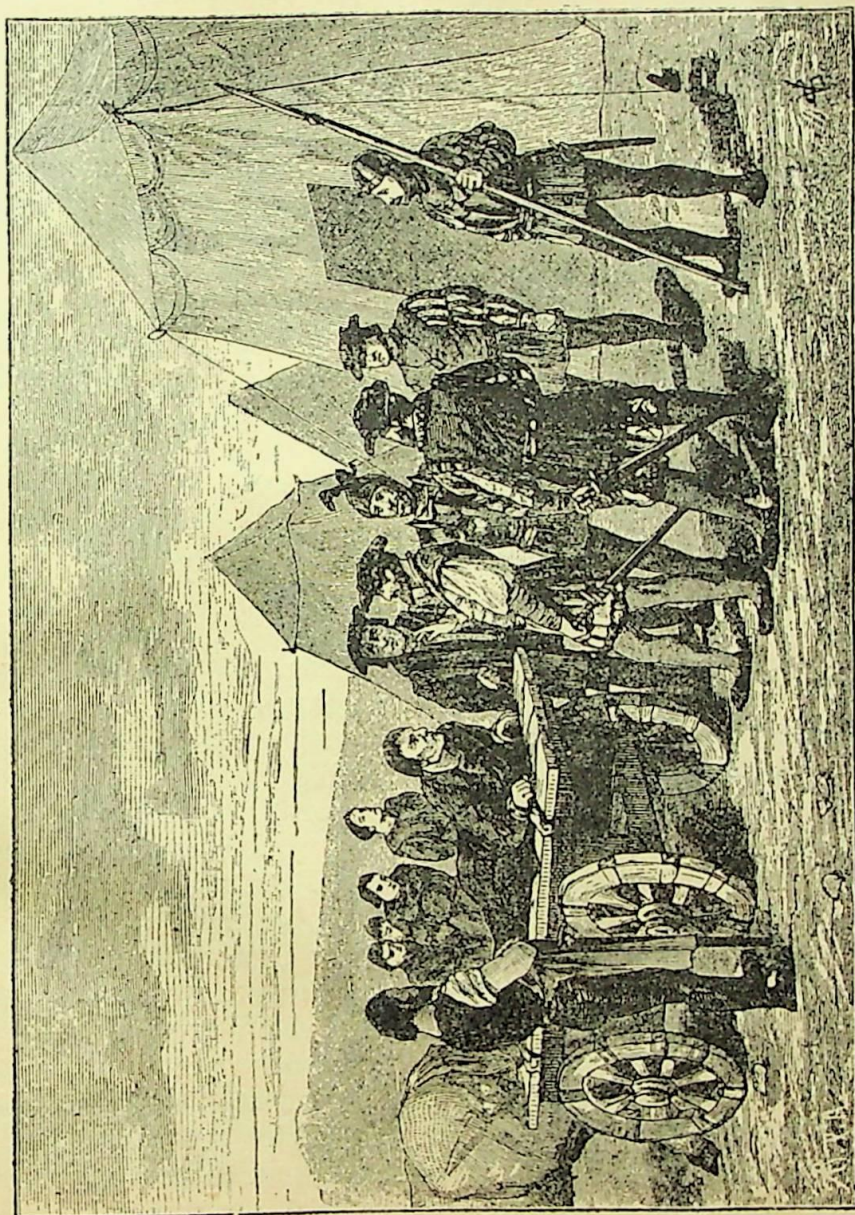
Всего на три дня позднее разгрома вюртембергской рати та же участь постигла и Томаса Мюнцера. Главным действующим лицом в деле подавления восстания в Тюрингии был ландграф гессенский Филипп. Прежде всего ландграф двинулся против крестьянского отряда, занявшего Фульду, и без труда разбил его. Все начальники подверглись казни. Отсюда он направился к Мюльгаузену, легко овладевая по дороге одним городом за другим и разбивая по одиночке мелкие крестьянские отряды, которые больше думали о своих собственных делах, занимались разрушением замков и монастырей вместо того, чтобы позаботиться об объединении своих сил против общего врага. Обойдя пока Мюльгаузен, ландграф, соединившись с герцогами брауншвейгским и са-

ксонским, повел свой девятитысячный отряд, снабженный прекрасной артиллерией и конницей, к Франкенгаузену, где расположился Мюнцер.

Мюнцер собственно против воли выступил в поход. Несмотря на всю горячность своей натуры, он был расчетливым политиком, умеющим взвешивать обстоятельства. Он отлично видел, что дело еще недостаточно подготовлено, что сил еще мало; но нетерпеливые товарищи заставили его оставить Мюльгаузен и открыть военные действия. Вынужденный приступить к выполнению своих планов, Мюнцер принялся за это со всем пылом и энергией, свойственной ему. Во все концы разослал он воззвания, побуждая окрестное население спешить в ряды его войск. Он писал угрожающие письма владельцам, требуя присоединения к братству. Язык этих писем неподражаем. Вот выдержка из его послания графу Альбрехту Мансфельдскому, уже в продолжение многих дней водившему за нос своих подданных лживыми обещаниями: «Страх и трепет да охватит всякого, кто делает зло; мне жаль, что ты так сильно злоупотребляешь посланием Павла. Ты хочешь оправдать этим злодейство властей, подобно тому, как папа превратил Петра и Павла в палачей. Разве ты думаешь, что бог не может поднять свой неразумный народ, дабы «свергнуть во гневе тирана»? Разве твоя лютеранская и виттенбергская размазня (Мартин Лютер) не научили тебя, о чем пророчествует Езекииль в 37 гл.? Не раскусил ты разве, водя компанию с Мартином, что тот же самый пророк говорит в 39 гл., что бог требует от всех птиц поднебесных, чтобы они клевали мясо князей, и от всех неразумных зверей, чтобы они пили кровь богачей, как сказано в Апокалипсисе 18 и 19? Неужели ты думаешь, что вы, тираны, ближе к богу, чем его народ?» В заключение он приказывает графу явиться к нему в лагерь и в случае непослушания обещает, что «мы не посмотрим на твою глупую, кривую рожу». Нужно признаться, мало кому из князей приходилось получать такие любезные приглашения. Все же ни Альбрехт ни его брат не сообразовали ошастливать своим высоким присутствием лагерь грозного проповедника. Зато крестьяне стекались со всех сторон.

15 мая оба неприятельских войска стояли друг против друга в виду Франкенгаузена. Мюнцер не успел собрать

достаточно сил; при нем находилось не более 8.000 плохо вооруженных поселян, совершенно неопытных в военном

Последняя речь Мюнцера.

деле. Ни Эрфурт ни Мюльгаузен не прислали ему ни одного солдата из своего гарнизона.

Ландграф разыграл свою игру, как по-писанному; сначала завел переговоры с крестьянами, и в то время, как крестьяне судили и рядили о его предложениях, неожиданно окружил их лагерь и открыл огонь из всех орудий. Мюнцер сделал все, что мог. Своим огненным словом он старался поднять дух в войске; превосходству военной подготовки и оружия у противника он хотел противопоставить превосходство мужества и воодушевления. Но при первом же натиске врага нестройные крестьянские массы были сломлены и обратились в беспорядочное бегство. Тут уже началась настоящая бойня. Несчастных беглецов давили и кололи сотнями. Было перебито 5.000 человек (из 8.000)! Но князьям мало было этой крови; они заставили еще казнить 300 человек пленных. Женам, пришедшим просить за своих мужей, предложили, как плату за помилование, убить палками захваченных в крестьянском лагере священников. Несчастные, вне себя от отчаяния, исполнили это ужасное по своему зверству дело. Но они не спасли своих мужей даже такой кровавой жертвой: князья еще не насытились мужицкою кровью.

Мюнцер также попал в руки врагов. Его подвергли мучительнейшим пыткам. Сперва его пытал палач ландграфа в присутствии своего господина, с наслаждением следившего за страданиями ненавистного проповедника. Затем, утоливши свое мстительное сердце, он подарил своего пленника графу Эрнсту Мансфельдскому, который в свое время тоже получил любезное приглашение, на манер вышеприведенного. Теперь граф не остался в долгу. Но даже ужаснейшие пытки не вырвали у несчастного ни одного важного признания; он не выдал никого из своих сообщников и смело заявил, что поступал хорошо, желая наказать князей. Одинокий и беспомощный, проклинаемый дворянством, на плахе сложил он свою горячую голову, столько думавшую о нужде и страданиях своего народа. Грязная, злая клевета врагов хотела покрыть позором и самое имя страдальца, но в сердце народа долго жило воспоминание о его мученике, и чем чернее была клевета, тем чище будет вставать благородный облик в памяти потомков.

Миюльгаузену пришлось раскаяться в своей измене делу движения. Несмотря на данное ему помилование, князья,

вступив в город, казнили около 60 граждан, восстановили старый магистрат и лишили город прежней самостоятельности.

Мюльгаузенские женщины просят пощады.

В то время, как ландграф Гессенский расправлялся с тюрингцами, грозный победитель при Беблингене шел

к Вюрцбургу, грабя и разоряя окрестные деревни, всюду оставляя за собой слезы и стоны. По дороге к нему присоединился пфальцграф Людовик, состоявший в мирном договоре со своими крестьянами и поспешивший нарушить его, как только минула опасность.

Прежде всего Трухзес, «пылая благородной мезтью», зашел наказать «вероломный» Вейнсберг. Крестьянские отряды находились далеко, город был совершенно беззащитен, в нем оставались почти одни только старики, женщины и дети. Такие бунтовщики, очевидно, не представляли большой опасности. Он распорядился выгнать все население из города и поджечь последний. Имущество и скот должны были оставаться там. И вот город запылал. Плач детей и женщин, терявших все свое достояние, рев жарившегося живьем скота дополняли отрадную для великодушного полководца картину. После пожарища осталось всего десять домов. Это место навсегда останется пустыней, обещал Трухзес дворянам. Теперь дворяне, погибшие в Вейнсберге от «гнусной» мужицкой руки, могли лежать спокойно в своих могилах.

На сожжение обрек Трухзес и Балленберг за его великое преступление: в нем находилась гостиница, принадлежавшая главному крестьянскому начальнику Георгу Мецлеру. Но заступничество рыцаря Фовена Гуттена, впрочем, больше в интересах епископа Майнцкого, которому принадлежал этот городок, спасло последний от печальной участи его сотоварища.

Тем временем «Ясное» ополчение, бросив безуспешную осаду Фрауэнберга, выступило из Вюрцбурга. Но это уже было не прежнее войско. Храбрость крестьян падала все ниже и ниже с каждой новой удачей союзников. Ряды их таяли с каждым днем: «божьи воины» массами разбегались по домам. Еще в большее смятение пришло войско, когда оказалось, что и их главнокомандующий, бесстрашный рыцарь Берлихенген, «Железная рука», позорно дал тягу. К моменту встречи с союзниками при Кенисгофене на Таубере «Ясное» ополчение насчитывало в своих рядах едва 8.000 ратников, тогда как у неприятеля было не менее 15.000 солдат, отличная конница и громадные пушки, наводившие страх на крестьян.

Тем не менее, Вендель Гиплер и Мецлер, насколько могли, укрепились на горе, надеясь отсидеться здесь до прихода франконцев и Флориана Гейера, вышедших вслед за ними из Вюрцбурга. Но им не пришлось дожидаться помощи. Несколько раз удачно отразив нападения, крестьяне, в конце концов, не выдержали натиска неприятельской конницы, поддержанной изменой крестьянских канониров, и обратились в бегство. Это бегство обезумевших от страха крестьян, как и всегда, стоило им несравненно больше жертв, чем мужественная защита. Перебито было около 3.000 беглецов. Многие прятались среди трупов своих товарищей, но их отыскивали и закалывали без всякой пощады; таким образом было перебито 500 человек.

Та же участь постигла и франконское войско, состоявшее всего из 4.000 человек и шедшее на соединение с «Ясным» ополчением. Только Флориан Гейер не потерял присутствия духа и с остатками своей «Черной шайки», в числе 600 человек, отступил, потеряв около 200 человек, к укрепленному замку, мужественно отражая стремительные атаки неприятельской конницы. Целый день держались храбрецы за развалинами замка, несмотря на недостаток пороха. Около 200 человек легко во время отражения отчаянных приступов обожженного неприятеля. За этот один день союзные войска понесли небывалые потери. Ночью Флориану удалось выйти из замка с оставшимися двумя сотнями. Он достиг Гайльдорфского отряда. Но положение дел и здесь было более чем печально. Из 7.000 когда-то победоносного ополчения осталось не более 2.000. Остальные в страхе и ужасе разбежались. При первом же столкновении с превосходными силами союзников ополчение было разбито наголову. Только теперь Флориан Гейер выпустил из рук свой победоносный меч, поднятый с такой решительностью на защиту народного дела,—но выпустил он его лишь на поле битвы, смертельно сраженный врагом. В нем восстание потеряло одного из самых даровитых и преданных предводителей.

По ту сторону Рейна действовал герцог Лотарингский. Оставя за собой, подобно Трухзесу, горящие деревни и потоки крови, он с 30.000 войском шел из своих владений, из Нанси к Цаберну. Здесь находился Эразм Гербер с главными силами эльзасского «Ясного» ополчения. Он разослал

письма, вызывая разбросанные в разных местах крестьянские отряды на помощь. Но подкрепления не успели притти. Некоторых не пустили от себя крестьяне местных селений: они боялись остаться безо всякой защиты и угрожали употребить даже оружие, чтобы заставить отряды не покидать их. Гербер заперся в Цаберне, но недостаток провианта не давал ему возможности долго продержаться в городе, вступать же в открытое сражение с вдвое более многочисленным неприятелем было слишком рискованно. Тогда он начал переговоры. Герцог согласился дозволить крестьянам спокойно уйти из города с имуществом, если они оставят ему все свое оружие. 17 мая осажденные отворили ворота. Крестьяне двинулись из города. Но солдаты герцога начали грабить их. Произошла драка. Кто-то крикнул: «Бейте их! нам это разрешено», и доблестные воины принялись за дикое избиение безоружных людей. Всего перебито было здесь от 16 до 18 тысяч народу, считая в том числе женщин и детей. Город был отдан на разграбление. Женщин насиловали и затем убивали на глазах их мужей и отцов. Маркграф Баденский Эрнст, заключивший в свое время вечный мир с крестьянами, любовался на это утешительное зрелище. Эразм Гербер после долгих истязаний был казнен. Так исполнил свое священное княжеское слово герцог Лотарингский, «этот тигр княжеской породы», по выражению Циммермана.

Князья, по свидетельству летописцев, сильно радовались этой «победе». Однако им скоро пришлось убедиться, что иметь дело с вооруженным народом куда неприятнее, чем сражаться с безоружными крестьянами, женщинами и детьми. На обратном пути из Цаберна герцогу встретился 7.000 крестьянский отряд; в сражении, продолжавшемся несколько часов, герцогские войска потеряли 3.000 человек, и повстанцы, воспользовавшись темнотою ночи, успели отступить. Сердце бедного герцога испытало немало тревог при возвращении в Нанси через узкие горные проходы, отделявшие его владения от Эльзаса; он понимал, что даже с небольшими силами его можно раздавить, как мышь, в этих теснинах. Но крестьяне опять прозевали удобный случай, им было не до того; их мужество было сломлено.

Итак, в Тюрингии, Франконии и верхнем Эльзасе движение было разбито; мелкие отряды, бродившие еще там и

сям, не представляли никакой опасности. В городах водворялись старые магистраты и спешили выразить покорность торжествующим победителям. Чтобы заслужить снисхождение и прощение, они старались, где только возможно, ловить крестьянских начальников, искавших у них убежища, и выдавать врагам. Огонь восстания горел еще только в Альгее, где многие крестьянские отряды не признали договора, заключенного Трухзесом с приозерными повстанцами, по всему Шварцвальду с Гегау и в Нижнем Эльзасе.

В июне Трухзес уже снова был в Альгее и опять попал в очень неприятное положение. Непризнавшее договора ополчение красного знамени, объединившись с некоторыми другими отрядами, представляло из себя солидное войско в 27.000 человек. Великий полководец привык одерживать победы над крестьянами только при значительном превосходстве своих сил и теперь находился в большом затруднении. Но счастливая звезда вновь послала ему спасителей в лице предателей. Еще раз победный венок воинской славы сплела ему измена. Ему удалось подкупить начальников крестьянской рати Баха и Шнейдера. Они уничтожили пороховые запасы крестьян и сами скрылись. Без пороху, без предводителей крестьяне не в силах были вести правильное сражение и потерпели полное поражение. 16 июня та же участь постигла и шварцвальдское ополчение, благодаря вероломному бегству в самую решительную минуту главных начальников, известного уже нам Ганса Мюллера и Гейнриха Малера.

В сентябре покорились верхний Эльзас и Брейсгау, благодаря мирному посредничеству маркграфа Филиппа Баденского. В ноябре приняли мирный договор восемь согласий Шварцвальда, еще не положившие оружия, оставив на произвол судьбы своего верного союзника с самых первых дней восстания—город Вальдсгуш. Целый месяц держался свобододолюбивый и гордый город, один против соединенных сил противников, и опять только измена в его собственных рядах принудила его 5 декабря открыть ворота врагу. Храбрый начальник Конрад Иеле, в свое время спасший аббатство Сент-Блазиен от разгрома, был схвачен и повешен. К осени же были замирены австрийские владения и епископство Зальцбургское. Правительства созвали сеймы и им уда-

лось путем широкообещательных обещаний и некоторых действительных податных и земельных облегчений склонить большую часть населения положить оружие. Меньшинство, не желавшее покориться, было подавлено силою, не без участия изменивших делу восстания подданных. Хуже всех досталось южному Тиролю, Триенту и его округу, где население, состоящее по преимуществу из безземельных батраков, не получало никакого облегчения от новых договоров, и потому совершенно не расположено было бросать, не окончивши, начатую борьбу.

7. ПОБЕДИТЕЛИ.

Со сдачей Вальдсгуша пал последний оплот крестьянской революции. Солнце народной свободы, казалось, засветившее так ярко, померкло в дыме горевших деревень, и среди наступившей ночи раздавались лишь стоны терзаемых жертв, плач и вопли обездоленных семей. С мстостью в душе изгнанники-дворяне спешили вернуться в свои разоренные гнезда. «Взошло солнце и высушило смокшие перья этих певчих птиц, и они вспорхнули», повествует древняя рукопись.

«Неистовства черни» прекратились. Как часто приходилось нам слышать о дикой разнузданности страстей народа, не сдерживаемого «сильной рукой» правительства, о дикой кровожадности «толпы»! Об этом и по сие время пишут с большим красноречием иные ученые профессора, внушая читателям ужас и отвращение перед слепой мстительностью и беспощадной яростью «невежественных масс». Но, странное дело, в материалах, трактующих о крестьянской войне, мы напрасно стали бы искать подтверждения слов этих почтенных писателей. За два месяца, в продолжение которых крестьяне владели, по крайней мере, третьею частью всей Германии, ими не было совершено никаких чрезвычайных «злодейств».

Правда, Вейнсбергское дело... Буржуазные писатели до сих пор еще не могут забыть этой печальной истории и в продолжение четырех столетий продолжают ужасаться перед зверством мужиков, вопить о необходимости «ежовых рукавиц». Но что же такое произошло в Вейнсберге? Нескольких дворян, и в том числе одного графа, прогнали сквозь

строй копий. Все дело было в том, что эта казнь считалась позорной и применялась только к крестьянам. Дворянам казалось обидным умирать мужицкой смертью. Но крестьяне могли, ведь, быть и иного мнения на этот счет. Следует добавить еще, что дворяне потерпели лишь заслуженное наказание за свое вероломство, за свое нападение на безоружных во время ведения переговоров.

Теперь посмотрим, сколько благородства и великодушия проявили победители крестьян—немецкие дворяне. «Лишь немногие из победителей», с грустью признается историк (Бецольд), далеко непохожий на революционера, «настолько владели собой, чтобы, употребляя умеренные наказания, принимать в соображение и жалобы крестьян». Вот цифры: в Вюрцбурге тотчас же по вступлении князей (во главе с Трухзесом) было обезглавлено 60 человек, в Роттенбурге 29, в Лангензальце 41, и т. д., и т. д. Нам пришлось бы исписать несколько страниц одними названиями городов, в которых происходили казни. К концу 1526 года в одной только Швабии было казнено 10.000 человек (так исполнялся вейнгартенский договор), а во всей Германии гораздо более 100.000. По 250 человек в день в продолжение целого года! А сколько еще пало во время сражений, избиения безоружных ¹⁾. Всех князей вместе с их палачами можно было бы утопить в этом море народной крови. Но князьям было мало обыкновенных казней: их нежные души требовали более изысканных кровавых блюд. Наш Трухзес устроил себе потеху с попавшейся к нему в руки лакомой добычей: Яковом Рорбахом. Он приковал пленника цепью к дереву; сами князья наносили дров и разложили их на некотором расстоянии кругом дерева. Костер запылал, и на его медленном огне поджаривался несчастный, с воплями бегая вокруг дерева. Князья не отходили от места этой ужаснейшей пытки до тех пор, пока ненавистный Яков не испустил, наконец, дух; для назидания они привели и всех пленных смотреть на свою потеху. Такой милостивой казни Трухзес подверг не одного только Рорбаха. Маркграф Казимир, ведший в начале войны очень любезные переговоры

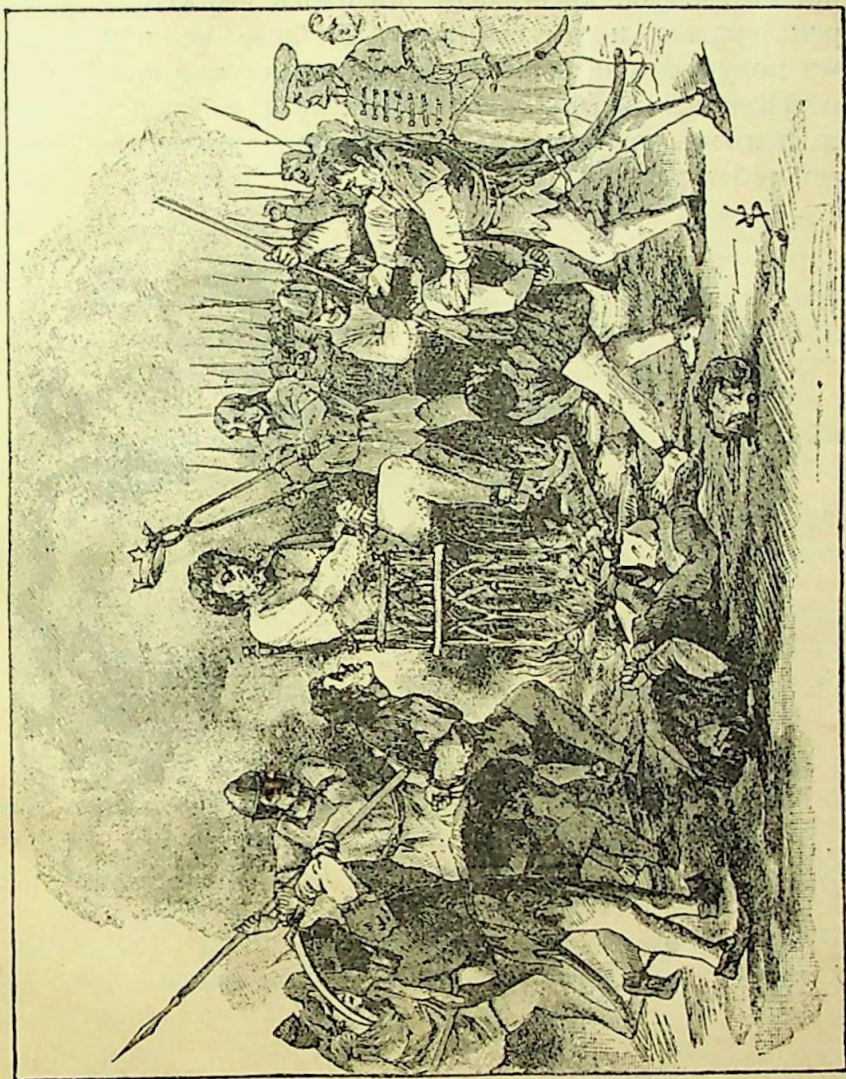
¹⁾ Маркграф Бранденбургский хвастался, что в течение своей жизни сжег 170 сел.

с повстанцами, в Кацингене приказал выколоть глаза 59 горожанам, запретив кому-либо делать перевязку и чем бы то ни было помогать ослепленным; большая часть из них погибла голодною смертью. Его подражатель в Шварцвальде, граф Рудольф, велел выколоть ложками глаза проповеднику Гансу Рембану и глазницы набить сеном; несчастный умер от жестоких страданий. Зигмунд Дидрихштейн, попавший в руки повстанцев и пощаженный ими, сажал крестьян на кол, сдирал с живых кожу, четвертовал; его гусары вырезывали женщинам груди, из беременных вырезали младенцев. В 1514 г. венгерское дворянство изжарило побежденного ими вождя крестьянского восстания Георга Доза и заставило крестьян съесть его. Вожаки тирольского восстания, талантливый Гайсмайер, перед одним именем которого дрожали князья, и Песлер, нашедшие убежище в Швейцарии, были убиты подосланными убийцами; головы их убийцы отнесли эрцгерцогу Фердинанду в Инсбрук, где и получили плату. Когда «неслыханные» преступления совершаются руками наемных убийц и на княжеское золото, они превращаются «в акт государственной мудрости», в гражданский долг перед «отечеством».

Мы могли бы продолжить этот страшный список до бесконечности. Но довольно! У читателя, мы надеемся, получилось уже достаточно верное представление о княжеском великодушии и безграничной снисходительности к своим грешным подданным. «Неистовства черни» кончились и начались неистовства господ. До каких размеров они доходили, можно судить по письму маркграфа Георга к его брату Казимиру: «Если переколоть всех крестьян, откуда мы возьмем других, которые бы стали нас кормить?» И действительно, во многих частях Голштейна, Померании, Штирии и Каринтии поля не возделывались за отсутствием крестьян, так что можно было в буквальном смысле говорить об искоренении крестьян.

Но утешая душу, князья и господа не забывали и о презренном металле. На города и особенно на деревни были наложены страшные, превышавшие нередко вдвое и втрое ценность имущества, контрибуции, которые приходилось выплачивать десятками лет. Оброки и подати всюду были увеличены; у крестьян отбирали в «надежные руки» все их

грамоты на различные льготы. Крепостное право становилось с каждым годом тяжелей. Князья, вступившие в договор с крестьянами, не отставали от других. Нарушение сво-

Казнь Георга Дозе.

его дворянского слова они объясняли тем, что оно было вынуждено. Как будто не силой же вынуждено и повиновение подданных! Сам император Фердинанд дал в 1563 г. обещание дворянству и духовенству не мешать им угнетать

крестьян и не заботиться больше об облегчении крестьянской барщины.

«Это называется выплачивать оброк!» воскликнул один крестьянин, падая мертвым с лестницы во время осады Герренберга. Да, крестьянам пришлось выплатить тяжелый оброк кровью и имуществом! Двойные цепи и двойное ярмо получили они в награду. Среди потоков крови и стонов терзаемых жертв, среди полей, на целые версты покрытых пеплом, сожженных селений, победители праздновали свою победу.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ПРИЧИНЫ ПОРАЖЕНИЯ.

Крестьянская революция была задавлена. Более десяти тысяч разрушенных замков и монастырей оставила она в назидание потомству. Многие из этих развалин сохранились еще до сих пор, и, быть может, иные из праздных путешественников, ежегодно сотнями отправляющихся в Германию любоваться живописными берегами Рейна, бежали бы оттуда без оглядки, если бы знали, откуда взялись его «поэтические развалины». И еще оставила революция—сотни тысяч жертв княжеского неистовства, море печали и море слез человеческих. Они не сохранились. И только народный шопот передавал из уст в уста страшные предания...

Население понесло тяжкую кару. Кровавые казни были только началом. За ними следовало нечто во сто крат тяжчайшее: порабощение народа, стоившее миллионов жизней и океана слез.

Австрийский герцог Рудольф IV еще в XIV столетии учил, что «просвещенный» князь должен стоять высоко над «скотской темнотой» подданных, которых только путем самых грубых мер можно привести на путь истины. Его пылкие последователи, «просвещенные» немецкие князья, стали на практике обучать народ «истине». Прежде всего они «уравнили» права всех, поставив на место права—произвол. Старинные льготы были отняты у населения, свободных крестьян-ленников почти не осталось—все обратились в крепостных ¹⁾. У крестьян отобрали оружие, т.-е. отняли всякую воз-

¹⁾ По определению баварского ландтага 1553 г., всякий, не имеющий собственного хозяйства, должен был под страхом телесного наказания немедленно обязаться кому-нибудь службой и не работать за поденную плату. Так свободный сельский и городской пролетариат насильно заставляли превращаться в крепостных.

возможность самозащиты; сняли даже мятежные языки с церковных колоколов. Участников восстания для отличия от «верных подданных» заставляли сбривать полбороды или носить женские кофты. Была правильно организована тайная полиция. Шпионы шныряли по всей стране, по шинкам и трактирам, подслушивая разговоры пьяных, высматривая, нет ли где оружия. Каждое неосторожное слово, даже простая жалоба на нужду, приводили к пытке, а то и к казни «за возбуждение против властей». Запрещено было под страхом тяжкого наказания касаться в разговорах событий восстания. Податное бремя увеличивали поскольку только возможно. Помимо больших доходов, это имело и другую выгоду: полуголодный, работающий до одурения человек мало восприимчив к крамоле. В тех же целях у народа отнимали и всякую духовную пищу. Многие правительства запретили населению чтение даже священного писания, в иных же местах его жгли. Преследования еретиков усилились. В 1530 г. секта баптистов насчитывала уже до 2.000 мучеников. И среди этого разгула алчности и жестокости сердобольные служители новой церкви так утешали народ: «С тебя берут; какое тебе дело? Надо терпеть». За страдания земные они щедро обещали царствие небесное, тем более, что щедрость эта им ни копейки не стоила. А крестьяне отвечали с бессильной злобой: «И чего этот бездельник-поп толкует нам о боге? да и существует ли еще он?»

Народ терпел... Прошлое понемногу забывалось, гнев проходил под тяжестью непосильного труда. Тупое равнодушие охватывало население. Из гордых и свободных людей, считавших себя равными другим, крестьяне превращались в забитых покорных рабов, влачивших свою жизнь изо дня в день за вечным каторжным трудом, без мыслей, без радостей, «в грязную тряпку, о которую каждый вытирает ноги» ¹⁾. Князья выполнили свою великую просветительную

¹⁾ Так писал Себастьян Франц и вот как изображается крестьянская жизнь в Космогонии Мюнстера, вышедшей в 1545 году: «четвертое сословие (крестьяне) состоит из тех людей, которые живут в деревнях и на полях, во дворах и хуторах, и называются земледельцами... Они ведут очень тяжелую и несчастную жизнь. Все отчуждены друг от друга и живут каждый отдельно с семьей и скотиной. Их дома плохи и выстроены из навоза, дерева и земли, а сверху они

задачу: они стали возлюбленными монархами возлюбленных скотов.

Как только крестьяне были достаточно «усмирены», наступила очередь дворянства ¹⁾ и городов. Теперь князьям уже нетрудно было с ними справиться. Дворяне, духовенство, ремесленники, крестьяне — эти сословия остались, но уже не существовало свободных граждан. Все обратились в подданных, всецело зависящих от милости своего повелителя; в полном распоряжении его находились и доходы нации... Итак, собственная страна была покорена. Победители торжествовали. Отныне они стали «истинными» самодержавными государями. Услужливая церковь скоро наименовала их и «помазанниками Божиими»...

«Первые успехи крестьян были изумительны; прелаты, дворяне, города покорялись им в постоянно возрастающем числе; от левого берега Рейна до внутренних местностей Австрии и Тироля, от Боденского озера до Франконии и Тюрингии восстание втянуло в свой вихрь все родственные элементы и частью победило, частью парализовало все враждебные» (Гейссер). Гордые князья лично являлись в крестьянские лагеря и заключали договоры с повстанцами. Такими договорами были связаны, помимо множества мелких владельцев, курфюрсты Майнцкий и Пфальцский, епископы Шпейерский, Вюрцбургский и Бабмбергский, немецкий орден в Мергентгейме, маркграфы баденские Филипп и Эрнст; маркграф гессенский Казимир, а есть подозрения, что и сам наместник императора, эрцгерцог Фердинанд, вел с революционерами тайные переговоры, рассчитывая с их помощью округлить свои владения. Власти растерялись — князья недоверчиво косились друг на друга, боясь подвохов, и не решались на совместные действия. Половина империи была в полной власти революции — и вдруг этот беспример-

покрыты соломою. Едят они сухой ржаной хлеб, овсянку или вареный горох и чечевицу. Питье их состоит из воды и сыворотки. Одежда их состоит из тикового балахона и поярковой шляпы. Эти люди никогда не имеют покоя».

¹⁾ Разрушение замков ослабило силы рыцарства, но оно же лишило крестьянство естественных складов оружия и боевых припасов, которыми можно бы было воспользоваться на случай нового восстания.

ный разгром; какой-то Трухзес с 8—15 тысячами войска в продолжение трех месяцев наносит непоправимое поражение целому миллионному народу. Чем объяснить, как понять такой неожиданный исход восстания?

Если говорить о самих военных действиях, то причины налицо. Крестьянские ополчения не были правильно организованы. Это были скорее беспорядочные толпы, плохо вооруженные, не знающие никакой дисциплины, которые могли только своей массой брать перевес над небольшим, но обученным союзным войском. Затем, у крестьян не было искусных полководцев. Начальник каждого отряда считал себя равным всем остальным и не склонен был повиноваться избранному главнокомандующему; отсюда происходили несогласованность, разрозненность действий каждого отряда. Кроме того, у крестьян еще не было своих начальников-крестьян—отсюда частые их измены.

Еще более важной причиной неуспеха является так называемый сепаратизм крестьян, т.-е. непонимание общности интересов всего крестьянского дела, стремление добиваться улучшений только для себя, для своей местности, сепаратизм, являющийся прямым следствием неразвитости сношений в стране, когда каждая община, каждая деревня обособлена, изолирована от всех остальных; для более обширных территорий этот сепаратизм принимал форму племенной розни: швабы, франконцы и тюрингенцы не доверяли друг другу, вюртембергцы шли освободить свое государство от вторгнувшихся «чужеземцев»—франконцев. Ко всему этому следует присоединить еще наивную и упорную доверчивость к княжескому слову, несмотря на то, что князья, кажется, из всех сил старались доказать беззастенчивое лицемерие своей политики, не останавливающейся ни перед какою гнусностью. Поэтому крестьяне так легко поддаются на лживые обещания князей и расходятся, оставляя другие отряды на произвол судьбы. Можно сказать, что вейнгартский договор сыграл роль форменной измены; лучшие крестьянские воины оставили поле сражения и отдали на избиение своих вюртембергских братьев. Тот же сепаратизм мешал и прочной организации крестьянских войск. Франконское войско отказалось от предложения Гиплера нанять ландскнехтов, так как пришлось бы делить с последними

добычу от грабежа ¹⁾. Не было принято и другое предложение его: сделать состав войск постоянным. Дело в том, что каждый ополченец служил только четыре недели, а затем отправлялся домой и замещался новобранцем. При подобных условиях невозможно было никакое обучение; войска постоянно теряли опытных воинов и состояли всегда из новичков. Большинство, очевидно, смотрело на свою службу, как на временную военную прогулку. Утолив несколько свою злобу разорением десятка монастырей и замков, он считал, что уже исполнил свой долг и с награбленной добычей спешил домой.

Таковы непосредственные причины военных неудач. Однако неудачи еще не есть поражение. Причины его мы должны искать в самой обстановке, при которой происходило восстание, в соотношении сил противников.

Прежде всего придется указать на то, что крестьяне в своей борьбе были одиноки. Поддержка городских ремесленников — тогдашних рабочих — оказалась недостаточной, чтобы победить крестьянских классовых врагов. Хотя крестьянское движение началось в момент общенациональной революции — реформации, однако цели классов, в ней участвовавших, были различны. Правда, казалось, движение было движением всей нации, напрягшей свои силы, чтобы сбросить с себя ненавистное ярмо Рима. Но это только казалось... Под знаменем чистого народного ²⁾ евангелия выступили все недовольные властью католической церкви, и на первых порах это знамя объединяло всех.

¹⁾ Ландскнехты, сочувствуя делу крестьян, не раз предлагали им свои услуги, но, получая отказ, переходили в войска князей, увеличивая тем силы последних.

²⁾ Значительная часть духовных должностей в Германии замещалась из Рима ставленниками папского двора. Народ смотрел на этих священнослужителей, как на иностранцев; поэтому борьба с католицизмом приобретает на первых порах характер борьбы за освобождение от чужеземного ига, и евангелие становится национальным знаменем для начинавшего сознавать свое национальное единство народа, подобно идее о «единой Германии» XIX века. Однако национализм, заключающий в себе лишь признаки племенного сродства, быстро теряет свое реальное объединяющее значение, как только на сцену выступают классовые и сословные противоречия внутри этой «единой» нации.

Евангелие сделалось настольной книгой революционера,— оно же лежало на почетном месте в доме ростовщика, над ним молился епископ со своей любовницей, его благоговейно раскрывал и благочестивый князь в минуты похмелья. Но «евангелие—чистый воск, из которого можно делать все, что хочешь», как нечаянно проболтался один из защитников католицизма. Каждый брал из него только то, что ему было удобно. Когда от слов и споров перешли к делу, то оказалось, что у каждого свое особое «народное» евангелие, строго сообразующееся с его собственными выгодами. Если одни говорили: «Возлюби ближнего, как самого себя», то другие возражали: «Раб, да повинуйся господам своим».

Теперь каждое сословие создало свое особое евангелие, оправдывающее лишь его сословные стремления к невыгоде остальных. Святое учение оказалось только благородным, возвышающим сердце узором на весьма житейской подкладке.

Князья возмущались жадностью Рима, распущенностью и тщеславием прелатов и епископов. С выступлением на сцену юристов и ученых из светского мира государство больше не нуждалось в услугах духовенства. Могущественная церковь стала теперь поперек дороги самодержавным стремлениям князей. Они требовали церковной реформы, чтобы отнять у нее самостоятельность и поставить в зависимость от собственной власти. Они с завистью поглядывали на богатые земельные имущества духовенства, и весьма не прочь были прикарманить их; этим достигалась двойная выгода: отнималась вся сила церкви, и увеличивались княжеские доходы, необходимые им для борьбы за абсолютную власть. Поэтому-то римская курия, догадавшаяся в 1524 году уступить часть церковных доходов князьям Баварии и Австрии, приобрела в их лице ярых защитников католицизма ¹⁾. На стороне папы были и купцы Фуггеры, скупавшие у Рима оптом духовные места и с прибылью торговавшие ими.

¹⁾ Весьма картинное изображение этого трогательного единодушия высших сословий мы находим у Ульриха фон-Гуттена: «В Германии четыре сорта разбойников: рыцари, купцы, юристы и попы, и рыцари еще самые безвредные из всех». Гуттен из рыцарской вежливости забыл упомянуть о самых крупных разбойниках—князьях.

На духовные владения зарилось и обедневшее рыцарство. Но, помимо этого, оно не прочь было бы освободиться и от князей, самодержавные потуги которых уже начинали давать себя чувствовать. Приблизительно те же симпатии к князьям обуревали и мелкие города; они не имели особых причин любить и монахов, подрывавших их торговлю своими собственными предприятиями, за которые, по якобы принадлежащему им праву, они не платили никаких налогов и пошлин. Крупные торговые города, напротив, тяготели к сильной княжеской власти. Борьба с последней оказалась им не по силам; необходимость строить дорогие укрепления довела многие из них чуть не до полного банкротства. После великого поражения 1388 г. они окончательно убедились, что только княжеское высшее могущество способно обеспечить им хорошие барыши. Мало-по-малу старая вражда забывается и уступает место трогательному сближению. Прежние непримиримые противники борются в дружном согласии против императора; сами князья выхлопывают для своих новых друзей право участия на имперских сеймах, и на франкфуртском рейхстаге 1485 г. могущественный курфюрст майнцский Бертольд принимает на себя роль защитника интересов торгового сословия.

У этих трех групп—князей, дворянства и городов—имелось одно только общее связующее звено: нежные чувства к мужицкому рублю. Они все имели крепостных и в поте лица своего выколачивали из них оброки и налоги. Освободительные стремления крестьян били их по самому святому месту: по карману.

Что касается до крестьян, то они вовсе не разделяли нежных чувств своих высоких «братьев во христе». Ополчаясь против попов, они не прочь были также покончить и с их благородиями и с их сиятельствами. Они с великим удовольствием пополнили бы собственные пустые кошельки монашеским и княжеским золотом, но не обнаруживали христианской склонности отдать последнюю рубашку своему ближнему—князю, настоятельно требовавшему ее.

Общие страстные вождения были направлены на земные сокровища небесных служителей; но, очевидно, что при первом же дележе добычи «друзья» должны были основательно передрасться. Так и случилось. Первыми начали дво-

ряне. В 1523 году вспыхнуло, с благословения Лютера, рыцарское восстание, как водится, все под тем же знаменем «чистого евангелия». В защиту «бога и императора» двинулись рыцарские войска против архиепископа и курфюрста Трирского. Но князя быстро сообразили, что тут пахнет далеко не одним словом божим. На помощь католическому архиепископу двинулся протестантский князь ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцкий. Дворянство рассчитывало в одиночку воспользоваться плодами победы; за свою помощь крестьяне могли потребовать освобождения от тяжелых поборов, которыми благородные люди не забывали облагать своих крепостных. Но князя оказались сильнее, и рыцарское движение закончилось гибелью их вождя и разгромом многих замков. Движение это имело некоторые и другие последствия: оно несколько охладило пыл религиозных увлечений. Многие стали догадываться, что, пожалуй, дело дойдет до всеобщей свалки, и более благоразумные, т.-е. кому это не могло принести выгод, а скорее грозило лишениями, стали недоверчиво относиться к преобразовательным стремлениям, отшатнулись от «лютеровщины».

Когда вспыхнуло возмущение крестьян в верхней Швабии, знатные господа «с удовольствием предоставили испить духовенству этот почетный напиток, рассчитывая поживиться на его счет; так как восстание было направлено против монахов и попов, то на него сначала смотрели сквозь пальцы». Маркграф Казимир, баварские князья, эрцгерцог Фердинанд втайне покровительствовали крестьянскому движению в надежде, что оно уничтожит могущество духовенства и рыцарства. Многие из князей поспешили воспользоваться примером крестьян: они отпадали от католичества и на этом основании захватывали в свою собственность церковные имения; их деятельность заразила впоследствии и католических князей, и те принялись за эти выгодные операции с таким усердием, что, по выражению Лютера, превзошли усердие самих лютеран. Но когда волны восстания разлились по всей стране и докатились до их крепких замков, они опомнились, подавили взаимное недоверие и «религиозные разногласия» и соединенными силами раздавили крестьян.

А что же, однако, делал в это время признанный «вождь» реформации, «великий борец за истину» Мартин Лютер? Он

сидел в своем Виттенберге и ругался. Сперва он неистово ругал князей и обменивался любезными письмами с главой рыцарского восстания Зиккенгеном. Когда восстание было подавлено, он увидел в гибели Зиккенгена «справедливый, но и чудный суд Божий», и стал заигрывать с крестьянами, оправдывая восстание и объявляя справедливыми многие из их требований, изложенных в 12 тезисах. «Должно тебе ведать, что от начала мира мудрый князь был редкой птицей, а того реже благочестивый князь. Обыкновенно это величайшие дураки и самые отчаянные негодяи в свете, поэтому всегда надо опасаться с их стороны всего самого скверного и очень мало ожидать хорошего. Эти палачи и палочники только и умеют, что драть шкуру с бедного человека. В прежнее время таких людей называли негодьями, а теперь приходится величать благочестивыми князьями». Но «теперь простонародье вразумилось, и потому мучительству князей будет положен конец чернью и простым народом. Не будут, не могут и не желают выносить долее вашу тиранию и своеволие». Но так как Лютер не был особенно уверен в победе крестьян, то, на всякий случай, не забывал мило улыбаться и князьям. Поэтому он ухитрился на страницах той же книги заявлять, что начальство и государство есть божественные учреждения, и что всякая попытка устроить мир по евангелию и управлять без принудительной власти противоречит священному писанию и разуму. После первых поражений крестьян, убедаясь, что свою христиански любящую душу он может успокоить только на княжеской груди, Лютер заговорил более решительным языком. Вот как он поучал князей: «Их (восставших крестьян) должно рубить, душить и колоть, тайно и явно, кто только может... с спокойной совестью рубить, пока рука не опустится от усталости... Кто падет на стороне князей, тот умрет блаженной кончиной мученика; кто же погибнет с противной стороны, попадет под власть дьявола». Недаром Лютера называли «виттенбергским папой»: подобно своему римскому коллеге он стал распоряжаться царством небесным, чтобы услужить князьям. (Как мы видели, последние и не нуждались в особом поощрении к наказанию «виновных».) Он приписывает теперь восстание тому обстоятельству, что крестьянам жилось

слишком хорошо и уверяет, что попытка уничтожить крепостное право противна евангелию; ради торжества истины и справедливости он предлагает ограничить «чрезмерный» наплыв учащихся в университеты и сохранить взамен их монастыри. Впоследствии Лютер писал: «Ослу нужны удары, и черню надо управлять насилием». И с истинно христи-

Мартин Лютер.

анским смирением он прежде всего превратил в такого осла свою вновь учреждаемую церковь. Он отдал ее в полное распоряжение и произвол князей. Князья стали «единственными императорами и папами» своих земель, как мечтал когда-то еще Карл Смелый. Теперь стали учить, что «каков князь, такова должна быть и вера», и Эней Сильвий рисует совершенно правильно господствующее настроение, влагая

в уста княжеских служителей следующие слова: «у нас та же самая вера, что и у наших князей; поклоняйся они идолам, мы стали бы делать то же. Мы отвергнем не только папу, но и самого Христа, если бы это было желательно светским властям». Князья радовались новой покладистой и удобной церкви, но зато в глазах народа дело Лютера, да и сам он, совершенно потеряли всю прежнюю обаятельность. «Мы видим», признавался Меланхтон, правая рука реформатора, «как сильно чернь ненавидит нас». Народ не мог простить Лютеру его трусливой измены. Эта измена оказала свое действие на исход восстания. Лютер пользовался громадным влиянием в средних и высших кругах общества: вместе с ним и многочисленные его сторонники и последователи отвернулись от крестьянской революции.

Правда, мы все же встречаем в крестьянской войне немало представителей высшего сословия, дворянства. Но среди них редко встречались истинные герои народного дела, как Флориан Гейер. Большая часть дворян присоединилась к «христианскому братству» или по принуждению или в надежде воспользоваться удобным случаем и вспомнить доброе старое ремесло—пограбить. Они не оказывали особых услуг, а скорее вносили разлад в ряды крестьян. Они не раз поднимали смуту в вюртембергском войске; они явились первыми перебежчиками из лагеря Мюнцера в княжеский лагерь; дворянским же интригам—и, в частности, предателю Берлихингену—до некоторой степени обязана возникновением пресловутая переделка 12 швабских тезисов, так возмущившая франконское войско. Да и что другое можно было ожидать от благородного рыцарства, распевавшего до начала восстания такие «гордые» песенки:

„Одна у нас беда в благородной франконской земле:
Мужичье собирается нас слопать, знаменитых рыцарей.

Сохрани нас от этого бог!

Уж лучше мы налетим на них, спалим их, словно свиней,
Всякий раз, как подойдет нам случай, пока не накинута
нам петлю на шею“.

Наибольшую помощь движению оказали города. На стороне крестьян тут была собственно одна «чернь» и лишь отчасти цеховые подмастерья и ученики. Магистраты и состоятельные классы городского населения не сочувствовали

движению, и где, как в больших городах, они обладали достаточной силой, им удавалось держаться в стороне от движения. В мелких городах, напротив, преобладала беднота и заставляла магистраты присоединяться к «братству». Однако под давлением состоятельных классов, влияние которых все же было довольно значительно, большинство городов ограничило свои отношения к крестьянским ополчениям одними добрыми посулами и обещаниями. Уступая под напором возмущившейся черни, магистраты продолжали надеяться вернуть назад все старое, «как только удастся опять засадить собаку под лавку». Они зорко следили за направлением ветра, и при первом удобном случае передавались князьям. Так было во время беблингенского дела, так было и после поражения франконского войска. Воинственный, непреклонный Вальдсгуш является почти единственным примером среди городов, как Флориан Гейер среди рыцарей.

Ко всем перечисленным причинам неудачи крестьянской революции надо прибавить и то, что среди самих восставших не было согласия. И здесь все из того же евангелия делались совершенно различные выводы. Крестьяне не могли выработать одних общих для всех требований; программа политических и социальных преобразований была не одинакова у разных представителей движения. Мы можем различить три главных течения: более умеренное, менее умеренное и крайнее.

Программой первых являются знаменитые 12 верхнешвабских тезисов, принятых также вюртембергским и «Ясным» ополчениями. При первом же беглом взгляде вас поражает удивительная спутанность, беспорядочность их изложения, как будто они шиты из разных несогласованных между собою кусков.

Ряды этих умеренных пополняются главным образом представителями господствующих классов, сознавших насущную необходимость государственных реформ, но не способных порвать нити, связывающие их с их классом. Выступая защитниками всего народа, они разумеют под ним все слои населения, с их различными противоположными стремлениями и интересами. Стремясь удовлетворить всех, они обманывают пустыми словами и себя и других, ибо то, что дается одним, тем самым отнимается у других и обратно.

В конце концов, перевес берет то, что ближе по существу их душе, и проекты и планы, направленные на благо «нации», оказываются при проведении их в жизнь выгодными господствующим классам.

Уже достаточно характерно самое введение к тезисам. Составители их всячески стараются уверить всех, что восставшие против господ крестьяне ничуть не являются непокорными или мятежниками. Они боятся слова, потому что может оно обеспокоить мирных обывателей, отпугнуть от затеваемой революции. Стремление подслужиться и нашим и нашим заставляет их забыть одну очень простую вещь, именно то, что действия имеют все же больше значения, чем даже самые красноречивые уверения. Точно так же в первом параграфе они от лица крестьян «покорнейше просят» тех самых притеснителей, против которых поднимается оружие. Авторы воображают, что ружейные пули и пушечные ядра окажут на врага большее влияние, если к ним присоединить еще покорнейшую просьбу. Приблизительно в том же духе составлено и все остальное. Единственно, чего требует программа довольно определенно это — свободы, т.-е. прекращения крепостной зависимости, определенность уничтожается дружелюбием, излагаются жалобы на «излишнее пользование правом охоты, в праве пользования лесами, смертное отобрание и другие отдельные злоупотребления с крепостничеством. Получается составители в крайнем случае готовы послужить свободой и удовлетвориться лишь некоторыми мерами облегчениями ¹⁾. Наконец, заключение подводит итог всем несообразностям и колебаниям, соглашаясь отказаться от каждого из своих тезисов, раз они будут признаны несправедливыми. Но кто будет обсуждать их? Если дворянство, то, конечно, тезисы окажутся «противными евангельской истине»; если же сами крестьяне, то признание их справедливости стояло вне всякого сомнения. Таким образом, все заключение является лишь лицемерным смирением.

¹⁾ Меммингенское собрание так еще верило в возможность соглашения с владельцами, что, подготавливая восстание, запрещало крестьянам бунтовать против своих господ.

В переделке 12 тезисов сказалась другая черта умеренных: стремление заполучить себе каким-нибудь ловким оборотом возможно больше сообщников. Желая увеличить свои силы, они решили перетянуть на свою сторону дворянство, но так как интересы дворянства и крестьянства совместить было весьма мудрено, то составили новую программу так, чтобы она любезно раскланивалась и с теми и с другими; и без того запутанные 12 тезисов превратились в пустой набор слов, под которым каждый мог разуместь то, что хочет. На том же расчете замазать свои истинные стремления пустыми фразами построен и весь проект реформ, выработанный Гиплером и Вейгантом. Всякий разумный человек поймет, что если эти соглашательские штуки и могут действительно на минуту объединить разнородные элементы, то после первых же опытов проведения реформ в жизнь скрытые противоречия интересов всплывут на поверхность, и в рядах недавних союзников начнутся разлад и замешательство, которыми с успехом воспользуются разные темные силы. Больше всего, конечно, страдают при этом интересы широких народных масс.

Более революционные программы были приняты шварцвальдским, эльзасским и франконским ополчениями. Центр составляли, так сказать, чистые идеологи мелких собственников: земледельцев и ремесленников. Они целиком прониклись интересами этого класса, сделали их своим символом веры; поскольку они думают о дворянстве и гордой аристократии, они думают о них, как о врагах, которых необходимо победить, чтобы наступило настоящее крестьянское царство, для них—царствие божие. Не заботясь об улыбках господствующих классов, они сосредоточиваются всецело на преследовании задач чистой демократии, нужд широких народных масс, они не боятся прослыть бунтовщиками, и язык их требований ясен, тверд и решителен. Крестьян угнетают непосильные доборы и крепостная зависимость; отсюда вытекает их первое требование: уничтожение крепостной зависимости и всех налогов. Но «измена, насилие и несправедливость родились и возросли в замках и монастырях»; отсюда второе требование: разрушить все замки и монастыри и дворян сравнять во всех политических правах с поселянами. Однако главными и самыми сильными тиранами

являются князья. Чтобы отнять у них всякую возможность насильничать, их тоже следует поставить в зависимость от народа; отсюда третье требование: «государем и владельцем должен быть только тот, кого они сами пожелают» (эльзасцы) ¹⁾. Наконец, всякому ясно, что успех движения зависит в значительной мере от объединения всех родственных сил, от степени ослабления враждебных. Поэтому всякий, отстраняющийся от него, всякий отказывающийся вступить в «христианское братство», поднявшее меч для защиты поправленных народных прав, тем самым становится явным или тайным врагом народа, и отсюда прямым выводом является «запрещение»: все, «не пожелавшие войти в братское общество», объявляются под мирской опалой (светским ²⁾. Отныне все должны прекратить с ним все сношения. Они — «отрезанные и мертвые члены... бесполезные для пользы христианства и лишаются права покупать и продавать землю и пользоваться лесом, лугами и пр.». Им отнимается всякая возможность волею-неволею подвергнется и всякий член братства, подвергнутое запрещению (шварцвальдцы) ²⁾.

Как мы видим, представители более революционных повстанцев рассуждали очень последовательно; но они остановились на полдороге, они не поставили себе следующего по очереди вопроса: действительно ли насилия прекратятся, если уравнивать политические права всех граждан. Они полагали, что с уничтожением замков рыцари превратятся в мирных помещиков и добрых соседей. Наблюдая вокруг массовое разорение мелкого крестьянства,

¹⁾ Некоторые шли еще дальше и отвергали всякую княжескую власть. По их мнению, власти должны быть выборные, мирские. Если они порой и поминали императора, соглашаясь признавать его власть, то здесь сказывалось лишь желание быть такими же вольными и свободными, как имперские города и рыцарство, формально стоявшие в зависимости от императора, но на деле не знавшие никакой монаршей власти.

²⁾ Нечто подобное мирской опале встречается и в меммингенском постановлении альгейских крестьян, но оно у них касается только господских служащих, не пожелавших вступить в «христианский союз». К остальным жителям и к самому дворянству оно не относилось.

они стремились лишь остановить его. Возвращение к «доброму старому времени, когда каждый крестьянин был сам себе господином на собственной земле, домовитым хозяином, имевшим вдоволь хлеба и мяса и хороший стакан вина про запас—таковы были их идеалы, их заветные стремления. Выше этого крошечного мещанского счастья их мысль не способна была подняться.

Крайние—коммунисты довели их рассуждения до логического конца. Они были защитниками интересов неимущих классов, безземельного пролетариата, живущего лишь продажей своей рабочей силы. Пролетариат ничуть не заинтересован в сохранении частной собственности; напротив, самым своим положением он становится во враждебные отношения ко всему классу собственников, так как именно последние, пользуясь его нуждой, присваивают себе плоды его тяжелого труда. Поэтому идеологи пролетариата, идейные выразители его интересов, могли перешагнуть через стену, непроходимую для мелкого буржуа—через частную собственность. Слово «собственность» не переполняло уже их сердца священным трепетом, и они подняли на нее руку. Они учили: правда, господству человека над человеком мы обязаны существованием многих зол, народного разорения и гнета, но господство создается не замками и не монастырями, а неравенством имущества; богатство дает власть, а власть совершает насилия. Коммунисты понимали это с наименьшей ясностью, чем князья, но сделали отсюда совершенно противоположный вывод. Князья решили: нужно больше золота, чтобы добиться для себя власти и иметь возможность насильничать без удержу. Коммунисты же говорили: следует уничтожить деление людей на богатых и бедных, и на место господствующего неравенства ввести общность имущества и братскую жизнь. Отсюда и их имя коммунисты,—люди, желающие, чтобы все было общим. Коммунизм рассматриваемого периода так же, как и все движение, носил религиозную оболочку.

В Германии существовало много различных сектантских общин¹⁾. Главное внимание их было обращено на религиоз-

¹⁾ В 1393 г. в одном Аугсбурге велся процесс не менее чем против 280 вальденских еретиков, большею частью ткачей и древоделов.

ные вопросы и на нравственную жизнь своих членов. Они отрицали пресуществление, церковное отлучение и отпущение, почитание святых, обряды, посты, давание клятв, не признавали крепостного права, а многие—светской власти, которая, вопреки заповедям Христа, присвоила себе право проливать человеческую кровь. Одни из них считали необходимым общность имущества, другие считали достаточным, если члены секты ведут скромную жизнь и отдают все получаемые излишки нуждающимся. Не признавая государственной власти, они, однако, считали себя обязанными подчиняться ей, поскольку допускает вера, потому что сопротивление противно духу христианства.

Общее политическое движение захватило, однако, и секты. Часть сектантов, не оставляя основных положений христианского коммунизма, набиралась все более и более воинственного духа. При общем подъеме настроения низших классов, воинственный революционный коммунизм находил в сердцах больший отклик, чем елейная проповедь всемирения. Новые ученики, перешедшие в ряды сектантов исключительно под влиянием политического движения, в свою очередь влияли на еще большее уклонение их организаций в сторону политической борьбы.

Вождем этого революционного коммунизма и был Томас Мюнцер. Мы знаем, что еще в Альштэте Мюнцер составил тайный союз коммунистов, рудокопов и крестьян, который по показаниям шпиона Руккерта, «обязался наказать безбожных князей и ввести христианское управление». На допросе под пытку Мюнцер признался, что целью общества было такое устройство государства, при котором все было бы общее, и каждому бы давалось по мере потребностей. Подобную общину основал Мюнцер и в Мюльгаузене, во время своего недолгого господства там. «Милые друзья,—писал он своим сообщникам,—будем расширять дыру, чтобы весь свет увидел и понял, что за люди наши богачи, которые святотатственно сделали из бога какого-то расписного идола». «Нельзя служить богу и мамоне. Кто берет себе почести, тот, в конце концов, на веки оставляется богом, ибо в 5-м псалме бог говорит: «их сердце суетно». Но не словом должен преобразоваться мир, а мечом, ибо «насилие побеждается только насилием». В своих проповедях Мюнцер всепрощающему духу

евангелия предпочитал решительный язык древних пророков. Господь Мюнцера—воинственный и гневный Иегова ветхого завета. Он придет, чтобы разбить «старые горшки железной палкой». Все «упрямые и насильники должны быть свергнуты со своих мест». «Люди голодны, они хотят есть», следовательно, не время тут заниматься сладкими разговорами.

Программа наиболее умеренной части крестьянства более всего соответствовала настроению и стремлениям свободных крестьян, пользовавшихся привилегированным положением среди остальной массы, а также тех слоев крестьянства, которых еще не захватил в свой водоворот ход экономического переустройства страны. Их еще только слегка коснулась надвигающаяся гроза, перед ними не открылась во всем своем ужасе бездна неминуемого разорения, и они рассчитывали вернуть себе прежнее благосостояние и спокойствие, устранив наиболее вопиющие злоупотребления. Их очаг был цел, и хозяйство еще держалось. Им было чем дорожить, а потому они проявляли мало охоты рисковать и были склонны к уступкам, легко поддаваясь на увещания властей. Под их влиянием заключались эти бумажные договоры, выдававшие с головой все движение. Им в высшей мере были свойственны неопределенность и нерешительность, а нерешительность, мало пригодная и в жизни отдельного человека, является смертным грехом в дни революции. Вместо того, чтобы поставить движению ясную цель, умеренные потакали его слабостям, тащились в хвосте революции и тем способствовали лишь ее гибели.

Главные силы более революционного центра составляла, вероятно, часть крестьянства, умевшая возвыситься до понимания общности интересов их класса, а также все те, кому пришлось уже в полной мере испытать горькую чашу нищеты, кто успел испытать всю сладость господских насилий и грабежей. В этой части крестьянства ненависть к господам и жажда мщения были сильнее и глубже, и действия здесь имели более решительный и непримиримый характер. Представители этого течения имелись и в других отрядах, кроме принявших целиком их программы. Так, из вюртембергского ополчения писали Штутарту, что они имеют в виду «сами устроить себе христианское и мирное правление», а киссингенские (близ Вюрцбурга) крестьяне заявили, что желают

«подчиняться только властям, избранным по воле божией и по желанию всей общины», государем же своим считают Иисуса Христа (этот претендент на престол был, конечно, ненавистен князьям, не менее, чем и всякий другой). Своим требованием полного истребления замков и монастырей это течение завоевывало симпатии и всей массы крестьянства, с удовольствием занимавшейся разграблением имущества своих заклятых врагов. Но дальнейшие цели их, как и умеренных, были большинству непонятны, а мягкосердные речи последних вносили в крестьянские головы окончательный сумбур.

Коммунисты опирались на деревенскую голь, на городскую бедноту и на рабочих горных промыслов. Их обличения богатства и роскоши, тирании золота, их проповеди общности имущества, равенства всех и царства божия на земле встречали глубокий отклик в сердцах неимущей бедноты, давно лишенной всякой собственности и потерявшей всякую надежду приобрести ее. Богатство отняло у них все, кроме мускулов рук, и приобрело себе в лице их самых заклятых врагов. Они на собственной спине испытали тяготу нового рабства—рабства капиталу, и мысль расправиться с «богатыми подлецами» как нельзя более приходилась им по душе. «Брат Георг», обратился крестьянин Яшка Курман к графу Тюбингенскому, явившемуся по требованию крестьян в их лагерь: «твое тело есть мое тело, мое тело есть твое тело, твое богатство—мое богатство; мы все равные братья во Христе». Такое упрощенное понимание коммунизма господствовало, надо думать, и в среде широких тогдашних бедняцких масс; трудно было бы требовать от них большего, когда и их вожаки не шли дальше несложных, бесхитростных евангельских учений.

Ошибка средневековых коммунистов, как и основателя христианства, заключалась в том, что они все свое внимание обращали на внешние проявления неравенства, на неравенство потребления. Противоположность между наглою пышностью небольшой кучки богачей и лохмотьями масс, между обжорством одних и голодной нищетой других вызвала их негодование, но они думали уничтожить зло, установив равное распределение продуктов труда между членами общин. Первобытный характер организации средневековой промышленности ставил границы их критической мысли. Они

не видели и не могли видеть, что главное зло заключается в частной собственности не на продукты труда, а на средства производства, что помещику и капиталисту дает власть над неимущими массами не бархат их юждед, не мрамор дворцов и десятки слуг, даже не золото само по себе, а обладание землей и другими средствами производства. Они не знали, что действительного равенства можно достигнуть не равномерным распределением богатства, что собственно и разумели коммунисты под общностью имущества, а обобщением средств производства, переходом орудий труда во владение всего народа. Только в наше время, когда пролетарская армия насчитывает в своих рядах миллионы рабочих; когда, благодаря всем новейшим открытиям, орудия производства и транспортные средства достигли колоссального развития, когда усовершенствования машин позволяют в неограниченных размерах заменять труд человека силою пара и электричества—только теперь новейший коммунизм получил могучее жизненное значение и из утопий превратился в реальность.

Коммунисты тогда не представляли из себя сколько-нибудь значительной силы, и не им принадлежала руководящая роль в движении 1525 года. Преобладали более умеренные. Взгляды описанных двух групп последних по существу не отличались такой резкой противоположностью, которая исключала бы всякую возможность соглашения. Уничтожение княжеского произвола, злоупотреблений в судах, возвращение древних прав, уничтожение крепостничества, а в случае перевеса более революционных элементов, лишение дворянства всех сословных привилегий и участие крестьянства в собраниях земских чинов¹⁾—все это совершенно удовлетворило бы главные массы крестьянства. Казалось бы, что поражение не может остановить революционного движения, созданного самой жизнью, всем ходом исторического развития, захватившего миллионные массы, что оно необходимо должно оправиться, исправить свои ошибки, объединиться и под ру-

¹⁾ Поучительно, что умеренные представители крестьянства совершенно забывали про тогдашний пролетариат и, требуя участие в ландтагах для народа, они, в сущности, требовали его только для мелких земельных собственников.

ководством той или другой партии снова броситься в атаку. Но этого не случилось. Слабые попытки восстания повторились в 1526 и следующем году, но были подавлены с еще большим зверством в самом начале. А затем движение заглохло почти на целых два столетия и так основательно, как будто его никогда и не существовало. Указанные причины не объясняют этого поразительного факта. Очевидно, существовали какие-то иные силы, более могучие, чем гигантское напряжение революционных сил целого народа. Тут-то мы и подходим к самой сути вопроса.

Ни одно событие не происходит вне жизни. Все создает она и она же все разрушает. Но для успеха движения необходимо, чтобы жизнь поддерживала его, чтобы из недр ее оно могло черпать все новые и новые силы. Только при таком неизменном условии может совершаться рост революции, только в этом случае она непобедима. Совершенно иное мы видим в крестьянской войне. Ход исторического развития шел не в ту сторону, в какой лежала цель крестьянского движения.

Германия XV—XVI века находилась в периоде первоначального накопления капитала, в периоде созидания промышленности. Крестьяне хотели остановить разорение деревни, вернуть себе древние вольности, обуздать произвол помещиков и незнающую границ алчность ростовщиков. Все их надежды были обращены в прошлое, далекое прошлое с его обилием земли и первобытной несложностью жизни. Их стремления стояли в полном противоречии с требованиями данного исторического развития. Рождение промышленности совершается в тяжелых муках, созидание для нее крупных капиталов требует человеческих жертв. Промышленность может успевать лишь при наличии целых армий нищих, потому что ей нужны «свободные» (от всякой собственности) рабочие руки, ей необходимо, чтобы голод гнал народ из деревень в город. Рост крупных торговых капиталов, являющихся фундаментом, на котором в буржуазном обществе строится промышленность, был в значительной мере обязан именно грабительству помещиками крестьян; только крепостной труд на собственной земле и тяжелые оброки и подати давали им возможность удовлетворить свою страсть к роскоши, предметами которой главным

образом и велась тогда торговля крупных фирм. Крестьяне требовали ограничения княжеских своеволий, но как раз неограниченной, самодержавной государственной власти требовал нарождающийся капитализм. Сильная власть нужна была для защиты интересов капиталистов за границей, для выгодных торговых договоров с иноземными державами; только сильная, единая власть способна была уничтожить бесчисленные маленькие княжества и городские республики, перегородившие всю страну таможенными заставами, донельзя затруднявшими торговлю внутри страны, — только сильная власть в состоянии была держать низшие классы в беспрекословном повиновении, сделать легким и удобным обирание народа.

Капитал вынужден был прибегнуть к высокому покровительству князей, как единственной сколько-нибудь значительной власти в государстве, потому что не располагал достаточными силами для утверждения собственного господства. Городское население в XV—XVI в.в. было сравнительно весьма незначительно, а развитие денежного хозяйства еще только начиналось и не успело создать предпосылок для буржуазной революции. Время для классового буржуазного государства еще не созрело. Поэтому различаемые в общем хоре оппозиции речи об единой империи, единой нации, едином государстве, об единой монете, мерах и весах, об отмене внутренних пошлин, уничтожении всех привилегий и даже цехов («Реформация императора Сигизмунда»), не должны никого смущать при оценке движения 1524 года. Это лишь мечты нарождающейся буржуазии о своем будущем владычестве, о прелестях обетованной земли своего классового государства, мечты, для данного момента не менее утопичные, чем мечты о крестьянском царстве. Буржуазии требовалось пройти долгую школу холопства под руководством княжеского абсолютизма, прежде чем явиться перед лицом мира в золоченой мантии нового владыки, правда, все еще с холопскими манерами и лакейской наглостью. Весьма кстати начавшийся в XVI ст. экономический кризис растянул курс этой полезной политической выучки в княжеских лакейских на два слишком столетия.

Кризис вызвали те же причины, которые на первых порах способствовали небывалому экономическому подъему Герма-

нии. Этими причинами послужили открытие Америки и морского пути в Индию. Экспортная торговля из сухопутной мало-по-малу становится главным образом морской. Старые торговые пункты в Италии, делавшие Германию центром мировой торговли, постепенно забрасываются, а вместе с тем падает и благосостояние городов, расположенных на этих путях. Преимущественное значение приобретают приморские города, и притом города тех стран, в которых сильная королевская власть могла бы оказать защиту и поддержку отечественной торговле в ее борьбе с чужеземной конкуренцией. Такими странами были на юге Португалия, занявшая место Италии, на севере Нидерланды и Англия. В границах империи приморские города существовали лишь на берегу Балтийского моря. Объединенные в могучий Ганзейский союз, они в течение нескольких веков держали в своих руках всю торговлю с севером. Но борьба с усилившимися государствами севера—Данией, Швецией и Норвегией и с немецкими князьями, зарившимися на сокровища богатых независимых городов, и падение Новгорода сломили их силу. С 1500 года общая сумма перевозимых Ганзой товаров уже перестает возрастать, в рейнских городах с середины XVI ст. происходит ряд крупных банкротств, завершившихся в 1614 году крахом денежных королей—Вельзеров. В дополнение к экономическому кризису страну постигает денежный крах. С сокращением внешней торговли благородные металлы перестают поступать на рынок в прежнем количестве и в то же время падает местная горная промышленность. Недостаток кредита заставляет князей и города прибегать к постоянной порче монеты. Старые монеты переливаются по новым образцам; в серебро и золото, не скупясь, прибавляют лигатуру. Такой дешевый способ увеличивать доходы приходится в высшей степени по вкусу, и князья чаще и чаще начинают прибегать к нему. В результате вся еще не испорченная или сравнительно мало испорченная монета уходит за границу, и недостаток в деньгах принимает угрожающие размеры. Жалобы на застой в делах к началу XVI в. превращаются во всеобщий вопль об упадке торгового сословия и опустения дорог. Самостоятельная политическая и экономическая роль городов была сыграна. Лихорадочный темп хозяйственной жизни

страны, вызванный непрерывным ростом вывозной торговли, останавливается на мертвой точке вместе с крушением торгового капитала. Происходит перераспределение торговых и промышленных центров, выступает иное соотношение разных сторон хозяйственной деятельности нации. Во многих старых центрах жизнь замирает, и нарождаются новые. Основой дальнейшего развития служит теперь внутренний рынок и местное производство. В Германии пульс жизни оживает с утомительной медленностью, гигантские шаги экономической революции заменяются осторожными, мелкими шажками самодовольного лавочника.

Гроза, пронесшаяся над средневековым городом, произвела опустошение не только внутри его стен, но и за стенами во всей области его влияния. Остановка и даже поворот назад экономического развития испытывает и деревня. Сельское хозяйство переходит к низшим формам культуры, цены на землю повсеместно падают. Недостаток денег заставляет вновь переходить от установившихся денежных повинностей к натуральным. Князья с отчаяния даже перестают уплачивать жалованье своим чиновникам. Крестьянское хозяйство, уже подорванное восстанием, окончательно расстраивается, что лишает крестьянство последней силы сопротивления. Вместе с тем заминка в развитии денежного хозяйства, роста городов и расслоения деревни отодвигает еще дальше надежду на освобождение.

Вся совокупность хозяйственных условий повелительно диктовала германским государствам определенное направление исторического развития, и изменить его не в силах была никакая победа крестьянской революции. В случае победы, которая, повторяем, была весьма вероятна, крестьянам пришлось бы вести войну сразу на два фронта, во вне и внутри. На границах они принуждены были бы отбиваться от вторжения чужеземных князей, главным образом, воинственных французских королей, успевших уже достигнуть абсолютной власти и большого могущества и не приминувших бы воспользоваться малейшей слабостью Германии, чтобы присоединить ее к своим владениям, предварительно подавив, конечно, завоеванную народом свободу. В собственной стране их ждала домашняя измена со стороны дворянства и князей, лишившихся прежних привилегий и рабочих рук

крепостных для возделывания как собственных, так и награбленных церковных земель; со стороны городской аристократии, потерявшей покупателей своих товаров в лице обнищавшего дворянства и свои деньги, отданные под залог имений. Только в союзе с городскими рабочими по силам подобная двойная война, только коммунисты и городская и деревенская беднота, привычные к лишениям и борьбе, способны были долго выносить тяготы военного времени ¹⁾.

История дает нам поучительный пример. 30 июля 1419 года чехи подняли восстание во имя евангельской свободы, подобно тому, как в 1525 г. это сделали немцы. Но их войска, в рядах которых по храбрости и преданности делу первое место занимали коммунисты, были победоносны. Король бежал. Под предводительством гениального полководца Ивана Жижки, а затем Прокопа, они не только отразили все нападения чужеземных государей, но перешли даже в наступление и навели ужас на пол-Европы. При одном имени «гусситы» (так называли повстанцев, потому что они подняли оружие во имя вероломно сожженного католической церковью знаменитого чешского проповедника Ивана Гусса) чужеземные армии разбегались, еще не видя врага. В продолжение пятнадцати лет народ сам управлял своей страной. Но непрерывные войны его утомили. Состав войск значительно ухудшился, так как поселяне и горожане расходились по домам, и рекрутов приходилось набирать из всякого сброда. Чешские дворяне, сражавшиеся раньше в рядах повстанцев за «свободу», присвоив себе земли духовенства, сочли исполненным свой долг перед родиной. Они вошли в сделку с императором, обещавшим не отбирать у них награбленных земель, и, соединившись с его войсками, разбили гусситов. Народ опять попал в прежнюю кабалу ¹⁾. Потянулись долгие века беспросветного рабства и ничем не сдерживаемого произвола.

Два раза обходила революция Западную Европу. В 1303 г. она вручила свой меч храброму и искусному Дольчино, во-

¹⁾ Там, где, как в Зальцбурге и Тироле, в движении значительное участие принимали рудокопы, восстание держалось дольше, и победа досталась князьям лишь после упорной борьбы.

¹⁾ Только город Табор, основанный коммунистами, сохранял еще в течение 15 лет свою независимость.

ждю итальянского восстания, в 1358 году взволновала Францию, в 1381 году обошла Англию, в 1419 оросила своею кровью могилу великого славянского мученика Ивана Гусса и в 1525 году страшным багровым заревом осветила небо Германии и Австрии. И, несмотря на временные успехи, всюду была она побеждена. Это были крестьянские войны. За старые права и вольности выступило крестьянство против надвигающихся бедствий. Они хотели повернуть колесо истории назад. Но наступающее новое оказалось сильнее крестьянства и раздавило его.

Тогда революция начала свое второе шествие. В 1572 г. она вступила в Голландию и царствовала здесь более полувека. В 1642 г. она проникла в Англию, в 1789 потрясла Францию и, наконец, в 1848 г. снова вернулась в Германию и Австрию. И чело ее было украшено лавровым венком победительницы. С ее появлением всюду рушились престолы, и гордые деспоты падали ниц. Из городов выходило теперь восстание и при поддержке крестьянства свержало тиранов. Последние исполнили свою роль: народ разорился почти до полной нищеты; торговля и промышленность расцвели; голодных рабочих имелось более чем достаточно, оставалось только раскрепостить крестьянство. Дальнейшее обеднение страны стало невыгодным, могло повести к упадку государства; невероятно развившиеся воровство и мотовство королей и их чиновников высасывали из населения последние соки, отягощали чрезмерно государственную казну; слепой и дикий произвол власти только мешал дальнейшему развитию страны. Усложнившаяся жизнь требовала знаний, а правительство боялось школ, как совы дневного света. Капиталы были созданы и для своего применения требовали уничтожения всех стеснений и ограничений, налагаемых феодальным государством, всех привилегий и сословий и полного переустройства государства на началах свободы. «Свободы!»— стало общим кличем движения. «Железной палкой» народ стал разбивать «старые горшки». Победа была полная, потому что движение подняло оружие против старого и обветшалого за новое; оно смотрело не назад, а вперед.

Голландская и английская буржуазные революции совершались еще под знаменем «свободного евангелия»; французская, немецкая и австрийская просто под знаменем сво-

боды, человеческой свободы. Но с этой свободой случилось то же, что когда-то с евангелием: каждый понимал ее по-своему. Если одни думали о свободе от всякой зависимости, о свободе от гнетущей нужды, то другим нужна была свобода грабительства. Революция отняла у помещиков право распоряжаться судьбою крестьян, выжимать из них все соки: она передала нищее население в полную власть капиталистов. Голод явился лучшим законодателем, который, вернее казацкой нагайки, погнал рабочий люд в железные тиски фабрик и заводов. Капиталисты пожали золотые плоды революции. Так совершались буржуазные революции на Западе.

Теперь Европа вступила в полосу третьей социалистической революции, начало которой положено русской октябрьской революцией, которая не только освободила крестьянство от помещичьей кабалы, но и открыла перед ним возможность нового социалистического строительства под руководством и в союзе с пролетариатом.

Великая крест. война в Германии.

П Р И Л О Ж Е Н И Я.

I.

Тезисы шварцвальдских крестьян.

Так как в городах и селах духовные и светские господа обременяли бедный, простой народ всеми возможными тягостями, вопреки божьей воле и всякой правде, тогда как бедняки не трогали и пальцем своих владетелей—господ, то отсюда ясно, что таких тягостей и неправд ни сносить, ни терпеть больше не следует; в противном случае, бедный простолюдин, вместе с своими детьми, вечно будет голодать и бродить с нищенским посохом. А потому настоящее христианское братство поставило себе целью освободиться, с божьей помощью, от претерпеваемых зол, освободиться, насколько возможно, без насилий и пролития крови; а это возможно, разумеется, только при братском единодушии во всех делах, касающихся пользы христиан и изложенных в прилагаемых здесь тезисах. Поэтому наша дружеская просьба, наше желание, наше братское стремление заключаются в том, чтобы вы вошли с нами добровольно в христианское единение и братство для восстановления, поддержания и преумножения братской любви и общего благополучия всех христиан. Если вы так поступите, то исполните волю божию и святую его заповедь о любви к ближнему. Но если вы отвергнете наше желание, чего мы, однако, не ожидаем, то объявляем вам наше светское отлучение, и отлучение это не снимется с вас до тех пор, пока вы не откажетесь от вашего намерения, не вступите дружелюбно в христианское с нами единение.

1) Вот в чем заключается наше светское отлучение: вступившие в наше христианское братство должны поклясться своею честью и всем своим достоянием, что они будут избегать и уклоняться от всякого сообщества с людьми, не пожелавшими войти с нами в братское единение для общей пользы всех христиан; что они не станут с такими людьми ни есть, ни пить, ни молоть, ни печь, ни пахать, ни косить; что они не будут им ни доставлять, ни облегчать доставку пищи, питья, мяса, зерна, соли, дров или других каких жизненных припасов; что они не будут ничего покупать и ничего продавать им. Пусть они будут всеми оставлены, как отрезанные и мертвые члены, потому что они не только бесполезны, но даже вредны для пользы христианства и для земного мира. Пусть их никто не допускает продавать и покупать на рынке, пользоваться лесом, лугами, водой, если

только они еще не успели завладеть всем этим силою; а кто из вступающих в наше единение нарушит это запрещение, пусть также будет исключен из нашего общества, пусть и он подвергнется тому же отлучению и, вместе с женою и детьми, будет выпровожен к упорствующим и несправедливым.

2) О замках, монастырях и священнических приходах.

«Так как измена, насилие и несправедливость родились и возросли в замках, монастырях и священнических приходах, то все такие места подлежат с настоящего времени отлучению. Но где дворянство, монахи или попы добровольно откажутся от этих замков, монастырей или приходов, переселятся в обыкновенные дома, подобно другим богобоязненным людям, и согласятся войти в наше христианское единение, то такие лица, вместе со всем своим имуществом и стяжанием, должны быть нами дружелюбно и приветливо приняты; пусть всякий честно и нерушимо уважает все принадлежащее им, по божескому праву, без всяких ограничений.

3) О тех, которые скрывают, подстрекают и поддерживают врагов нашего христианского единения.

«Также и тех, которые укрывают, подстрекают и поддерживают врагов христианского единения, нужно миролюбиво отклонять от такого поведения, но если они не перестанут упорствовать, то пусть без дальнейших рассуждений будут подвергнуты светскому отлучению».

II.

Истинные и справедливые тезисы всего крестьянского сословия и всех захребетников (hintersassen), обиженных своими духовными и светскими властями.

Христианскому читателю мир и благодать божия во Христе.

«Многие лицемерные христиане, по поводу настоящего соединения крестьян, изрыгают хулы на евангелие и говорят: «Вот каковы плоды нового евангелия: никому не повиноваться, повсеместно бесчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежническими скопищами, для того, чтоб реформировать, гонять, даже, быть может, умерщвлять духовные и светские власти!». Ответом на эти беспутные и лживые обвинения должны служить нижеследующие тезисы, написанные с целью снять клевету с слова божия и оправдать, с христианской точки зрения, неповиновение и даже открытое восстание крестьян.

«Во-первых, евангелие не виновато в мятежах и волнениях, потому что оно вышло из уст Христа, обетованного Мессии, которого слова и жизнь поучают только любви, миру, долготерпению и единению (Римл. 2): все верующие во Христа должны жить в любви, мире и согласии, а потому все тезисы крестьян, как всякий ясно увидит, направлены только к тому, чтобы внушить крестьянам истинные евангельские правила и научить их жить сообразно с этими правилами. Каким же образом лицемерные христиане могут считать евангелие при-

чиной неповиновения? Если есть между христианами такие лицемеры и враги евангелия, которые с упорством восстают против всех наших требований и желаний, то в этом виновато не евангелие, а виноват дьявол, заклятый враг евангелия; он-то и вовлекает своих сынов в преступления, возбуждая в них неверие, для того, чтобы слово божие—слово любви, мира и единения—окончательно заглохло и было предано забвению.

«Во-вторых, отсюда следует ясно и бесспорно, что крестьяне, желающие в своих тезисах строго придерживаться евангельских правил, не могут быть названы непокорными и мятежными. Если господь услышит молитвы крестьян, желающих только одного: жить по его слову, то кто осмелится тогда порицать волю Божию (Римл. 11)? Кто осмелится вмешиваться в его суд (Ис. 40)? Кто осмелится противиться его величю (Римл. 8)? Если он внял молениям сынов израилевых, взывавших к нему о помощи, и освободил их от руки фараона, то разве он не может и теперь спасти своих людей? Да, он пошлет им свое спасение, и пошлет немедленно (2 Моис. 3, 14, Лук. 18, 8). Итак, христианин, читай внимательно эти тезисы и глубже вникай и обсуждай их.

Первый тезис. «Во-первых, мы покорнейше просим и единодушно желаем, чтобы отныне нас не лишали наших прав и преимуществ, чтобы всякий приход сам выбирал своего священника (1 Тимоф. 3), и чтобы прихожане имели право смещать его, если он поступает не по закону (Тит, 1). Выбранный пастырь должен нам проповедывать евангелие ясно и разумно, без всяких своих прибавлений, мудрствований и выпусков (Деян. апост. 14). Когда нам будет постоянно проповедуема истинная вера, мы приобретем право просить у господя, чтобы он снискал нас своею благодатью, поселил и усугубил в нас живую веру (5 Моис., 31); если благодать божия не вселится в нас, то мы навсегда останемся только никуда негодною плотью и кровью (5 Моис. 10; Иоан. 6); в писании ясно говорится, что только истинная вера может приблизит нас к богу, и что спасение наше в его милосердии (Галат. 1). Мы нуждаемся в достойном предстателе и духовном отце, которой был бы научен писанию так, как это мы высказали.

Второй тезис. «Во-вторых, несмотря на то, что справедливая десятина, установленная в ветхом завете, была отменена в новом, мы все-таки охотно будем выплачивать ее зерном, но только там, где это нужно. Поэтому мы жертвуем ее богу в пользу его служителей (Евр. Пс. 109). Если в ней будет нуждаться священник, проповедующий как следует слово божие, то мы спорить не станем, пусть тогда эту десятину собирают и получают церковные сборщики, назначаемые общиной, а священник, выбранный приходом, со всеми своими домочадцами будет пользоваться из сбора соответственною частью, по распоряжению всего прихода; остаток должен быть поделен между бедными прихожанами той же деревни, по мере их нужд, и по усмотрению прихода (5 Моис. 25, 1., Тимоф. 5., Матф. 10 и Коринф. 9), а все, что за тем останется, должно сберегаться на случай какого-нибудь несчастия или войны; из этого-то избытка и следует удовлетворять

общественным нуждам, не обременяя бедного населения налогами. Если бы случилось, что одна или несколько деревень продали свою десятину, по какой-нибудь надобности, то купивший должен прежде всего доказать действительность покупки, и тогда мы войдем с ним в соглашение, смотря по важности дела (Лук. 6.; Матф. 5). Но кто не сам купил деревни, десятину, а получил ее от предков, присвоивших ее себе силою или хитростию, тому мы не хотим и не должны ее давать; мы только обязываемся, как сказано прежде, содержать священников и, по писанию, раздавать милостыню нищим. Кроме того, мы не хотим платить ни духовным ни светским лицам никакой малой десятины, так как бог предоставил скотину в полное распоряжение человека (1 Моис. 1). И потому эту десятину мы считаем несправедливою, выдуманною людьми, и давать ее больше не будем.

Третий тезис. «В-третьих, до сих пор было в обыкновении считать нас чужою собственностью, но это противно священному писанию, потому что Христос своею божественною кровью всех нас искупил и всем нам даровал спасение (Ис. 53., 1 Петр. 1., 1 Коринф. 7., Римл. 13), начиная от последнего пастуха до могущественнейшего монарха. Вот почему священное писание говорит, что мы свободны—и мы хотим быть на самом деле свободными. (Премудр. 6., 1 Петр. 2). Это не значит, что мы хотим необузданной воли и не признаем никаких властей. Мы должны жить по заповедям, а не по внушениям греховной плоти (5 Моис. 6., Матф. 4); мы должны любить бога как своего творца и познавать его в ближних, которым мы обязаны доставлять все то, что сами желали иметь бы, по слову спасителя на тайной вечери (Лук. 4, 6., Матф. 5., Иоан. 13). Поэтому мы не будем нарушать заповеди божьей, которая вовсе не говорит нам, чтобы мы не виновались властям. Не только перед властями, но перед всяким мы должны смиряться (Римл. 31). Мы не думаем сопротивляться выбранным и установленным правителям, потому что закон божий (Деян. апост. 5) запрещает нам это. Итак, мы не нарушаем покорности, потому и вы должны, с своей стороны, поспешить освободить нас из-под ига крепостного рабства или евангельским словом доказать нам, что мы должны оставаться рабами.

Четвертый тезис. «В-четвертых, до сих пор велось обыкновение, что ни один бедный человек не имел права ни охотиться на птиц, ни ловить рыб в господских владениях. Это кажется нам совершенно несправедливым, несогласным с братскою любовью и словом божьим. В некоторых местах знатные господа нарочно держат животных, чтобы только повредить нам и увеличить нашу бедность. Эти бессмысленные твари жадно пожирают у нас все, что бог дал человеку для его пропитания, а мы должны молчать, хоть этим явно наносится оскорбление и богу и людям. Создавши человека, господь дал ему власть над всякими животными, над птицами, в воздухе летающими, и рыбами, в водах плавающими (1 Моис. 1., Деян. апост. 19., 1 Тим. 4., 1 Коринф. 10., Колос. 2). Поэтому мы желаем: чтобы всякий владеющий рекою или овером представил достаточные письменные доказательства своего права владения и тогда пусть ею владеет; мы

не станем употреблять против него насилия: надобно поступать со всяким по правилам христианской любви и братства. Тот же, кто не представит удовлетворительных доказательств своего первовладения, пусть отступится от захваченного в пользу общины.

Пятый тезис. «В-пятых, мы считаем себя также обиженными и в отношении владения лесом: наши господа присвоили себе все леса, и если бедный человек нуждается в дереве, он принужден платить за него вдвое дороже, чем действительно желал получить. По нашему мнению, леса, на владение которыми духовные и светские господа не могут представить доказательств, должны быть отданы в распоряжение общины; каждый, в случае нужды, может получать от общины бесплатно дрова и лес, даже и для столярного производства, разумеется, только с ведома лиц, выбранных общиною, в видах предупреждения истребления лесов. В тех случаях, когда он приобретет собственность честным путем, община должна войти в соглашение с собственниками, по законам христианской и братской любви. Если же лесное имущество было сначала куплено одним, а потом перепродано другому лицу, то с покупателями надобно войти в соглашения, какие укажет дело, по духу братской любви и священного писания.

Шестой тезис. «В-шестых, мы считаем себя горько обиженными тяжелою службою, которая с каждым днем становится все невыносимее и невыносимее. Мы желаем, чтобы на это было обращено внимание и чтобы нас не обременяли так жестоко; пусть нас заставляют служить так, как служили наши отцы, согласно с божеским писанием. (Рим. 10).

Седьмой тезис. «В-седьмых, мы не хотим больше и слышать о поборгах и несправедливостях господ: всякий должен неприкосновенно пользоваться своими правами, как они определены в условиях между господином и крестьянином. Господин не должен более мучить и прижимать крестьянина, не должен требовать от него ни службы и ничего другого даром (Лук. 3., Фесс. 6), так, чтобы крестьянин мог свободно и спокойно распоряжаться своим имуществом. Но если понадобится господину крестьянская служба, то крестьянин должен служить охотно и покорно, впрочем, за известное вознаграждение и только в определенное время, для устранения всяких потерь и убытков.

Восьмой тезис. «В-восьмых, многие из нас, имеющих собственность, отягчены высоким податным окладом, которого не могут вносить их имущества; отсюда крестьянам часто приходится терять свое достояние. Мы желаем, чтобы господа послали для оценки таких имуществ честных людей и взимали бы оброк, смотря по их стоимости. Крестьянин не должен работать для себя без выгод, потому что всякий работник достоин своей платы (Матф. 10).

Девятый тезис. «В-девятых, мы чувствуем себя глубоко обиженными тою безбожною несправедливостью, с которою постоянно увеличивают наши наказания; очень часто нас наказывают несообразно с виною, по злобе, а иногда ради пристрастного снисхождения к другим. Мы желаем, чтобы нас наказывали согласно с древним пи-

саным законом, соразмерно с виною, а не пристрастно (Ис. 10., Эфес. 6., Лук. 3., Иерем. 16).

Десятый тезис. «В-десятих, мы считаем себя и тем еще обиженными, что некоторые лица присвоили себе пашни и луга, принадлежащие общинам. Если эти земли приобретены в собственность не честным путем, то мы опять отберем их в пользу наших общин; но если за них заплачены следуемые деньги, то мы вступим в дружеское и братское соглашение с их владельцами, смотря по важности дела.

Одиннадцатый тезис. «В-одиннадцатых, мы хотим совершенной отмены обычая, называемого посмертным отобранием; мы не можем допустить и терпеть, чтобы у вдов и сирот, вопреки чести и божьей воле, так бессовестно отнималась собственность, как это случается во многих местах под разными видами. Вместо того, чтобы защищать и оберегать нас, многие обдирают, грабят поселян, и если бы было у них достаточно силы, то они обобрали бы их до последней нитки. Господь не хочет этого более терпеть, и обычай посмертного отобрания должен быть отменен: с этих пор, по смерти лица, семейство его никому и ничего не платит—ни много ни мало. (5 Моис. 13., Матф. 8, 23., Ис. 10).

Заключение. «В-двенадцатых, мы пришли к такому решению: если один или несколько из наших тезисов несогласны с словом божьим, то мы от них отступимся, как только это нам докажут по писанию. И если даже какой-нибудь из наших тезисов будет признан достойным внимания и назван справедливым, а впоследствии окажется неправильным, то мы немедленно от него откажемся, как от мертвого и недействительного члена. Если даже многие тезисы будут найдены противными богу и вредными для ближнего, то мы всех их возьмем назад, и будем молить господа, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению, потому что этот разум исходит только от бога, а не от кого другого. Благодать господа нашего Иисуса Христа буди со всеми нами».